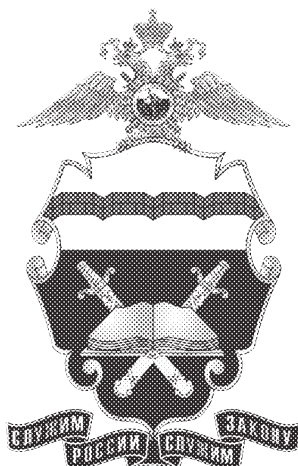

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

Журналу 30 лет

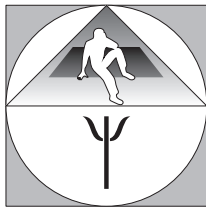

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 30
№ 4(103) октябрь – декабрь 2025 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 30
No 4(103) October – December 2025**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 2025. Том 30, № 4(103)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

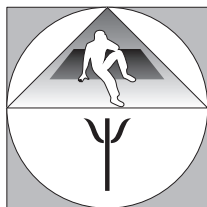
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. А. Адольф, д-р пед. наук, проф. (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
А. В. Булгаков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. В. Вахнина, д-р полит. наук, проф. (Университет прокуратуры РФ, Москва)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
В. В. Векленко, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
М. А. Ерофеева, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
С. Ю. Жданова, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
Э. Р. Исхаков, д-р мед. наук, проф. (Уфимский юридический институт МВД России)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Государственный университет просвещения, Москва)
М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)
В. В. Кожеников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. М. Красноярецкая, д-р психол. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Воронеж)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлинцев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, проф. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
А. Н. Сухов, д-р психол. наук, проф. (Академия ФСИН России, Рязань)
О. А. Ульянина, д-р психол. наук, доц. (ФКЦ по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования, Москва)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Н. В. Ходякова, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)

Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)
Редакционный совет
В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
В. Н. Александровская, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф. (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького)
К. Апдеш, д-р философии (Оборонный институт психол. исследований (ДИПР), организации оборонных исследований и разработок Министерства обороны, Индия)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Бурыков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
И. В. Гайдамашко, д-р психол. наук, проф. (ФНЦ психологических и междисциплинарных исследований, Москва)
А. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
В. Ф. Енгальцев, д-р психол. наук, проф. (Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского)
В. О. Зверев, д-р ист. наук, доц. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караяни, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
А. Н. Пастушенко, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
В. Л. Ситников, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Д. В. Четвериков, д-р психол. наук (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, Омск)
Ян Инвэнь, д-р права (Чжэцзянская академия СМИ и коммуникаций, КНР)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор А. Ф. Караваев. Редактирование, корректура М. В. Виноградовой. Компьютерная правка и верстка М. Ю. Чалковой. Перевод, корректура Ю. И. Алферовой. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://pp.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 24.12.2025. Тираж 120 экз. Уч.-изд. л. 15,2. Усл. печ. л. 14,5. Заказ № 319. Бесплатно. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2025

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 30, No 4(103). 2025

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

G. D. Babushkin, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. A. Adolf, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Krasnoyarsk, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Science (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Tyumen, Russia)
A. V. Bulgakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
I. V. Vachkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Science (in Political), Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Science (in Law), Professor (Irkutsk, Russia)
M. A. Yerofeyeva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
S. Y. Zhdanova, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Perm, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Ufa, Russia)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Voronezh, Russia)
E. A. Naumenko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Urgench, the Republic of Uzbekistan)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Science (in Pedagogy), Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Ryazan, Russia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Science (in Psychology), Associate-professor (Moscow, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. V. Khodyakova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Omsk, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

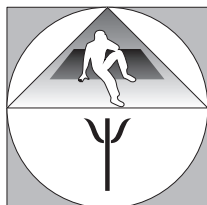
The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Science (in Pedagogical) — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Science (in Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial*

council (Moscow, Russia)

A. G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
V. N. Alexandrovskaya, Doctor of Science (in Philosophy), Doctor of Science (in Psychology), Professor (Donetsk, Russia)
K. Updesh, Ph. D. (New Dehli, India)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Science (in Political) (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
I. V. Gaydamashko, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. V. Glazkov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Science (in Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
V. F. Engalychev, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Kaluga, Russia)
O. V. Zverev, Doctor of Science (in History), Associate-professor (St. Petersburg, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Science (in Psychology), Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. N. Konovalov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
A. G. Maklakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
V. I. Sitnikov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (St. Petersburg, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Science, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Science (in Psychology), Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Science (in Psychology) (Omsk, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Science (in Medicine), Professor (Moscow, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr-kt Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: +7(3812)750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>. <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 24.12.2025. Circulation: 120. Published sheets 15,2. Conventional printed sheets: 14,5. Order No 319. Free of charge. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2025

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

2025. Том 30, № 4(103)

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Караяни А. Г., Проценко С. А., Трофимов Н. В.
Социальные ожидания в обществе как механизм
ресоциализации участников боевых действий ... 378

Николаев А. Н. Профессионально важные
коммуникативные умения инспекторов
дорожно-патрульной службы 392

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Абдуллин А. Г., Васильева С. Н., Караваев А. Ф.
Развитие и поддержание жизнеспособности
пожилого человека (на примере социально-
психологического тренинга) 398

Свободный Ф. К., Свободный Б. Ф. Диагностика
при помощи полиграфа информированности
личности о количестве ситуаций собственного
правонарушающего поведения. 409

Тулитбаева Г. Ф., Ахмадеева Е. В.
Связь профессионального выгорания
с суицидальным риском и невротическими
состояниями у сотрудников МЧС России. 415

Лобанова Е. С., Фатеева О. Ю. Негативные
профессиональные установки сотрудников
уголовно-исполнительной системы
с разным уровнем иррациональности
мышления. 421

Смоленский Д. В., Кузнецова И. А., Шилова И. М.
Особенности установок семейных отношений
у неоднократно осужденных
к лишению свободы. 428

**Братухина Е. А., Братухин А. Г., Магазева Н. В.,
Панфилова А. А.** Толерантность
к неопределенности как детерминанта
совладающего поведения обучающихся 433

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Ульянова И. В. Служебно-профессиональное
воспитание курсантов образовательных
организаций МВД России в условиях
организованного досуга. Часть 2. Киноклуб 440

Нефедова Л. К. Ценностные смыслы духовной
культуры в основании культурных практик 450

Петров А. В. Традиционные российские
духовно-нравственные ценности: разговор
в блиц-формате с сотрудниками ОВД 459

Веретенникова А. Е., Дежнева В. В. Ценностные
ориентации и мотивационная направленность
иностранцев обучающихся при изучении
русского языка как иностранного 468

**Сумина Е. А., Мишин А. М., Благовещенская М. А.,
Ревягин А. В.** Организационный механизм
управления карьерой сотрудников органов
внутренних дел 474

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СПОРТА, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**Осипов А. Ю., Гуралев В. М., Дворкин В. М.,
Клепцова Т. Н.** Сравнение использования
двух специфичных функциональных
тренировок в процессе соревновательной
подготовки дзюдоисток-юниорок 480

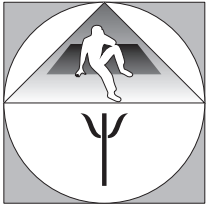
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Десятов М. С. Правосознание судей
в системе судебного контроля за оперативно-
розыскной деятельностью: проблемы правовой
психологии 487

Васильева Н. В. Концептуальные основы
формирования позитивной административной
ответственности 491

Информация для авторов 496

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 30, No 4(103). 2025

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

Karayani A. G., Protsenko S. A., Trofimov N. V.
Social Expectations in Society as a Mechanism
for the Re-socialization of Participants
of Combat Operations 378

Nikolaev A. N. Professionally
Important Communication Skills
of Traffic Police Inspectors 392

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

Abdullin A. G., Vasilieva S. N., Karavaev A. F.
Developing and Maintaining the Vitality
of an Elderly Person (by the example
of Socio-Psychological Training) 398

Svobodny F. K., Svobodny B. F.
Polygraph Diagnostics of the Person's Awareness
of the Number of Situations of his own
Delinquent Behaviour 409

Tulitbaeva G. F., Akhmadeeva E. V.
Connection between Professional
Burnout and Suicidal Risk and Neurotic Conditions
in Employees of the Russian Ministry
of Emergency Situations 415

Lobanova E. S., Fateeva O. Yu. Negative Professional
Statements of Penitentiary System Officers
with Different Levels of Irrational Thinking 421

Smolensky D. V., Kuznetsova I. A., Shilova I. M.
Characteristics of Attitudes to Family Relations
in Convicts Repeatedly Sentenced
to Imprisonment 428

**Bratukhina E. A., Bratukhin A. G., Magazeva N. V.,
Panfilova A. A.** Tolerance to Uncertainty
as a Determinant of Learners' Coping Behavior 433

PEDAGOGICAL SCIENCES

GENERAL PEDAGOGY, THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION, LEARNING AND UPBRINGING

Ulianova I. V. Service and Professional Education of
Cadets of Educational Organizations of the Russian
Ministry of Internal Affairs
in conditions of Organized Leisure.

Part 2. Cinema Club 440

Nefedova L. K. Value Meanings of Spiritual Culture
as the basis for Cultural Practices 450

Petrov A. V. Traditional Russian Spiritual and Moral
Values: Conversation in a Blitz Format
with Law Enforcement Officers 459

Veretennikova A. E., Dezhneva V. V.
Value Orientations and Motivation
of Foreign Students Learning Russian
as a Foreign Language 468

**Sumina E. A., Mishin A. M.,
Blagoveshchenskaya M. A.,
Revyagin A. V.** Organizational Mechanism
for Managing the Law Enforcement
Officer's Career 474

THEORY AND METHODS OF SPORTS, PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING AND HEALTH IMPROVING PHYSICAL CULTURE

**Osipov A. Yu., Guralev V. M., Dvorkin V. M.,
Kleptsova T. N.** Comparison of Using
Two Specific Functional Training Sessions
in the Process of Competitive Training
of Women Judo Juniors 480

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

Desyatov M. S. Judges' Legal Consciousness
in the System of Judicial Control over Operational
Crime Detection Activities:
Problems of Legal Psychology 487

Vasilieva N. V. Conceptual Basis for Building
Positive Administrative Responsibility 491

Information for authors 496

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Караяни А. Г., Проценко С. А., Трофимов Н. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-378-391

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Социальные ожидания в обществе как механизм ресоциализации участников боевых действий

Александр Григорьевич Караяни, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры военно-психологической работы, академик военных наук, член-корреспондент РАО, член Экспертного совета Комитета Государственной Думы по обороне¹; karayani@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>

Сергей Анатольевич Проценко, кандидат психологических наук, директор Центра разработок и аналитики института Высшей школы государственного управления Президентской академии РАНХиГС²; proccent@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-7381-0541>

Никита Валерьевич Трофимов, проректор мастерской управления «Сенеж», генеральный директор Союза «Агентство развития профессиональных квалификаций», член Экспертного совета Комитета Государственной Думы по обороне³; tehoil@mail.ru

¹ Военная академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119606, Москва, пр-кт Вернадского, 84, стр. 1, Россия

³ Мастерская управления «Сенеж», АНО «Россия — страна возможностей», 141508, Московская область, Солнечногорск, ул. Прибрежная, стр. 2, Россия

Реферат. Введение. Цель — выявить характер влияния социальных ожиданий на ресоциализационные процессы у ветеранов боевых действий и на этой основе исследовать концептуальную модель трансформации социальной функции государства, предполагающую переход к созданию инфраструктуры социальных ожиданий через формирование института «архитекторов социального пространства» и проектирование коммуникативных интерфейсов между социальными системами. **Материалы и методы.** Анализ научной литературы и интернет-публикаций, невключенное наблюдение и беседы с ветеранами боевых действий. Проведены качественные полуструктурированные интервью с ветеранами. Выполнен пилотный количественный опрос курсантов — психологов военного вуза (n=48), включавший четыре дихотомические позиции; участие было анонимным и добровольным. **Результаты и обсуждение.** Среди общей массы ветеранов боевых действий выделяются различные группы (категории ветеранов): по психологическим последствиям участия в боевых действиях — устойчивые, демонстрирующие посттравматический рост, «оставшиеся на войне», переживающие кризис реадaptации и ресоциализации, страдающие посттравматическим стрессовым расстройством; по социализационному потенциалу — военнотрудовые и сотрудники силовых ведомств, добровольцы, мобилизованные, заключившие контракты из мест лишения свободы, ветераны-женщины, раненые и инвалиды и т. д. Полноценная ресоциализация ветеранов предполагает учет психологических особенностей ветеранов, построение разных маршрутов их ресоциализации, повышение ресоциализационных возможностей общества и активности просоциальных групп, реализацию адекватных схем ресоциализации ветеранов. Вместо патологизирующего нарратива (акцент на посттравматическое стрессовое расстройство) обществу и средствам массовой информации необходимо формировать позитивные, созидательные ожидания, подчеркивая посттравматический рост, устойчивость и статус ветеранов как «подлинной элиты» страны. **Выводы.** Для успешной ресоциализации требуются научно обоснованные программы, учитывающие многообразие ветеранов и их идентичностей, а также две ключевые модели работы: группы взаимопомощи «изнутри вовне» для постепенной адаптации и работа «извне вовнутрь» для помощи тем, кто уже оказался на социальном дне. Для каждой категории требуются свой уникальный подход и маршрут интеграции в мирную жизнь. Государственная система управления должна создавать условия для того, чтобы деятельностная энергия общества сама определяла, «как должно быть», и реализовывала это на практике. Это превращает поддержку ветеранов из набора государственных мер в органическую часть общественной жизни, легитимированную снизу. В результате государство не «дает указания», а институционализирует и масштабирует те практики и ожидания, которые уже выработаны и отстаиваются обществом как целостной системой.

Ключевые слова: социальные ожидания, идентичность, ресоциализация, реадaptация, реабилитация, реинтеграция, ветераны боевых действий, архитектор социального пространства, социальное пространство, активный человек

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. НИРН^{12.4-2025-1} «Реадаптация и личностное развитие участников СВО при интеграции в систему государственного и муниципального управления».

Для цитирования: Караяни А. Г., Проценко С. А., Трофимов Н. В. Социальные ожидания в обществе как механизм ресоциализации участников боевых действий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 378–391. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-378-391>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Karayani A. G., Protsenko S. A., Trofimov N. V., 2025

doi: 10.24412/1999-6241-2025-4103-378-391

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Social Expectations in Society as a Mechanism for the Re-socialization of Participants of Combat Operations

Alexandr G. Karayani, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Professor at the chair of Military and Psychological Work, Academician of Military Sciences, Corresponding Member of Russian Academy of Education, member of Expert Council of the State Duma Committee on Defence¹; karayani@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>

Sergey A. Protsenko, Candidate of Science (in Psychology), Director of Centre of Development and Analytics of the Institute of Higher School of Public Administration of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration²; proccent@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-7381-0541>

Nikita V. Trofimov, Vice-Rector of Administration Workshop «Senezh», general Director of Union «Agency for the Development of Professional Qualifications», member of Expert Council of State Duma Committee on Defence³; tehoil@mail.ru

¹ Military Academy of the Troops of the National Guard of the Russian Federation, 1 Piliutov Pilot st., Saint Petersburg, 198206, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 bld. 1, Vernadsky pr., Moscow, 119606, Russia

³ Administration Workshop «Senezh», Autonomous Non-Profit Organization «Russia – the Country of Opportunities», bld. 2, Pribrezhnaya st., Solnechnogorsk, Moscow region, 141508, Russia

Abstract. Introduction. The aim is to reveal the nature of the influence of social expectations on resocialization processes in veterans of combat operations and, on this basis, to investigate the conceptual model of transformation of the social function of the state, the transition to creating an infrastructure of social expectations through the formation of the institution of «architects of the social space» and the design of communicative interfaces between social systems. **Materials and Methods.** The authors conducted qualitative semi-structured interviews with veterans, a pilot quantitative survey of respondents-psychology students of military university (n=48), which included four dichotomous positions; participation was anonymous and voluntary. **Results and Discussion.** Different groups (categories of veterans) are distinguished: according to the psychological consequences of participation in combat operations — stable, showing post-traumatic growth, «remaining in war», undergoing crisis of readaptation and resocialization, suffering from post-traumatic stress disorder; according to socialization potential — military servicemen and law enforcement officers, volunteers, the mobilized, prisoners contracted to the military, female veterans, the wounded and the disabled, etc. The full resocialization of veterans involves taking into account psychological characteristics, building different routes for their resocialization, increasing the resocialization opportunities provided by society, increasing the activity of pro-social groups, implementing adequate resocialization schemes for veterans. Instead of a pathological narrative (emphasis on post-traumatic stress disorder), society and the media need to form positive, creative expectations, emphasizing the post-traumatic growth, resilience, and status of veterans as the country's «true elite». **Conclusions.** Successful resocialization requires science-based programs that take into consideration the diversity of veterans and their identities, as well as two key working models: peer groups «from the inside» for gradual adaptation and work «from the outside» to help those already at the social bottom. Each category requires a special approach and route of integration into peaceful life. The state system of governance should create conditions for the active energy of society to define itself, «as it should be», and implement this in practice. This transforms support for veterans from a set of government measures into an organic part of public life, legitimized from below.

Keywords: social expectations, identity, resocialization, readaptation, rehabilitation, reintegration, veterans of combat operations, architects of the social space, social space, active person

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of carrying out research work of the state task of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Research and Development No.12.4-2025-1 «Readaptation and Personal Development of Participants in the Special Military Operation when Integrated into the System of Public and Municipal Administration».

Citation: Karayani A. G., Protsenko S. A., Trofimov N. V. Social Expectations in Society as a Mechanism for the Re-socialization of Participants of Combat Operations. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 378–391 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-378-391>

Основные положения

Окончание специальной военной операции означает возвращение в мирную жизнь сотен тысяч участников боевых действий. Их ресоциализация в мирном социуме может столкнуться с рядом проблем. Во-первых, разнообразие различных групп ветеранов по психологическим последствиям участия в боевых действиях и потенциалам ресоциализации потребует множества социализационных маршрутов. Во-вторых, неоднородность общества по отношению к целям и задачам специальной военной операции создает разную готовность социальных групп к социальной интеграции ветеранов. В-третьих, существующие схемы ресоциализации обладают разными возможностями по поддержке ресоциализационного процесса. Действенным механизмом ресоциализации ветеранов являются социальные ожидания к ним со стороны социума. Социальные ожидания — это мощный инструмент, который может сформировать как идентичность «ветерана-героя», созидателя будущего России, так и стигматизированный образ «ветерана-психотравматика», что становится самореализующимся пророчеством. У ветеранов могут проявляться кризисы идентичности, затрудняющие процесс ресоциализации. В-четвертых, с точки зрения управления сложными системами ресоциализация ветеранов интерпретируется как слабоструктурированная проблема (*ill-structured problem*¹), суть которой заключается в необходимости идентификации и согласования разнородных элементов — социальных, политических, экономических и правовых, вовлеченных в процесс масштабной реинтеграции участников специальной военной операции в структуры мирного общества.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Завершение военных событий всегда ставило перед воюющими сторонами ряд чрезвычайно актуальных и социально важных задач, связанных с поствоенной реинтеграцией общества.

Во-первых, по окончании военных конфликтов появляется необходимость в осуществлении организованного психологического возвращения участников боевых действий в мирную жизнь и перевода их психики с военного на мирный режим функционирования. Эта задача обозначается в разных государствах как «социально-психологическая реадaptация» (Россия) [1–3], «декомпрессия в третьем месте» (Великобритания, Канада и др.) [4–7], «шлюзование» (Франция, Бельгия) [7], «транзит» (США) [8].

Во-вторых, остро встает задача мягкого, бесконфликтного встраивания ветеранов боевых действий в сложную социальную структуру дезинтегрирован-

ного военными событиями общества, «перекрестного» овладения ветеранами и их социальным окружением социальными нормами друг друга, а также новыми ценностями и правилами обращенного к миру социума. Совокупность этих процессов обычно квалифицируется как социализация.

В-третьих, безусловно, потребуется большая работа по оказанию медико-психологической помощи ветеранам, страдающим различными психическими расстройствами, связанными с пережитыми ими боевыми психическими травмами, утратой боевых товарищей, ранениями, ампутациями, нахождением в плену и т. д.

Это кластер задач принято относить к психологической реабилитации ветеранов боевых действий.

В-четвертых, необходимо проектировать ресоциализацию как часть социальной функции государства — в виде перехода от модели «гарантирующего поставщика услуг» к модели «создателя экосистемы социальных норм». В такой экосистеме законодательные гарантии и экономические стандарты являются не конечной целью, а стартовой платформой для запуска самоорганизующихся процессов в обществе, что в итоге и составляет основу подлинного государственного суверенитета и устойчивого доверия.

Вопросы социально-психологической реадaptации и психологической реабилитации ветеранов боевых действий достаточно подробно освещены в психологической литературе [1–3; 9; 10]. Однако проблемы послевоенной ресоциализации ветеранов остаются, по существу, неисследованными. Наиболее важными из этих проблем являются следующие.

Во-первых, в научном пространстве сложилось одностороннее, усеченное видение психологических последствий участия военнослужащих в боевых действиях. Большой и многообразный пласт психологических проявлений, отмечаемых у ветеранов боевых действий, по существу, сводится к посттравматическому стрессовому расстройству. И это несмотря на то что, по самым строгим оценкам, уровень посттравматического стрессового расстройства (далее — ПТСР) у ветеранов боевых действий в Великобритании, Израиле, Нидерландах не превышает 4% от общего числа участников, а у американских военнослужащих находится в пределах 12%. В России, по данным Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева, прогнозируются ПТСР в пределах 3–11% непосредственных участников боевых действий [1; 9].

Между тем исследования показывают, что в общем потоке ветеранов боевых действий, кроме страдающих ПТСР, выделяются категории лиц: устойчивых;

¹ Понятие «*ill-structured problems*» (слабоструктурированные проблемы) — это уточнение и развитие идеи *messy problems* в рамках научного дискурса, особенно в теориях управления, системного анализа и педагогики. Оно подчеркивает не столько «хаотичность» проблемы, сколько отсутствие у нее четкого внутреннего устройства для решения.

испытывающих посттравматический рост; переживающих кризис реадaptации; «оставшихся на войне». Кроме того, по особенностям маршрутов возвращения в социум выделяются такие социальные группы, как военнослужащие и сотрудники силовых ведомств, добровольцы, мобилизованные, заключившие контракты с Минобороны России из мест лишения свободы, раненые и инвалиды, ветераны-женщины и др. И все они отличаются «точками», способами и социально-психологическими эффектами входа в мирное общество.

Во-вторых, сложилась практика, когда ресоциализация рассматривается преимущественно со стороны активности ветеранов боевых действий, их движущих сил (потребностей, мотивов, ценностей, стратегий и т. д.).

Позиция общества и его роль в интеграции ветеранов в свою социальную структуру остается слабо осмысленной в научном отношении, хотя потенциал социума в этой сфере чрезвычайно велик. Такое положение дел — наследие советской эпохи, когда общество было преимущественно ценностно-ориентационно монолитным по отношению к ветеранам боевых действий. Сегодня российское общество дефрагментировано. В нем есть не только социальные группы, поддерживающие специальную военную операцию (далее — СВО), но и те, которые выступают против. Как обеспечить ресоциализацию ветеранов в таком неконсолидированном обществе?

В-третьих, исследованные схемы психологического возвращения ветеранов боевых действий, используемые за рубежом, в России не применяются, а собственные схемы проходят сложный путь научного осмысления и становления.

В-четвертых, наш опыт взаимодействия с руководителями регионального и федерального уровня показал, что управленческие системы здравоохранения, социальной защиты, занятости и экономики сталкиваются со значительными трудностями в диагностике проблем в реабилитации, ресоциализации и реадaptации. Эти ситуации носят характер «неразрешимых» (messy problems) с точки зрения имеющегося инструментария, поскольку их основная сложность часто состоит даже не в поиске решения, а в том, чтобы четко и полно сформулировать саму проблему.

В соответствии с системным подходом перед управленцами встала задача восстановить все недостающие элементы и структуру изначально неполно определенных проблем, включая их альтернативы и возможные решения. Таким образом, цель смещается с поиска простых проектных решений к проведению анализа с той степенью точности, которая адекватна природе самих проблем. Следует учитывать и то, что риск принятия решений в таком контексте чрезвычайно высок, поскольку он требует детального модели-

рования будущего состояния системы. А чем дальше простирается временной горизонт планирования, тем выше неопределенность и, следовательно, тем больший риск вынуждено принимать лицо, ответственное за решение. В сфере ресоциализации этот риск выражается в потенциально непоправимых социальных потерях в различных областях и сферах деятельности.

Данное обстоятельство порождает сложный вызов для руководителей, для принятия которого необходимы принципиально иные управленческие способы, инструменты, механизмы и, что важнее, иной тип мышления, отличный от привычных подходов. Решение проблемы в этом случае становится поиском нового системного качества ресоциализации, направленным на вскрытие скрытой логической структуры. Причем неизвестной нередко является сама такая структура. Именно это дает основания классифицировать проблемы ресоциализации как качественные и слабоструктурированные (ill-structured), имеющие смешанный и неопределенный характер и требующие системных решений.

От решения этих проблем в существенной мере зависит процесс возвращения участников боевых действий в мирный социум.

С учетом вызванной СВО острой актуальности проблемы ресоциализации экс-комбатантов, ее огромной социальной важности и слабой научной осмысленности она выделена в качестве предмета настоящего исследования.

Цель — выявление характера влияния социальных ожиданий на ход и возможный исход ресоциализационных процессов.

Материалы и методы

Методами исследования избраны анализ научной литературы и интернет-публикаций, невключенное наблюдение и беседы с ветеранами боевых действий. Дизайн исследования: смешанный, поисково-описательный. На первом этапе проведены качественные полуструктурированные интервью с ветеранами. На втором этапе выполнен пилотный количественный опрос курсантов-психологов военного вуза (n=48), включавший четыре дихотомические позиции; участие было анонимным и добровольным. Аналитическая стратегия охватывает описательную статистику, расчет доверительных интервалов и логистическую регрессию для оценки связей между установками и демографическими характеристиками.

Результаты и обсуждение

Изучение научных публикаций по исследуемой теме свидетельствует о том, что социальные пространства войны и мира кардинально различаются социальными ценностями, нормами, правилами, ритуалами, традициями, социальными статусами и ролями, языками общения людей, внутригрупповыми санкциями, социальными ожиданиями и т. д. Это разные соци-

альные миры, и полноценный переход из одного мира в другой невозможен без овладения его социальными реалиями и без «врастания» в него посредством отождествления (идентификации) себя с ним.

Выживание на поле боя современных войн невозможно без радикальной перестройки психики, нервной системы и без боевой социализации, т. е. без овладения участником боевых действий боевой культурой, ценностями, нормами, правилами, набором боевых ролей (штурмовик, оператор дрона, связист, медик, командир танка и т. д.), без обретения им новой идентичности — идентичности бойца, члена боевого коллектива [1; 10; 11].

Идентичность рассматривается специалистами как один из важнейших аспектов личностного самоопределения и самосознания человека, особенно в изменяющихся ситуациях. Она ориентирует человека в системе ценностей, отношениях с другими индивидами и группами, моделях поведения, определяет критерии оценки окружающего мира и самооценки [12].

Идентичность — это определенная ценностно-ролевая сосредоточенность человека. Она «встраивает» комбатанта в систему социальных связей и отношений боевой обстановки. Вместе с тем она в значительной степени «извлекает» участника боевых действий из социальной структуры мирного времени. На войне не может быть размытой идентичности. Это ведет к тому, что «выключаются» и «забываются» мирные социальные роли, такие как муж, отец, студент и т. д., трансформируются или «угасают» некоторые мирные социальные ценности, идеи, принципы, идеалы, цели (толерантность, саморазвитие, свобода).

Такие ценности, как представления о добре и зле, цели и смысл жизни, личная безопасность [13] и т. д., также претерпевают изменение. В процессе боевой социализации рождается воин.

Соответственно представлениям о новом себе и идентификации с боевыми товарищами формируются новые, адекватные военной обстановке стиль и тон общения комбатанта (уверенность в себе, энергичность, напористость, громкость, открытость, лаконичность, прямота и бесхитростность речи), а также своеобразный, обусловленный боевой жизнью лексикон.

Боевой лексикон выполняет в военной обстановке важнейшие функции: 1) сжатое выражение мыслей в сообществе тех, кто разделяет особый опыт; 2) ограничение круга «своих», зоны доверия; 3) поддержку групповой идентичности и сплоченности посредством фиксации того, что «мы — команда», «мы — вместе», «мы — настоящие мужчины» и т. д.²

Лексикон и порой вкрапливающаяся в него представленная в сокращенных формах нецензурная лек-

сика дают возможность выиграть время в боевой коммуникации и, следовательно, выжить. Пространные «мирные» выражения заменяются короткими словами «полка», «передок», «элбээс», «открытка», «турист» и т. д. Их краткость уточняется и оттачивается в процессе употребления.

Однако в мирных условиях «застрявший» боевой лексикон и коммуникационная специфика ветеранов могут служить основой для взаимонепонимания с окружающими [14], для категоризации общества на «мы» и «они» и затруднения ресоциализации.

При возвращении в мирную жизнь после окончания военной миссии плоды боевой социализации не всегда гармонично вписываются в социум мирного времени. Как показывает практика, необходима ресоциализация ветеранов боевых действий, т. е. их социализация в обществе путем принятия социальных норм, ценностей, правил социальных групп [1; 2].

Ресоциализация — это процесс кардинального личностного преобразования индивида при его «переключении» с одного мира на другой [15, с. 254–255], в ходе которого «зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого им прежде» [16, с. 692].

Для некоторых ветеранов оказывается трудным «вспомнить» или освоить социальные роли повседневной жизни [4] (внутрисемейные, профессиональные, общественные и т. д.), что может порождать напряжение и конфликтные ситуации в различных сферах их жизни. Таким ветеранам приходится вновь учиться быть мужем, отцом, подчиненным, участником дорожного движения и т. д.

Специалисты утверждают, что большая часть жизни воина — это проявление сформировавшихся у него боевых привычек (закрепившихся и автоматически воспроизводимых действий и поведенческих паттернов). Они рассматривают самого бойца как совокупность боевых привычек. Такие привычки так же необходимы для выживания участников боевых действий, как вода, пища, боеприпасы и топливо [17]. Боевые привычки обладают большой инерцией и могут выступать своеобразными барьерами на пути социализации.

Боевая идентичность обостряет у ветеранов ряд потребностей, прежде всего из комплекса «4П» [1; 9; 10]. Ветеран боевых действий испытывает потребности: 1) быть понятым относительно мотивов своего участия в военном событии («Я воюю за трех матерей: мою матушку, мать моих детей и Родину-мать»); 2) быть признанным («Я честно и с достоинством выполнил свой долг»); 3) быть принятым в общество с возвышенным социальным статусом («Я защитник Родины, ветеран боевых действий»); 4) быть поддержанным в своих мирных

² «Передок», «мобики»: что значат армейские термины, вошедшие в жизнь россиян. Военная лексика прочно вошла в жизнь гражданских. URL: <https://news.ru/society/peredok-i-mobiki-chto-znachat-armejskie-terminy-populyarnye-u-rossiyan> (дата обращения: 13.08.2025).

начинаниях и сохранении своих физических, социальных и психологических возможностей («Я готов созидать»).

С. А. Проценко в результате изучения ветеранов СВО дополняет этот потребностный ряд до пяти «П», включая в него потребность в перспективе [3], потребность видеть мирные перспективы своего ратного труда и верить, что «все было не зря».

Ресоциализация как процесс вхождения ветеранов в различные мирные сообщества зависит от степени удовлетворения ими этих важных потребностей. Если они не удовлетворяются обществом, это может вызывать у ветеранов негативные чувства и переживания (ощущение безразличия, холодности, отчужденности и даже враждебности социума), желание получить понимание в активно «принимающих» сообществах (секты, криминальные сообщества, группы, сформированные по принципу «ты меня уважаешь?», и т. д.), ограничить рамки своих интересов ветеранскими организациями, уйти в девиантные формы активности (алкоголизм, наркомания, криминал, самоизоляция), перестроить социум в соответствии с военными представлениями о справедливости [1; 9] и т. д.

В процессе ресоциализации ветерана могут поджидать серьезные ресоциализационные проблемы [1; 9]. Если, выполняя военную миссию, воин знал, что и ради чего это делает, зачем живет, кто друг и кто враг, то в мирной обстановке он может испытывать кризис смысловой пустоты и дезориентации. Там, на театре военных действий, его боевой опыт был востребован и служил основанием для высокого статуса и гордости. Здесь же, в мирной жизни, наработанный им в боевых условиях ценнейший опыт, его прошлое оказываются ненужными, а его боевой статус попросту «обнуляется». Достигнутый в боевой обстановке уровень материального благополучия в мирных условиях кажется недоступным. Ветеран боевых действий испытывает своеобразную финансовую абстиненцию.

Там, «за ленточкой», воина всегда окружали боевые товарищи, знающие цену коллективизму, взаимопомощи и взаимовыручке, всегда прикрывающие его фланги и тыл. Здесь ощущаются пустота и отсутствие социальной опоры. Из товарищей по мирным увлечениям почти никого не осталось: кто сменил место жительства, кто погиб, кто завел семью, кто сколотил на войне состояние и стал малодоступен для общения и т. д. Формируется чувство одиночества. Это ярко и образно показал Э. М. Ремарк в своем романе о драматических военных и поствоенных психологических проблемах ветеранов «На западном фронте без перемен». В боевом коллективе жизнь шла по определенному распорядку. О многих вопросах жизнедеятельности заботились командиры и специальные должностные лица. В мирной жизни перед ветераном, как ему кажется, предстают многие разнообразные и сложные проблемы (правовые, социальные, медицинские, психологические и др.).

Неоднократно подчеркивалось, что возвращение с войны — это сложный, стрессогенный, а нередко и травматогенный процесс психологической реадaptации [1; 3; 9–11; 18], связанный с трансформацией боевой идентичности, и успешность в решающей степени определяется обществом.

Так, Э. Эриксон, рассматривая факторы развития идентичности, обращал внимание на важнейшую роль среды, культуры и социального окружения с его ожиданиями, надеждами, которые индивид может оправдать или не оправдать [19]. Считаем необходимым подчеркнуть, что идентичность, ценностные ориентации, социальные установки и поведение человека, занимающего социальную позицию «ветеран боевых действий», в значительной степени определяется содержанием социальных ожиданий. Под социальными ожиданиями понимаются «распространенные в группе или в обществе представления о должном поведении, разделяемых всеми оценках и эмоциях, значимости или неважности тех или иных событий» [20]. Социальные ожидания также рассматриваются как субъективные ориентации (совокупность социальных установок, элементов знаний, стереотипов поведения, оценок, убеждений, намерений и т. д.), разделяемые членами социальной группы (или общества в целом) относительно предстоящего хода событий, обеспечивающие познавательную, эмоциональную и поведенческую готовность индивидов к этим событиям [17].

В данном исследовании социальные ожидания трактуются как совокупность нормативных (инъюнктивных) и описательных (дескриптивных) представлений, распространяемых на макро-, мезо- и микроуровнях социальной среды (медиапространство и государственная политика; организации и профессиональные сообщества; семья и ближайшее окружение). Эти представления задают рамки доступных ветерану моделей поведения и вариантов идентификации. Реедaptация понимается как процесс восстановления и перенастройки биопсихосоциальных механизмов функционирования, обеспечивающий возвращение к требованиям мирной среды (регуляция сна и эмоций, бытовые и профессиональные навыки, коммуникативные практики). Ресоциализация трактуется как более широкий, целенаправленный процесс освоения и переосмысления норм мирного общества и пересборки ролевого репертуара, опосредованный указанными ожиданиями; при этом реедaptация выступает необходимым, но не всегда достаточным условием успешной ресоциализации.

Понимание места социальных ожиданий в ресоциализации ветеранов боевых действий важно потому, что они обладают мощным потенциалом влияния на поведение людей и социальных групп.

В соответствии с методологической оптикой, предложенной К. Поппером, актуальный опыт, актуальные

действия и поведение человека в существенной степени определяются совокупностью предустановок. «Ожидания — это такое предвосхищение, которое встроено в жизнедеятельность, обеспечивает ее структуру, направление, целостность» [21, с. 11].

Социальные ожидания помогают прогнозировать поведение членов сообщества [20], в том числе ветеранов, по механизму: что ожидается, то и прогнозируется. Это происходит и за счет применения обществом социальных санкций, выступающих средством социального контроля за соответствие им. Внутригрупповые санкции трансформируют ожидания в социальные нормы, обладающие уже элементом обязательности их исполнения, включают меры воздействия на членов группы за их нарушение.

А. Н. Леонтьев рассматривал ожидания в структуре личности в виде ролей, т. е. своеобразных программ, отвечающих ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы [22, с. 170]. Иными словами, образ ветерана боевых действий и представления о его должном поведении, которые складываются в общественном сознании, побуждают его вести себя в соответствии с ними.

Итак, социальные ожидания «во многом определяют смысл и траектории поведения личности, участвуют в регулировании действий людей и социальных групп, а также демонстрируют их умонастроения и мироощущения, ценностные ориентации и установки» [16, с. 71]. Они влияют на формирование идентичности, жизненных мотивов и целей, социальное поведение и взаимодействие людей. Неспособность соответствовать социальным ожиданиям может формировать у человека чувство неполноценности, дистресс, внутриличностный конфликт и т. д.

Взаимосвязь социальных ожиданий и идентичности ветеранов боевых действий хорошо обнаруживается в реальных военных событиях. Так, после войны во Вьетнаме и Ираке в общественном сознании американцев создавался образ ветеранов как психотравматиков, агрессивных типов, не способных в полной мере управлять своим поведением и представляющих угрозу для окружающих. Например, в популярных СМИ утверждалось, что более 100 000 (из 466 985 участников войны) ветеранов войны возвращаются из Ирака в американское общество психически больными, с ПТСР и другими психическими расстройствами, «вызванными боевым стрессом и кровопролитием», психически неуравновешенными, предрасположенными к распространению глобального насилия в обществе. Для повышения эмоционального воздействия подобных сообщений к цифрам по ПТСР добавлялась статистика по черепномозговым травмам, ампутациям и другим инвалидизирующим травмам. В противовес данным реальных исследований указывалось, что

более 60% участников боевых действий возвращаются с повреждениями мозга. Как и после войны во Вьетнаме, утверждалось, что умственно неполноценные ветераны возвращаются в мирное общество и не могут приспособиться к нему, демонстрируют склонность к насилию и употреблению психоактивных веществ [17, с. 46–47]. Стоит ли удивляться катастрофически выраженному среди американских ветеранов страху перед психиатрической стигматизацией и отказам обращения большей части нуждающихся в помощи ветеранов к психологам и психиатрам [11]!?

Известные американские военные психологи Б. А. Мур, А. Хоупвелл и Д. Гроссман развенчивают эти вредные мифы о «сумасшедшем ветеране» и показывают, что они целенаправленно фабриковались заинтересованными политическими группами. По их оценкам, процент ветеранов вьетнамской войны, страдающих ПТСР, был произвольно увеличен в 3 раза, а количество лиц, получивших компенсацию по этому диагнозу, в два раза превышает количество лиц, принимавших участие в реальных боевых действиях. На самом же деле ветераны боевых действий имеют лучшее образование, показывают гораздо более высокую способность адаптироваться к жизни и менее склонны к насилию и тюремному заключению, достигают больших успехов при возвращении в мирную жизнь, чем люди без боевого опыта [17].

Мифы о психически нездоровом ветеране широко распространяются и в интересах многочисленных фармацевтических компаний, медицинских и реабилитационных структур. Они давно превратились в бизнес, квалифицируемый как *money maker* [23]. Это приводит к тому, что простые граждане информируются преимущественно о патологических последствиях участия в боевых действиях. По оценкам М. Селигмана, более 90% курсантов главного американского военного вуза — военной академии Вест-Пойнт (США) — слышали о посттравматическом стрессе, который относительно мало распространен, но менее 10% слышали о посттравматическом росте, который встречается гораздо чаще [18].

Между тем статистика свидетельствует о следующем. Лишь около 4% участников боевых действий страдают ПТСР в Великобритании, Нидерландах, Израиле [9; 24] и других странах. В ходе СВО в России среди военнослужащих некоторых силовых ведомств, принимающих активное участие в боевых действиях, за 3,5 года не отмечено развернутых форм ПТСР. Десятки тысяч участников СВО активно задействованы в федеральной и региональных программах «Время героев», и в процессе их отбора не фиксируются психические расстройства.

Не зря Президент России В. В. Путин считает ветеранов «подлинной элитой» страны³.

³ Участников СВО Путин назвал подлинной элитой. URL: <https://www.interfax.ru/russia/948380> (дата обращения: 06.03.2025).

Рис. Влияние социальных ожиданий на общественные представления о ветеранах и идентичность ветерана боевых действий
(Fig. The influence of social expectations on public perception of veterans and identity of veterans of combat operations)

Но нагнетание «патологической послевоенной истории» не становится меньше от знания этих фактов. Американский, «патологический», взгляд на психологические последствия участия в боевых действиях транслируется исследователями в разных странах. Не являются исключением и некоторые российские специалисты, утверждающие, что «все участники боевых действий — психотравматики», что 95% (65%, 42%) страдают посттравматическим стрессовым расстройством. При этом они нередко переносят данные цифры из зарубежных публикаций, в том числе посвященных насилию в семьях, над женщинами и детьми, психологическим аспектам умирания от рака и т. д.

Например, в одном издании отмечается, что через войну в Афганистане прошло около 600 тыс. советских военнослужащих. При этом в 1989 г. в тюрьмах содержалось около 3700 участников афганской войны, 75% семей «афганцев» распались, 70% были недовольны работой, 60% злоупотребляли алкоголем или наркотиками. По имеющимся данным, ударную силу банд 1990-х гг. нередко составляли «афганцы» [25]. Эти цифры шокируют. Но если посмотреть на них внимательно, то получается следующее: 3,7 тыс. составляет примерно 0,6% от всех участников афганской войны. Если обратиться к статистике количества заключенных, находившихся в то время в российских тюрьмах, то оказывается, что их число составляло около 0,8% от населения страны⁴. Иными словами, процент заключенных «афганцев» был ниже, чем в среднем по стране. Сравнение этих показателей с некоторыми российскими регионами будет еще более благоприятным в сторону «афганцев». Приводимые данные относительно разводов в семьях «афганцев»

и их злоупотребления алкоголем просто не выдерживают критики. Трудно представить, какая организация и с какой целью могла в то драматическое время отслеживать подобную статистику. Но эти цифры, безусловно, воздействовали на общественное мнение, отношение и социальные ожидания относительно ветеранов афганской войны.

Таким образом, социальные ожидания оказывают заметное влияние на общественные представления, мнения и установки относительно ветеранов войн, а также на самовосприятие и самооценку самих ветеранов (рис.).

Более того, в случае возникновения неопределенности и противоречивости социальных ожиданий снижается эффективность совместного действия, появляются предпосылки межличностных и внутриличностных конфликтов в обществе⁵, могут отмечаться личностные кризисы, изменение и даже потеря идентичности, разрушение веры ветерана в свою социальную роль.

Предлагаемая теория изменений исходит из того, что на траектории реадaptации и ресоциализации ключевым узким местом выступают публичные и институциональные ожидания относительно ролей ветеранов. Целенаправленная модификация этих ожиданий на макроуровне (массовые коммуникации, нормативная повестка), мезоуровне (политики организаций и практики профессиональных сообществ) и микроуровне (семья, локальные сообщества) создает условия для конструктивной реидентификации: согласования военного (боевого Я) и гражданского элементов образа-Я, уменьшения самостигмы и расширения поведенческого репертуара в мирной среде.

⁴ Гилинский Я. Демография «заключенности». URL: <https://web.archive.org/web/20230929110731/https://polit.ru/article/2009/02/01/demoscope361/> (дата обращения: 10.08.2025).

⁵ Ожидания социальные // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М., 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4623/ОЖИДАНИЯ (дата обращения: 15.08.2025).

Вмешательства адресуются не только самим ветеранам, но и носителям норм, от которых зависят сигналы признания и включения: работодателям и кадровым службам (антистигматизационные HR-стандарты, обучение руководителей работе с травмой и боевым опытом), образовательным организациям (психопросветительские модули о ветеранах и их компетенциях), СМИ и контент-платформам (редакционные кодексы языка достоинства, практики «историй восстановления»), местным сообществам и НКО (наставничество «ветеран — ветеран» и программы социального участия). Предусматриваются механизмы, через которые ожидания преобразуются в поведение: снижение нормативной неопределенности, ослабление ярлыков опасности и непредсказуемости, рост межгруппового контакта в совместных задачах, институциональное подкрепление желаемых ролей (служебные и предпринимательские треки, волонтерство, наставничество).

Оценка эффективности строится как многоуровневая и смешанная (количественные и качественные методы) с выделением:

1) промежуточных механизмов: снижение воспринимаемой публичной стигмы и самостигмы, рост самооценки и ролевой ясности, расширение социального капитала (связи «ветеран — работодатель», «ветеран — сообщество»);

2) изменений поведения и статуса: сокращение социальной дистанции в повседневных взаимодействиях, увеличение долей трудоустроенных и занятых обучением, рост участия в гражданских инициативах и наставничестве;

3) интегративных результатов: устойчивость занятости, качество семейных отношений, субъективное благополучие, снижение потребности в интенсивной клинико-психологической помощи.

Методически предполагаются базовые и последующие замеры (до / после на уровне организаций и сообществ). Параллельно проводятся оценка внедрения и анализ неоднородности эффектов по подгруппам ветеранов (женщины-ветераны; лица с инвалидизацией; с длительной историей службы или с траекторией посттравматического роста; условно «оставшиеся на войне»; с клинически значимой симптоматикой ПТСР; находящиеся в кризисе реадaptации и др.) для последующей адаптации программ. Эти элементы вместе обеспечивают понятную логическую связку «изменение ожиданий → изменение механизмов → измеримые социальные результаты» и повышают предсказуемость эффектов в реальной практике.

Противоречивость социальных ожиданий влияет и на социальные установки членов общества.

Нами было проведено пилотное исследование с 48 обучающимися одного из вузов — будущими психологами по четырем вопросам, раскрывающим их отношение к ветеранам боевых действий, пережившим

ПТСР [11] (табл.). Ответы на вопросы оценивались в 1 балл.

Таблица. Социальные установки обучающихся по отношению к ветеранам боевых действий, %
(Table. Students' social attitudes regarding veterans of combat operatoin, %)

№ п/п	Вопросы	Ответы, %	
		Да	Нет
1	Испытали бы Вы негативные эмоции при назначении Вашим начальником военнослужащего, прошедшего лечение от ПТСР?	23	77
2	Должен ли учитываться факт прохождения военнослужащим лечения от ПТСР при назначении его на вышестоящие должности?	18	82
3	Может ли военнослужащий, проходивший лечение по поводу ПТСР, работать с детьми (например, в школе)?	67	33
4	Повлиял бы факт лечения военнослужащим от ПТСР на Ваши дружеские отношения?	4	96

Из таблицы видно, что при преобладающем положительном отношении к ветеранам боевых действий (96% считают, что переживание ими ПТСР никак не повлияет на дружбу с ними, а 82% полагают, что пережитое ПТСР не является критерием в кадровой работе) каждый третий обучающийся указывает, что лица, пережившие боевое ПТСР, не должны допускаться к работе с детьми, а почти каждый четвертый не хотел бы иметь в качестве начальника ветерана с «ПТСР-прошлым».

Безусловно, социальные ожидания будут преломляться через индивидуально-психологические особенности ветеранов, специфику (тяжесть) их боевого опыта, доминировавшую в ходе боевых действий мотивацию, степень удовлетворения их насущных потребностей и т. д. Это значит, что отличающиеся по таким характеристикам группы ветеранов (устойчивые, испытывающие рост, переживающие кризис реадaptации, «оставшиеся на войне», страдающие ПТСР, а также военнослужащие и сотрудники силовых ведомств, добровольцы, мобилизованные, ветераны-женщины, лица, заключившие контракты с Минобороны России в местах заключения, раненые и инвалиды и т. д.) [1] будут в разной степени подвергаться воздействию через социальные ожидания. Более того, все они будут в разной степени откликаться на различные ожидания. Это выдвигает в практическую плоскость важную социальную задачу формирования адресных ожиданий общества к конкретным группам ветеранов.

Не менее важным является вопрос, в каких социальных группах будет проходить ресоциализация ветеранов боевых действий. Исследователи показывают, что современное российское общество сегментировано. В нем, наряду с беспрецедентной консолидацией ядра общества (его абсолютного большинства), которая определяется как «Россия воюющая», существуют «Россия периферийная» (выживающая в ходе военных событий, но считающая ценностью суверенитет), «Россия столичная» (ограничивающая жителей мега-

полисов, стремящихся к покою и ориентированных на ценности прошлого), а также «Россия уехавшая» (объединяющая всех, кто против СВО и постулируемых ею ценностей) [26].

Другие исследователи включают в картину социального состояния нашего сегодняшнего общества «изменников» (воюющих против России идеологически и физически), «оппонентов» (высказывающихся против СВО), «ритуалистов» (лишь изображающих деятельность в пользу СВО), «утилизаторов» (использующих ситуацию с СВО в собственных, корыстных целях) [1] и т. д.

Очевидно, от того, в каких из этих групп будут проходить ресоциализацию ветераны боевых действий, будет зависеть то, какую страту они пополняют — страту активных созидателей, строителей будущего России, страту противников новых, позитивных преобразований в стране, страту «потерянного поколения» и т. д.

Из сказанного вытекает вывод: необходимо создавать и активно использовать эффективные инструменты вовлечения ветеранов в большие и малые социальные группы, нацеленные в будущее и процветание нашей страны.

Наконец, эффективность социализации ветеранов боевых действий будет зависеть от того, каким способом общество станет интегрировать ветеранов боевых действий. В. Е. Попов в свое время показал, что часть ветеранов способна успешно ресоциализироваться лишь через «экстремальные» социальные группы (например, силовые ведомства, профессии, связанные с риском для жизни, экстремальный спорт). Их быстрый переход из боевого пространства в мирное может быть чреват развитием дезадаптации и психических расстройств [2]. Поэтому таких ветеранов необходимо трудоустраивать в «экстремальных» профессиональных структурах.

Печальный опыт войны во Вьетнаме показал, что американское общество не справилось с ресоциализацией ветеранов. Тогда ветераны стали инициативно создавать группы взаимопомощи (рэп-группы). Некоторые из таких групп («многократные рэп-группы») обеспечивали постепенное введение ветеранов в социум. На первом этапе в этих группах встречались исключительно непосредственные участники боевых действий; на втором в них допускали участников войны, не принимавших непосредственного участия в бое столкновениях; а на третьем — группы пополнялись уже «мирными» членами [14].

Сегодня нет необходимости ждать инициативы от ветеранов. Общество должно создавать условия для того, чтобы ветераны могли собираться, обсуждать и отреагировать свои военные проблемы, оказывать друг другу поддержку. При этом социальные ожидания должны ориентироваться не на «лечение» или

«ремонт» ветеранов, а на развитие их мирной идентичности, творческих сил и предоставление им маршрутов их приложения.

Российское общество должно направить свое внимание и на тех ветеранов, которые под воздействием неблагоприятных жизненных обстоятельств потерпят временное поражение: потеряют жилье, поддадутся влиянию алкоголя и психоактивных веществ, станут нищими, попрошайками и бродягами. При наблюдающейся беспрецедентной поддержке ветеранов государством трудно поверить, что такое возможно. Однако опыт Великой Отечественной войны, войны в Афганистане, боевых действий на Северном Кавказе показывает, что единичные подобные случаи возможны. Поэтому российское общество должно в режиме «аутрич» прийти к ним на помощь туда, где они находятся, собираются и т. д.

Задача такой помощи — опираясь на прежнюю боевую идентичность ветеранов, сформировать идентичность достойного мирного гражданина, полноценного члена общества.

Следуя принципам управления (метод решения не должен быть сложнее самой проблемы), в проектировании мы применяли не один общепризнанный, известный инструмент или метод (например, регулярного менеджмента или проектного управления), а синтез инструментов и методологий. Это особенно важно в ситуациях, где критически необходимо распознать глубинные трудности улучшения системы. В частности, в исследовании применялся комплекс взаимодополняющих методов, включая:

- системное моделирование (MBSE — Model-Based Systems Engineering) для формализации процессов ресоциализации;
- системный анализ для выявления структурных взаимосвязей между подсистемами;
- институциональный анализ социально-экономических аспектов реинтеграции;
- коммуникативный подход, основанный на теории социальных систем [27], для проектирования интерфейсов взаимодействия.

Указанные методы применялись при анализе взаимодействия подсистем государства и общества в различных временных горизонтах — как в стратегической, так и в оперативной перспективе.

В качестве фундаментального ориентира и точки отсчета была выбрана система «государство — человек — общество», где ключевым системообразующим критерием выступает качество жизни человека в социальном пространстве.

Сложносоставная природа проблем ресоциализации актуализирует вопрос о роли ключевого института, способного осуществлять их метакоординацию, — института социального государства (ст. 7 Конституции РФ) как основы регулирования

социальной сферы. Однако в контексте выявленных вызовов традиционная патерналистская модель, в которой государство выступает единственным субъектом формирования и реализации политики, демонстрирует свою ограниченность, поскольку не позволяет адекватно реагировать на уникальность индивидуальных ситуаций и смысловые разрывы, возникающие в процессе адаптации ветеранов.

Это обуславливает необходимость трансформации управленческой парадигмы социальной сферы, предполагающей переход от директивного регулирования к функции катализатора и публично-правового гаранта общественных инициатив:

1. *От гарантий к норме: эволюция социальной функции государства.* Это переосмысление предполагает эволюцию социальной функции государства. Если классическая функция социального обеспечения как экономической гарантии, закреплённой в праве, является необходимой базой, то в контексте ресоциализации ее недостаточно. Наша задача — дополнить эту функцию, трансформировав ее из чисто распределительной в нормативно-формирующую. Государство должно не только законодательно закрепить стандарты обеспечения, но и создать условия, при которых поддержка ветерана становится устойчивой социальной нормой, разделяемой и воспроизводимой самим обществом, формирующей высокое качество жизни человека в социальном пространстве. Это переход от обеспечения «сверху» к культивированию практик заботы «изнутри» социального пространства, силами активного человека.

2. *Социальная норма как основа суверенитета и доверия.* Формирование такой внутренней нормы, например уважения к ветерану как к «подлинной элите» и активному созидателю, имеет прямое отношение к укреплению суверенитета государства. Когда общество действует, руководствуясь внутренним консенсусом, а не только внешними предписаниями, это кардинально усиливает легитимность власти. Такой суверенитет основан не на принуждении, а на добровольном согласии и разделяемых ценностях. Доверие к государству растёт, поскольку граждане видят, что его институты не просто исполняют формальные обязательства, а эффективно иницируют и поддерживают формирование здорового и сплочённого общества, где реабилитационная и демографическая функции социального обеспечения реализуются естественно.

3. *Новая экономическая функция: инвестиция в социальный капитал.* Экономическая функция социального обеспечения в данной парадигме выходит за рамки простого компенсирования неравенства. Она превращается в стратегическую инвестицию в восстановление статуса полноценного члена общества и, как следствие, в укрепление социального капитала. Финан-

совые вложения в программы ресоциализации — это вложения в предотвращение «потерянного поколения», что напрямую влияет на демографическую стабильность и экономическую продуктивность. Таким образом, государство, обеспечивая гарантии, одновременно решает макросоциальные задачи, а создаваемая им среда для появления социальных норм становится ключевым экономическим мультипликатором.

4. *Легитимация через со-участие: от патернализма к партнерству.* Этот подход находит практическое воплощение в новой модели взаимодействия. Законодательное закрепление круга лиц и условий обеспечения остается фундаментом. Но легитимность этой системы многократно возрастает, когда государство выступает архитектором партнерств, где гражданские институты, бизнес и локальные сообщества становятся со-исполнителями реабилитационной и социальной функций. Это превращает социальное обеспечение из монолога власти в диалог, где государство суверенно не потому, что оно единственный агент, а потому, что оно признано обществом как центральный координатор общего дела.

Представленный подход позволяет выявить несколько принципиально новых **смыслов в понимании роли государства и управления в процессе ресоциализации:**

1. *Государство как рефлексивный институт и навигатор общественного диалога.* Повышается роль государства в социальной политике — способность выявлять, артикулировать и легитимировать те представления о поддержке ветеранов, которые вызревают в недрах гражданского общества. Таким образом, государственный интерес конструируется не «сверху вниз», а возникает в процессе публичной коммуникации, где государство выступает навигатором и систематизатором. Его задача не навязывать готовые решения, а обеспечивать условия для продуктивного диалога, в котором рождается коллективная воля.

2. *Социальные ожидания как инфраструктура ресоциализации.* Ключевым новым смыслом является рассмотрение социальных ожиданий не как пассивного фона, а как активного элемента социальной инфраструктуры. Институционализация этих ожиданий — через стандарты кадровой работы, образовательные программы и медиаполитику — создает каркас «социальных лифтов», «социальной мобильности» и «маршрутов интеграции» для ветеранов. Эта инфраструктура направляет и структурирует процесс ресоциализации, делая его предсказуемым и поддерживающим для всех участников.

3. *Управление как проектирование коммуникативных интерфейсов.* С точки зрения теории аутопоэтических систем [27] основная проблема заключается в несовместимости кодов различных социальных систем. Следовательно, управленческое мастерство

смещается от прямого администрирования к проектированию и внедрению «коммуникативных интерфейсов». Эти интерфейсы (например, межведомственные рабочие группы, общественные советы, цифровые платформы обратной связи) выполняют функцию «переводчиков», обеспечивая взаимопонимание между политикой, экономикой, здравоохранением и социальной сферой.

4. *Архитектор социального пространства (междисциплинарные, межотраслевые коллективы)*. Реализация данного вопроса требует формирования принципиально нового типа управленческих компетенций. Это не просто межведомственные рабочие группы, а «надотраслевые», «межотраслевые», «междисциплинарные» коллективы, или, как иначе мы вводим позицию, функцию, «архитекторы социального пространства», чья миссия — целенаправленное конструирование новой социальной реальности.

Их работа включает нарративное моделирование: сознательное вытеснение стигматизирующих нарративов и внедрение конструктивных (ветеран-созидатель, ветеран-лидер). Проектирование экосистемы интеграции: создание не разрозненных мер, а целостной сети «точек входа» и «траекторий роста» в профессиональной, общественной и культурной сферах. Синхронизацию коммуникативных воздействий: обеспечение согласованности сигналов, поступающих из всех каналов (СМИ, образование, корпоративная среда), для формирования непротиворечивой и поддерживающей среды.

Выводы

Социальные пространства войны и мира кардинально различаются действующими в них социальными ценностями, правилами, санкциями, наборами социальных ролей и социальными ожиданиями к их исполнителям.

Для полноценного перехода между этими пространствами требуется ресоциализация, т. е. усвоение всех характерных для их социальной структуры элементов. По существу, такие переходы предполагают смену идентичности в процессе боевой социализации и мирной ресоциализации. Одним из наиболее действенных инструментов этих процессов являются социальные ожидания общества относительно ветеранов боевых действий. Они могут формировать идентичность как «ветерана-героя», так и «ветерана-психотравматика».

Прикладной вывод состоит в необходимости дифференцировать вмешательства с учетом траекторной неоднородности ветеранов. Для подгрупп с посттравматическим ростом: приоритет на карьерные и предпринимательские маршруты и лидерские роли; для находящихся в кризисе реадаптации: индивидуальное сопровождение социальным координатором (оценка потребностей, построение маршрута сопровожде-

ния / поддержки, согласование действий, регулярный мониторинг) и «адаптационные площадки» — это структурированные нейтральные площадки вне дома и работы (коворкинги, мастерские, ветеранские группы) с расписанием и наставником, где через малые практики включения безопасно наращивается участие и восстанавливаются мирные роли; для ветеранов с клинически значимой симптоматикой ПТСР: связка институциональной поддержки с маршрутизацией к клинко-психологической помощи; для условно «оставшихся на войне»: длительные переходные форматы, работа с идентичностью и восстановление мирных социальных практик. Такая стратификация повышает точность адресации социальных ожиданий и снижает риск вторичной стигматизации; эффект оценивается по регулярности участия и переходам к занятости / обучению.

В случае несовпадения в социальных требованиях к ветерану у него могут проявляться личностный кризис, разрушение идентичности, отрицание социальной роли «ветеран» и освоение других, в том числе и асоциальных, ролей. Последствиями подобных негативных исходов могут быть «потерянное поколение» или появление у ветеранов желания перестроить социальную реальность страны по законам военной справедливости.

Общество — творец своего будущего. Если оно желает видеть в возвращающихся с войны воинах героев-патриотов, действительную элиту страны, огромную созидательную силу, великий шанс для будущего, то в значительной степени это так и случится в соответствии с реагированием ветеранов на социальные ожидания, эффектом Пигмалиона, самореализующегося пророчества и т. д.

Если обществу удобнее видеть в ветеранах психотравматиков, агрессивных социопатов, надвигающуюся социальную проблему, то оно получит «потерянное поколение» или «поколение революционеров».

Государство выступает не просто исполнителем, а ключевым институтом, который легитимирует и закрепляет в виде политики те представления о поддержке ветеранов, что сформированы в самом обществе, — формирует государственный интерес в субъектах общества. В этом ключе главная задача системы управления не просто оказывать услуги, а фасилитировать процесс, в ходе которого само общество формирует и отстаивает этот интерес в отношении ветеранов. Цель — формирование такого социального порядка, в котором активные граждане и сообщества занимают субъектную (т. е. активную) позицию, направленную на производство позитивных социальных ожиданий. Речь идет о переходе от патерналистской модели, где общество ждет инициативы «сверху» и винит государство в неудачах, к модели коллективного действия, где гражданские институты, профессио-

нальные сообщества, СМИ и локальные группы сами становятся ключевыми агентами в формировании «государственного интереса».

Инструменты формирования общественных ожиданий должны быть институционализированы, т. е. стать устойчивыми, самовоспроизводящимися практиками коммуникации внутри каждой из подсистем (например, стандарты работы кадровых служб с ветеранами в экономике, редакционная политика в СМИ, учебные планы в образовании). Согласование этой работы на макро- (программы и стратегии), мезо- (ведомственные политики) и микроуровне (конкретные услуги и взаимодействия) представляет собой сложную операцию по сопряжению аутопоietических систем.

Успех зависит от создания «переводчиков», или «интерфейсов», которые позволяют целям социально-экономического развития, кодируемым в терминах политики (власть / не-власть) и экономики (платеж / не-платеж), быть транслированными в логику других систем, таких как социальная помощь (помощь /отказ) или здравоохранение (здоровье / болезнь). В связи с этим подходом требуется и новый формат работы управленческих кадров из здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания, спорта как единой команды, ответственной за формирование и реализацию конструктивных социальных ожиданий. Участники такой команды совместно разрабатывают не просто проектные решения, а целенаправленные вмешательства, которые:

— транслируют позитивный, созидательный образ ветерана («подлинной элиты», агента посттравматического роста), а не стигматизирующий нарратив «ветерана-психотравматика»;

— создают «маршруты достойной интеграции» (в профессиональной, общественной, культурной сферах), соответствующие разным категориям ветеранов (устойчивые, переживающие кризис, «оставшиеся на войне» и др.);

— обеспечивают скоординированное воздействие на социальные ожидания через все каналы (СМИ, образовательные программы, корпоративные стандарты, работу на местном уровне), превращая их в механизм ресоциализации, а не в барьер.

Таким образом, управленческое мастерство в этой сфере заключается в сознательном управлении социальными ожиданиями как ключевым ресурсом, что позволяет преодолеть разрыв между государственными программами и реальными жизненными траекториями, превращая ресоциализацию из администрируемой сверху системы в подлинный совместный проект нации и предотвращая риск появления «потерянного поколения».

Область применения и перспективы. Важнейшей задачей государственных и социальных институтов, психологического сообщества страны является формирование адекватных социальных ожиданий у российского общества по отношению к ветеранам СВО. К решению этой задачи должны быть подключены ресурсы СМИ, социальных медиа, культурные и спортивные структуры, сообщества специалистов помогающих профессий и т. д. Планируется последующая валидизация опросных инструментов для измерения стигматизирующих ожиданий, социальной дистанции и нормативных представлений о ролях ветеранов.

Список источников / References

1. Караяни А. Г. Хронотоп войны как методическая оптика для анализа поколения специальной военной операции // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 4(6). С. 53–64.
2. Попов В. Е. Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (На материале землетрясения в Ленинкане, межнационального конфликта в Фергане и боевых действий в Афганистане) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992. 20 с.
3. Проценко С. А., Караяни А. Г. Комплексная реадaptация участников современных боевых действий: сущность, проблемы, стратегии психологического сопровождения. М., 2025. 228 с.
4. Duel J., & Reijnen A. The long-term effects of military deployments and the irrelation with the quality of life of Dutch veterans. *Military Behavioral Health*. 2021. № 9(2). Pp. 160–169.
5. Hughes J. G., Earnshaw N. M., Greenberg N., Eldridge R., Fear N. T., French C., Deahl M. P., Wessely S. Use of psychological decompression in military operational environments. *Mil Med*. 2008. Jun; 173(6):534-8. doi: 10.7205/milmed.173.6.534. PMID: 18595415.
6. Michelle D., Sherman Kyle R. Hawkey and Lynne M. Borden. The Experience of Reintegration for Military Families. Department of Family Social Sciences, Center for Research and Outreach, University of Minnesota. 2015. URL: <https://www.ncfr.org/ncfr-report/focus/family-focus-conflict-violence-and-war/experience-reintegration-military-families> (дата обращения: 10.08.2025).
7. De Soir Erik L. J. L. The Belgian End of Mission Transition Period: Lessons Learned from Third Location Decompression after Operational Deployment. URL: http://www.academia.edu/24704389/The_Belgian_End_of_Mission_Transition_Period_Lessons_Learned_from_Third_Location-Decompression_after_Operational_Deployment (дата обращения: 25.05.2025).
8. Adler A. B., Zamorski M., & Britt T. W. The psychology of transition: Adapting to home after deployment. In A. B. Adler, P. D. Bliese, & C. A. Castro (Eds.). *Deployment psychology: Evidence-based strategies to promote mental health in the military*. Washington, 2011. Pp. 153–174.
9. Караяни А. Г. Психологические последствия участия в боевых действиях: «Не ПТСРом единым» // Российский военно-психологический журнал. 2023. № 2(2). С. 75–83.
10. Караяни А. Г. Посттравматический рост у участников боевых действий: есть повод для оптимизма // Человеческий капитал. 2024. № 8(188). С. 236–244.

11. Караяни А. Г. Стигматизация как причина отказа от психологической помощи ветеранами боевых действий // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 1(30). С. 83–90.
12. Леонтьев Д. А., Савельева О. О. Идентичность // Железное дерево — Излучение. Большая российская энциклопедия : в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. М., 2004. Т. 10. С. 695–696.
13. Ноздрина Н. А. Понятие социальных ценностей и социальных норм // Sciences of Europe. 2021. № 68. С. 51–53.
14. Абдурахманов Р. А. Психологические трудности общения и их коррекция у ветеранов боевых действий в Афганистане : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 24 с.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 322 с.
16. Гидденс Э. Социология. М., 1999. 514 с.
17. Мур Б. А., Хоувелл А., Гроссман Д. После битвы: насилие и воин // Теория и практика западной военной психологии: психотерапия стрессовых расстройств военнослужащих и членов их семей / под общ. ред. С. Э. Зверева. СПб., 2021. С. 39–67.
18. Селигман М. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М., 2013. 193 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 342 с.
20. Климова С. Г. Социальные ожидания // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 07.03.2024. URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-nye-ozhidaniia-4c5066> (дата обращения: 17.08.2025).
21. Пирожкова С. В. Социальные ожидания: эпистемические основания и роль в обществе знаний // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 1. С. 7–18.
22. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
23. Молчанова Е. С. Посттравматическое стрессовое и острое стрессовое расстройство в формате DSM-V: внесенные изменения и прежние проблемы // Медицинская психология в России. 2014. Т. 6, № 1. С. 1–21.
24. Грибов Д. Е. Социальные ожидания как регулятор социального поведения личности: теоретические проблемы исследования // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 184–191.
25. Бонкало Т. И. Посттравматическое стрессовое расстройство. Дайджест. Научное электронное издание. М., 2023. 28 с.
26. Гаврилов А. В., Львов С. В., Минченко Е. Н., Стулова Е. В., Федоров В. В. Четыре России: опыт эмпирической проверки экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 212–242.
27. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб., 2007. 641 с.

Поступила 01.09.2025; одобрена после рецензирования 28.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072.42 © Николаев А. Н., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-392-397

5.3.3. Психология труда, инженерная психология

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Профессионально важные коммуникативные умения инспекторов дорожно-патрульной службы

Алексей Николаевич Николаев, доктор психологических наук, профессор кафедры технологии работы с лицами с особыми потребностями института образования и социальных наук¹; nialo@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8187-6546>

¹ Псковский государственный университет, 180000, Псков, пл. Ленина, 2, Россия

Реферат. Введение. Цель — определение наиболее ценных коммуникативных умений и навыков у инспекторов дорожно-патрульной службы. **Материалы и методы.** Использовались две методики определения меры выраженности коммуникативных умений. Первая построена на основе метода скрытых самооценок, а вторая — на основе метода экспертных оценок. Базой для исследования явился Орловский юридический институт МВД России. В качестве испытуемых выступили начинающие инспектора дорожно-патрульной службы в количестве 32 человек. Отбор умений-маркеров осуществлялся с помощью 24 экспертов (16 инспекторов дорожно-патрульной службы со стажем не менее пяти лет и 8 вузовских преподавателей психологии). **Результаты и обсуждение.** Коммуникативные умения инспекторов — стажеров дорожно-патрульной службы находятся на уровне чуть ниже среднего, большинство инспекторов испытывают некоторые трудности в общении. Чем успешнее выполнение функций деятельности, тем ниже коэффициенты их вариативности. Убедительность в объяснении, установление контакта, сохранение предмета беседы, умение сдерживать эмоции, проявление интереса к собеседнику оказывают влияние на полноту выполнения функций в целом. **Вывод.** Наиболее ценными оказались следующие 6 умений: устанавливать контакт; убедительно объяснять; проявлять интерес к собеседнику; предотвращать конфликты; проявлять доброжелательность в беседе; поощрять собеседника «словом». Все это показывает необходимость коррекции программ подготовки специалистов.

Ключевые слова: коммуникативные умения, успешность деятельности, профессиональные функции, профессионально важные умения, показатели успешности деятельности

Для цитирования: Николаев А. Н. Профессионально важные коммуникативные умения инспекторов дорожно-патрульной службы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 392–397. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-392-397>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072.42 © Nikolaev A. N., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-392-397

5.3.3. Psychology of Labour, Engineering Psychology

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Professionally Important Communication Skills of Traffic Police Inspectors

Alexey N. Nikolaev, Doctor of Science (in Psychology), Professor at the chair of Techniques used to Work with People with Special Needs of the Institute of Education and Social Sciences¹; nialo@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8187-6546>

¹ Pskov State University, 2, Lenin sq., Pskov, 180000, Russia

Abstract. Introduction. The purpose is to define the most valuable communication skills and abilities of traffic police inspectors. **Materials and Methods.** Two methods were used to determine the degree of intensiveness of communicative skills: the first was based on the method of hidden self-assessments and the second — on the basis of the method of expert assessments. The Orel Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs was the basis for the research. The surveyed included 32 novice inspectors of traffic police service. The selection of marker skills was carried out with the help of 24 experts (16 traffic police inspectors with at least five years' experience and 8 university psychology teachers). **Results and Discussion.** Communication skills of traffic police interns are below average, and most inspectors have some difficulty in communication. The more successfully functions are performed, the lower the rates of variability are. Persuasiveness in the explanation, establishing contact, ability to control emotions, manifesting interest in the interlocutor have an influence on the completeness of the performed functions as a whole. **Conclusions.** The most valuable are the following six skills: establishing contact; convincing explanation; demonstrating interest in the interlocutor; preventing conflicts; demonstrating kindness in conversation; and encouraging the interlocutor by «word». All this proves it necessary to introduce corrections in the training programs.

Keywords: communication skills, successful performance, professional functions, professionally important skills, indicators of successful performance

Citation: Nikolaev A. N. Professionally Important Communication Skills of Traffic Police Inspectors. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 392–397 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-392-397>

Основные положения

1. Коммуникативные умения инспекторов — стажеров дорожно-патрульной службы находятся на низком уровне и выражены однородно, при этом чем выше показатели коммуникативных умений, тем ниже их вариации. Коммуникативные умения не являются интегрированными.

2. Выполнение большинства функций деятельности начинающими инспекторами дорожно-патрульной службы находится на невысоком уровне, и чем успешнее выполнение функций, тем ниже коэффициенты их вариативности. Интеграции между функциями служебной деятельности не обнаружено.

3. Наиболее зависимыми от коммуникативных умений являются фасилитационная и побудительная функции. Наибольшее влияние на выполнение служебных функций инспекторами дорожно-патрульной службы оказывают такие умения, как установление контакта; убедительность объяснения; сохранение предмета собеседования; умение сдерживать эмоции. Наиболее зависимы от уровня сформированности коммуникативных умений две функции: фасилитационная и побудительная.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения ценности коммуникативных умений в столь своеобразной, иногда экстремальной деятельности инспекторов дорожно-патрульной службы (далее — ДПС). Выявление у них состава коммуникативно важных умений имеет не только научное, но и практическое значение: возникает возможность их целенаправленного формирования, развития и коррекции. Однако зачем эмпирически исследовать влияние коммуникативных умений на показатели успешности деятельности, если и так понятно, что они оказывают положительное влияние? Дело в том, что ценность коммуникативных умений различна, и ее необходимо выявить для каждого из них. Это, во-первых. Во-вторых, влияние коммуникативных умений на успешность выполнения различных профессиональных функций инспекторами ДПС может быть неодинаковым. И наиболее зависящие от коммуникативных умений функции следует установить. Все это как раз важно для разработки технологии развития и коррекции коммуникативных умений и, соответственно, коммуникативной компетентности в целом.

Цель — определение меры выраженности и вариативности коммуникативных умений инспекторов дорожно-патрульной службы, показателей успешности их деятельности, а также характера влияния каждого из этих умений на успешность их профессиональной деятельности.

Объект исследования — коммуникативные умения и успешность деятельности начинающих инспекторов ДПС.

Предметом исследования являются особенности влияния коммуникативных умений инспекторов ДПС на компоненты успешности выполнения функций их деятельности.

Теоретические предпосылки и степень исследованности проблемы. В современной психологии и педагогике бытуют различные мнения в отношении сущности умений и навыков [1–3].

Их психологическое понимание построено на том, что в начале профессиональной подготовки в различных видах деятельности формируется умение. Когда то или иное умение доводится до автоматизма, то его можно называть навыком, т. е. навыком является автоматически выполняемое действие¹ [4–8].

В педагогике иногда навыки выполнения каких-либо действий понимаются как первичные явления, а по мере их осознания человеком трактуются как умения. Умения в таком случае отличаются от навыков тем, что они опираются на мыслительную деятельность² [9–13].

Однако есть основание не включать в определение умений и навыков их этиологию. Ведь при обучении чему-либо нельзя отделить эти два явления; невозможно определить их происхождение, не проводя специального исследования. Здесь необходимо отметить, что знания, проявляемые в деятельности, также трудно отделить от умений, поскольку они, подобно умениям и навыкам, могут выражаться одновременно. В данном исследовании при измерении меры выраженности умений допускается обозначение знаний, умений и навыков (ЗУН) как умения или коммуникативная компетентность.

Как известно, многие из свойств личности обладают парциальностью проявления. Это относится и к коммуникативным умениям. Коммуникативные характеристики личности включают в себя личностные коммуникативные умения и профессиональные. Было бы важно обнаружить области проявления этих умений, но это выходит за рамки данного исследования. Можно утверждать, что выделением особенностей проявления коммуникативных умений у инспекторов ДПС можно ограничиться и не определять общие коммуникативные умения в силу высокой специфики их деятельности.

Стоит обозначить и другой методологический подход, связанный с измерением показателей успешности профессиональной деятельности инспекторов ДПС. Действительно, важно установить критерии измерения этого показателя и его компонентов. По отношению к их деятельности можно сказать следующее: определить количество, качество и стабильность компонентов успеш-

¹ URL: <https://yandex.ru/q/learning/11373014017/> (дата обращения: 12.07.2025).

² URL: <https://studfile.net/preview/9485528/page:7/> (дата обращения: 12.07.2025).

ности деятельности (что иногда делается по отношению к некоторым другим профессиям) практически невозможно, поскольку инспектора ДПС выполняют свою работу на разных участках дорог. В таком случае целесообразно успешность их деятельности оценивать по мере выполнения ими профессиональных функций [14].

Материалы и методы

Процедура измерения коммуникативных умений и показателей деятельности инспекторов ДПС. Для измерения уровня сформированности коммуникативных умений использовались две авторские методики. Первая — методика замаскированной самооценки коммуникативных умений инспекторов дорожно-патрульной службы [14]. Вторая методика построена на основе метода экспертных оценок, где в качестве экспертов выступали коллеги, руководители, водители и пешеходы. Записывалось число контактов. Использовалась 3-балльная система оценок: 1 — умение практически не проявляется; 2 — умение проявляется иногда; 3 — умение проявляется часто.

По обеим методикам оценивались следующие 15 умений: установление контакта, предотвращение конфликтов, убедительность в объяснениях, умение слушать, самоконтроль в общении, гибкость в процессе собеседования, использование юмора в общении, доброжелательность к собеседнику, сохранение предмета беседы, умение сдерживать эмоции, проявление симпатии к собеседнику, подчеркивание общности интересов, поощрительные слова собеседнику, оптимальность использования жестов, проявление интереса к собеседнику.

Обработка данных заключалась в подсчете суммы баллов по каждому из конструктов и по каждому из элементов. Для корреляционного анализа данных использовалась усредненная оценка результатов измерений по этим двум методикам. При этом все полученные баллы были переведены в стандартные баллы (в стэны с десятичной разрядностью).

Для определения показателей успешности деятельности инспекторов ДПС также использовалась авторская методика, основанная на методе экспертных оценок инспекторами-наставниками степени выполнения инспекторами-стажерами основных функций профессиональной деятельности. Сюда вошли следующие функции: гностическая, информативная, контролирующая, побудительная (или образовательно-воспитательная), регулирующая, фасилитационная и фискальная.

Результаты и обсуждение

Коммуникативные умения у начинающих инспекторов дорожно-патрульной службы. Профессиональные коммуникативные умения у инспекторов — стажеров дорожно-патрульной службы не имеют высоких значений (табл. 1). Среднее значение — 3,84 стэна при 10 возможных. Наблюдается относительно незначительный разброс выраженности различных умений

(от 3,64 до 3,98 стэна, т. е. величина размаха — 0,34 стэна). Наиболее выраженные коммуникативные умения (по убывающей): предотвращение конфликтов в общении и проявление доброжелательности.

Таблица 1. Коммуникативные умения начинающих инспекторов дорожно-патрульной службы, стэны, n=32
(Table 1. Communication skills of novice traffic police inspectors, stens, n=32)

Профессиональные коммуникативные умения	$\bar{X}$	σ	v , %
Установление контакта	3,80	0,70	18,4
Предотвращение конфликтов	3,98	0,75	18,8
Убедительность в объяснении	3,68	0,88	23,9
Умение слушать	3,93	0,38	9,7
Самоконтроль в общении	3,83	0,58	15,1
Гибкость при собеседовании	3,71	0,85	22,9
Использование юмора в общении	3,80	0,55	14,5
Доброжелательность в беседе	3,98	0,33	8,3
Сохранение предмета беседы	3,87	0,27	7,0
Проявление симпатии к собеседнику	3,95	0,32	8,1
Умение сдерживать эмоции	3,96	0,27	6,8
Проявление интереса к собеседнику	3,94	0,26	7,0
Подчеркивание общности интересов	3,76	0,74	19,7
Поощрение собеседника	3,64	0,85	23,3
Использование жестов	3,69	0,81	21,9
Коммуникативные умения в целом	3,84	0,57	14,8

В целом наблюдаются стремление к профилактике и избеганию напряжения в общении и проявление интереса к собеседнику.

К числу наименее выраженных коммуникативных умений у начинающих инспекторов относятся словесное поощрение собеседника; убедительность в объяснении; использование жестов; подчеркивание общности интересов; проявление гибкости при собеседовании. Именно эти умения и следует считать основными компонентами развития при некоторой недостатке таких приемов общения, как психологическое «поглаживание» (словесное поощрение собеседника), убедительность в объяснении, использование жестов, а также специальных приемов общения (проявления гибкости и подчеркивания общности интересов).

Обнаружилось, что у инспекторов-стажеров отсутствуют высокие значения коэффициентов вариативности. Самый высокий коэффициент — 23,9% (убедительность в объяснении). Средний же коэффициент вариативности — 14,8%. Это говорит о следующем: при таком низком значении v с большой вероятностью можно ожидать нормальность распределения данных по каждому из 16 показателей. Выяснилось, чем ниже проявление коммуникативных умений, тем выше коэффициенты их вариативности, поскольку у пяти относительно высоко выраженных умений среднее значение коэффициентов вариативности равно 9,8%; а у низко выраженных — 22,3%. Кроме того, значения выраженности коммуникативных умений и их вариативности взаимосвязаны обратной связью (ранговая линейная корреляция; $r=-0,83$; $n=15$; $p\leq 0,001$).

Получены внутренние взаимосвязи между этими коммуникативными умениями (были исключены из анализа взаимосвязи с 95-процентной достоверностью из-за однородности их показателей).

Было установлено относительно мало достоверных взаимосвязей — всего 10 из 105 возможных, что составляет 9,5%. Между тем удалось выявить две плеяды при $p \leq 0,01$. Первая плеяда, не считая одного показателя, представляет собой цепочку ($n=32$; $p \leq 0,01$; $r=0,45$): подчеркивание общности интересов — умение слушать ($r=0,49$; с ним связано умение сохранять предмет общения, $r=0,45$) — гибкость общения ($r=0,52$) — использование юмора ($r=0,50$). Своеобразным ее центром выступает показатель «умение слушать в процессе собеседования». Можно отметить, что данные взаимосвязи в определенной мере ожидаемы.

Вторая плеяда более представительна. Своеобразный комплекс включает в себя следующие показатели: проявление симпатии к собеседнику — доброжелательность в процессе собеседования ($r=0,46$) — умение предотвращать конфликты в общении ($r=0,51$), а также доброжелательность — предотвращение конфликтов ($r=0,53$), проявление интереса к собеседнику — установление контакта ($r=0,47$) и умение сдерживать эмоции ($r=0,58$) — проявление доброжелательности ($r=0,51$).

Таким образом, практически все коммуникативные умения инспекторов — стажеров дорожно-патрульной службы находятся на относительно низком уровне; все эти умения у них выражены достаточно однородно, большинство из них испытывают определенные проблемы в общении; чем выше значение проявления коммуникативных умений, тем ниже коэффициенты их вариативности; выявленные взаимосвязи между коммуникативными умениями относительно автономны, их нельзя назвать интегрированными.

Успешность деятельности начинающих инспекторов дорожно-патрульной службы. Результаты исследования успешности деятельности у начинающих инспекторов дорожно-патрульной службы отражены в таблице 2.

Таблица 2. Успешность деятельности инспекторов дорожно-патрульной службы, $n=32$
(Table 2. Success of the activities of traffic police inspectors, $n=32$)

Успешность выполнения профессиональных функций	$\bar{x}$	σ	$v, \%$
Гностическая	5,12	0,89	17,4
Информативная	4,86	0,54	11,1
Контролирующая	3,56	0,93	26,1
Побудительная	3,13	1,02	32,6
Регулирующая	4,21	0,75	17,8
Фасилитационная	3,18	1,00	31,4
Фискальная	3,69	0,98	26,6
Функции в целом	3,96	0,75	18,9

Выявлено, что среднее значение успешности выполнения функций служебной деятельности начинающих инспекторов дорожно-патрульной службы относительно невысоко — около 4 стэнов (из 10 возможных). Среднее значение успешности выполнения этих трех функций служебной деятельности инспекторов — 4,73 ($v=15,4\%$).

Однако успешность выполнения различных функций неодинакова. Наиболее успешно выполняются следующие функции (по убывающей): гностическая; информативная; регулирующая. Наименее успешно выполняются следующие функции (по возрастающей): побудительная; фасилитационная; фискальная.

Вариативность показателей успешности деятельности средняя. Наиболее низкая присуща успешности выполнения информативной функции, наиболее высокая — побудительной. Напомним, что выполнение побудительной функции предполагает решение задач образовательного и воспитательного характера. Именно поэтому трудно ожидать от инспекторов-стажеров решения столь сложных педагогических задач.

Интересно, что при успешном выполнении функций коэффициент вариативности в 2 раза ниже, чем при менее успешном их выполнении.

При 99-процентной достоверности была получена взаимосвязь контролирующей и фискальной функций ($r=0,53$; $p \leq 0,01$). Кроме того, была получена плеяда взаимосвязей (рис.).

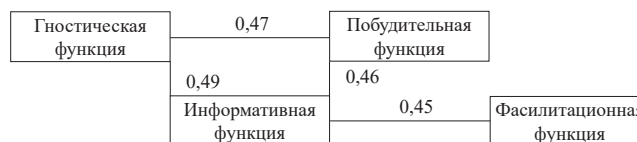

Рис. Плеяда связей показателей успешности деятельности начинающих инспекторов дорожно-патрульной службы ($n=32$; $p \leq 0,01$, $r=0,45$)

(Fig. A constellation of relationships between indicators of the success of the activities of novice traffic police inspectors ($n=32$; $p \leq 0,01$, $r=0,45$))

Формальным центром плеяды является показатель «информативная функция». Взаимосвязи выполнения инспекторами этой функции, а также гностической и побудительной можно было бы оценить как выявленный симптомокомплекс (они взаимосвязаны друг с другом).

Таким образом, функции деятельности инспекторами ДПС выполняются на невысоком уровне. Одни функции имеют средние значения, а другие — ниже средних. Некоторые функции осуществляются относительно разнородно. Например, одни инспектора выполняют функцию на высоком уровне, а другие эту же функцию — на низком. Оказалось, что чем успешнее выполнение функций деятельности, тем ниже коэффициенты их вариативности; признаков интеграции между оценками выполнения отдельных функций служебной деятельности не выявлено.

Таблица 3. Достоверные взаимосвязи коммуникативных умений и показателей успешности деятельности начинающих инспекторов ДПС, n=32

(Table 3. Reliable relationships between communication skills and performance indicators of novice traffic police inspectors, n=32)

Профессиональные коммуникативные умения	1	2	3	4	5	6	7	8
Установление контакта	0,54	–	–	0,61	–	0,63	–	0,49
Предотвращение конфликтов	–	–	–	0,47	–	0,45	–	–
Убедительность в объяснении	–	0,58	0,46	0,52	–	0,55	0,48	0,56
Умение слушать	0,48	–	–	–	–	0,47	–	–
Самоконтроль в общении	–	–	0,49	–	0,48	–	0,47	–
Гибкость при собеседовании	–	–	–	0,46	–	–	–	–
Использование юмора в общении	0,46	0,49	–	–	–	0,46	–	–
Доброжелательность в беседе	–	–	–	0,49	–	0,53	–	–
Сохранение предмета беседы	–	0,47	0,56	–	–	–	0,50	0,49
Проявление симпатии к собеседнику	–	–	–	0,57	–	0,59	–	–
Умение сдерживать эмоции	–	–	0,53	–	0,51	–	0,45	0,47
Проявление интереса к собеседнику	0,49	–	–	0,50	–	0,52	–	0,46
Подчеркивание общности интересов	–	–	–	0,49	–	–	–	–
Поощрение собеседника «словом»	–	–	–	0,45	–	0,46	–	–
Использование жестов	–	–	–	–	–	0,54	–	–
Коммуникативные умения в целом	0,49	0,46	0,5	0,55	–	0,59	–	0,54

Примечания: 1 — гностическая функция; 2 — информативная; 3 — контролирующая; 4 — побудительная; 5 — регулирующая; 6 — фасилитационная; 7 — фискальная; 8 — в целом. Коэффициент корреляции $r=0,45$, при $p \leq 0,01$; $r=0,55$, при $p \leq 0,001$.

Взаимосвязь коммуникативных умений и успешности деятельности у начинающих инспекторов дорожно-патрульной службы. Характер взаимосвязей между коммуникативными умениями и показателями успешности деятельности у инспекторов ДПС отражен в таблице 3.

В случае обнаружения статистически достоверных взаимосвязей между умениями и успешностью выполнения функций появляется возможность однозначной трактовки: именно умение оказывает влияние на успешность деятельности, а не наоборот. В качестве аргумента выступает тот факт, что коммуникативные умения формируются раньше, чем появляется возможность получения профессионального опыта. Говоря словами С. Л. Рубинштейна, они «присвоены» личностью [15].

Из 128 возможных взаимосвязей получена 41 статистически достоверная взаимосвязь (32%). Это позволяет утверждать, что коммуникативные умения оказывают существенное влияние на показатели успешности деятельности инспекторов ДПС. Важно, что взаимосвязанными оказались коммуникативные умения в целом и полнота выполнения функций в целом ($r=0,54$; $p \leq 0,01$), которая находится в зависимости от следующих коммуникативных умений (по убывающей): убедительность в объяснении; установление контакта; сохранение предмета беседы; умение сдерживать эмоции; проявление интереса к собеседнику.

В наибольшей зависимости от уровня сформированности коммуникативных умений находится полнота выполнения следующих функций (по убывающей): фасилитационная; побудительная; гностическая; информативная; контролирующая. Наиболее зависимыми от уровня сформированности

коммуникативных умений являются две функции: фасилитационная и побудительная. Более того, выполнение этих двух функций во многом обусловлено одинаковыми умениями: устанавливать и поддерживать контакт; убедительно объяснять что-либо собеседнику; проявлять симпатию и интерес к нему; предотвращать и устранять конфликты; проявлять доброжелательность в беседе; поощрять собеседника «словом», выполнять психологическое «поглаживание». Успешное выполнение этих двух функций лежит в основе современного гуманистического подхода к взаимодействию инспекторов ДПС и участников дорожного движения.

Выводы

1. Практически все коммуникативные умения инспекторов — стажеров ДПС находятся на низком уровне и выражены относительно однородно; чем выше значение проявления коммуникативных умений, тем ниже коэффициенты их вариативности; взаимосвязанные коммуникативные умения недостаточно интегрированы.

2. Выполнение функций деятельности начинающими инспекторами ДПС находится на невысоком уровне. Однако одни функции имеют средние значения, а другие — намного ниже средних; отдельные функции выполняются относительно разнородно. Чем успешнее выполнение функций, тем ниже коэффициенты их вариативности. Признаков интеграции между оценками выполнения отдельных функций служебной деятельности не выявлено.

3. В наибольшей степени зависят от коммуникативных умений инспекторов ДПС две функции: фасилитационная и побудительная. Наибольшее влияние на успешность выполнения ими служебных функций оказывают следующие умения: убедительно объяснять

что-либо собеседнику; устанавливать и поддерживать контакт в процессе общения; не терять предмет собеседования; сдерживать эмоции.

Область применения и перспективы. Полученные результаты направлены на повышение качества подготовки специалистов в вузах МВД России, особенно для работы в сфере ГИБДД. Кроме того, это могут быть и курсы профессиональной переподготовки или повышения квалификации.

Исследованием конкретизируются коммуникативные умения, формирование и развитие которых особенно необходимо. В качестве основного средства развития коммуникативных умений целесообразно использовать специально разработанные тренинги эффективного общения.

Развитие выделенных коммуникативных умений позволит повысить эффективность деятельности инспекторов ДПС.

Список источников / References

1. Абакирова Т. П. Социально-психологические факторы формирования коммуникативных свойств личности. М., 2000. 191 с.
2. Амплеева В. В., Сурнин Д. И. Формирование коммуникативной компетентности будущих специалистов физической культуры и спорта в вузе // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 399–405.
3. Грецов А. Г. Лучшие упражнения для обучения эффективной коммуникации : учеб.-метод. пособие. СПб., 2006. 48 с.
4. Вержибок Г. В. Культура личности и пространство коммуникаций // Психология общения: XXI век: 10 лет развития : междунар. конф. : в 2 т. Москва, 8–10 октября 2009 г. М., 2009. Т. 2. С. 63–66.
5. Коврова М. В. Исследование коммуникативного стресса у студентов в условиях образовательного процесса высшей школы // Психологическая поддержка инновационных процессов в транзитивном обществе : мат-лы всерос. симпозиума. М., 2001. С. 36–37.
6. Крипон Н. С. Развитие ценностных ориентаций студентов вуза в процессе межкультурной коммуникации : дис. ... канд. психол. наук. Магнитогорск, 2006. 186 с.
7. Митина Л. М. Психологическая диагностика коммуникативных способностей учителя. Кемерово, 1996. 50 с.
8. Столяренко Л. Д. Основы психологии. 4-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 2001. 672 с.
9. Водопьянова Н. Е. Синдром «психического выгорания» в коммуникативных профессиях // Психология здоровья. СПб., 2000. 498 с.
10. Николаев А. Н. Психология тренера в детско-юношеском спорте. СПб., 2005. 344 с.
11. Николаева Л. А. Формирование коммуникативной толерантности студентов — будущих юристов (на примере университетского образования в России и Германии) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2007. 24 с.
12. Скрыбина О. Б. Педагогические условия формирования коммуникативной толерантности у старшеклассников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2000. 24 с.
13. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности : учеб. пособие. СПб., 2004. 492 с.
14. Николаев А. Н. Методика определения коммуникативных умений инспекторов дорожно-патрульной службы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 29, № 4(99). С. 385–391.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е изд. СПб., 2009. 720 с.

Поступила 16.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята в печать 25.08.2025.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07 © Абдуллин А. Г., Васильева С. Н., Караваев А. Ф., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-398-408

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Развитие и поддержание жизнеспособности пожилого человека (на примере социально-психологического тренинга)

Мы вступаем в различные возрасты нашей жизни, точно новорожденные, не имея за плечами никакого опыта, сколько бы нам ни было лет.

Франсуа де Ларошфуко

Асат Гиниатович Абдуллин, доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии управления и служебной деятельности¹; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

Светлана Николаевна Васильева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления и служебной деятельности¹; vsn97@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2541-4416>

Александр Федорович Караваев, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент²; karavaevmvd@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5041-9238>

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, 454080, пр-кт Ленина, 76, Россия

² Омская академия МВД России, Омск, 644092, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Цель — изучение места и роли социально-психологического тренинга в системе образования на протяжении всей жизни для людей пенсионного возраста и определение влияния тренинга на развитие жизнеспособности пожилого человека. **Материалы и методы.** Исследование и анализ построены на применении методик: тест жизнеспособности человека Е. А. Рыльской; Гериатрическая шкала депрессии Дж. И. Шейха и Дж. А. Йесаваге; опросник «Удовлетворенность жизнью» Н. Н. Мельниковой; опросник САН, разработанный В. А. Доскиным, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шараем и М. П. Мирошниковым; Шкала личностной тревожности из теста самооценки Ч. Д. Спилбергера; Шкала личностной эффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема; метод группового тренинга. Анализ данных эксперимента производился с помощью методов описательной статистики: корреляции Спирмена, критерий Манна-Уитни, критерий Уилкоксона. **Результаты и обсуждение.** Исследование позволило аргументировать роль и место социально-психологического тренинга в системе образования на протяжении всей жизни для людей пенсионного возраста и доказало эффективность его воздействия. Тренинг «Развитие жизнеспособности пожилого человека» привел к положительным изменениям, а именно к росту показателей жизнеспособности (способности к адаптации, саморегуляции, саморазвитию, осмысленности жизни), улучшению общего уровня самочувствия пожилых людей, повышению их активности, настроения и удовлетворенности жизнью в целом. **Выводы.** Полученные результаты констатировали, что социально-психологический тренинг по развитию жизнеспособности пожилого человека является надежным инструментом в системе посттрудового образования и может широко использоваться в практической деятельности при работе с пожилыми людьми.

Ключевые слова: образование на протяжении всей жизни, непрерывное образование, развитие человека в посттрудоу период, развитие жизнеспособности пожилого человека

Для цитирования: Абдуллин А. Г., Васильева С. Н., Караваев А. Ф. Развитие и поддержание жизнеспособности пожилого человека (на примере социально-психологического тренинга). 2025. Т. 30, № 4(103). С. 398–408. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-398-408>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07 © Abdullin A. G., Vasilieva S. N., Karavaev A. F., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-398-408

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Developing and Maintaining the Vitality of an Elderly Person (by the example of Socio-Psychological Training)

We are entering the different ages
of our lives exactly as newborns, having
no experience, no matter how old we are.

François de La Rochefoucauld

Asat G. Abdullin, Doctor of Science (in Psychology), Professor, Senior Researcher at the chair of Psychology of Management and Service Activities¹; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

Svetlana N. Vasilieva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Psychology of Management and Service Activities¹; vsn97@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2541-4416>

Alexandr F. Karavaev, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor²; karavaevmvd@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5041-9238>

¹ South Ural State University (National Research University), 76, Lenin pr., Chelyabinsk, 454080, Russia

² the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The objective is to study the place and role of socio-psychological training in the lifelong education system for people of retirement age and to determine the impact of training on the development of the vitality of an elderly person. **Materials and Methods.** Human vitality test by E.A. Rylskaya; Geriatric depression scale by J. I. Sheikh and J. A. Jesavage; «Life Satisfaction» inventory by N. N. Melnikova; Health, Activity and Mood Test developed by V. A. Doskin, N. A. Lavrentieva, V. B. Sharay, M. P. Miroshnikov; Spielberger Ch. D. State-Trait Anxiety Inventory; Self-Efficacy Scale by Schwarzer R., Jerusalem M.; group training method. The analysis of the experimental data was carried out by means of descriptive statistics. **Results and Discussion.** The study, using the example of training on developing the vitality of an elderly person, enabled the authors to argue the role and place of socio-psychological training in the lifelong education system for people of retirement age, and proved its effectiveness. According to the results, the training «Development of vitality of an elderly person» led to positive changes, precisely — increase in vitality indicators (ability to adapt, self-regulation, self-development, life sense), improvement of the general level of well-being of elderly people, their activity, mood and satisfaction with life in general. **Conclusions.** Socio-psychological training for the development of the vitality of an elderly person is a reliable tool in the post-work education system of elderly people and can be widely used in practical work with elderly people.

Keywords: life-long education, continuing education, personal development in post-work period, development of vitality of an elderly person

Citation: Abdullin A. G., Vasilieva S. N., Karavaev A. F. Developing and Maintaining the Vitality of an Elderly Person (by the example of Socio-Psychological Training). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 398–408 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-398-408>

Основные положения

1. В системе образования на протяжении всей жизни значительное место отведено обучающим тренингам для работающей категории населения. Мероприятия обучающего развития в большей мере направлены на повышение профессионально-трудовых компетенций и в меньшем объеме на развитие компетенций людей пожилого возраста. В пожилом возрасте в роли необходимых компетенций выступают такие показатели, как способности человека к адаптации к новым условиям жизни, к саморазвитию, саморегуляции своего настроения, самочувствия, активности, получению удовлетворенности от жизни, несмотря на трудности. Таким образом, развитие жизнеспособности человека в пожилом возрасте является необходимой компетенцией для полноценной жизни в посттрудовой период и отражает актуальные задачи государственной политики активного долголетия.

2. Реализация государственной политики активного долголетия, наряду с другими мероприя-

тиями, отводит ведущее место системе социально-психологического тренинга как методу развивающего обучения в системе образования на протяжении всей жизни для людей пенсионного возраста.

3. Возможность развития жизнеспособности пожилого человека методом социально-психологического тренинга основана на предположении о том, что жизнеспособность не является врожденным качеством, а формируется, изменяется и развивается в течение всей жизни. Результаты исследования на примере тренинга по развитию жизнеспособности пожилого человека подтвердили правомерность использования метода социально-психологического тренинга в системе образования на протяжении всей жизни и доказали его эффективность.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. Одной из современных стратегий развития российского общества является образование на протяжении всей жизни. В связи с тем что количество

пенсионеров в Российской Федерации с каждым годом увеличивается, обучающее развитие людей пенсионного возраста становится крайне актуальной проблемой. Сложившаяся ситуация подчеркивает необходимость разработки и реализации новых подходов в системе непрерывного образования для людей пенсионного возраста. Одним из подходов в решении данной проблемы выступает система образования на протяжении всей жизни человека, а именно использование метода социально-психологического тренинга для развивающего образования людей пожилого возраста в посттрудовой период.

Непрерывное образование в России рассматривается как разностороннее развитие личности средствами формального и неформального образования в течение всей жизни и служит для удовлетворения образовательных потребностей взрослыми людьми. Обучение длинной в жизнь предполагает, что людям необходимо продолжать учиться и возобновлять свое обучение в течение всей жизни, путем неоднократного получения формального образования (получение и обновление знаний, умений и навыков), а также проходить непрерывное обучение вне пределов формального сектора образования. Неформальное образование реализуется за счет самообразования человека в ходе его жизнедеятельности по интересам и увлечениям. «Концепция активного долголетия предполагает непрерывное образование на протяжении жизни, структурированное определенным образом как совокупность знаний членов общества (нации)» [1], которое формируется по мере упорядочения «коллективного когнитивного пространства» [2]. Известно, что начиная с 90-х гг. прошлого века метод социально-психологического тренинга прочно вошел в образовательную структуру «коллективного когнитивного пространства» на территории Российской Федерации.

Проблемы социально-психологического тренинга в системе непрерывного образования для пожилых людей прежде всего следует рассматривать с позиции государственно-правового обеспечения и имеющегося положительного опыта в данном направлении. В Российской Федерации в рамках реализации Концепции активного долголетия, принятой до 2034 г., действуют национальный проект «Демография» и федеральный проект «Старшее поколение». Обсуждается концепция активного долголетия как стратегическое обоснование экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [1]. Во многих российских регионах действуют университеты «третьего» возраста [3]. На заседании Генеральной ассамблеи европейской ассоциации образования взрослых (ЕАЕА) одобрена

программа «Концепция обучения в течение всей жизни» [4]. Программа «Диалог», принятая в Белоруссии, способствует формированию позитивного отношения к пожилым как полноценным участникам жизни социума [5]. Для обеспечения условий продолжения продуктивной и независимой жизни пенсионеров, при одновременной мобилизации потенциала стареющего общества для его непрерывного устойчивого развития, Всемирная организация здоровья утвердила «концепцию активного долголетия». Статья девятая модельного закона непрерывного образования констатирует, что «основной социальной целью образования взрослых является содействие пожизненному личностному развитию человека, поступательному обогащению его деятельных способностей, духовного мира и творческого потенциала»¹. Следует подчеркнуть, что авторами закона термин «развитие» обозначает более широкое понятие, чем термин «обучение» на протяжении всей жизни [6]. Применение метода социально-психологического тренинга в посттрудовой период жизни действительно предполагает не столько обучение, сколько развитие пожилого человека с применением обучающего воздействия. В предложенной В. В. Никандровым классификации принципов тренинга принцип обучающего развития выделяется одним из базовых [7]. Вышеизложенное легло в основу обучающего развития пожилых людей в рамках эмпирического исследования на примере тренинга по развитию жизнеспособности пожилого человека. По результатам исследования констатировано, что метод социально-психологического тренинга выступает обучающим и развивающим инструментом для людей пожилого возраста. Тем самым подтверждено положение, что социально-психологический тренинг в системе образования на протяжении всей жизни для пожилых людей заслуживает особого внимания при реализации государственной стратегии активного долголетия, может использоваться как обучающий и развивающий метод в посттрудовой период.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Теоретический анализ проблематики образования на протяжении всей жизни, а именно в посттрудовой период пожилых людей, показал, что существует достаточное количество междисциплинарных исследований, направленных на изучение здоровья и жизнедеятельности пожилого человека. Ведущей деятельностью людей пенсионного возраста становится поиск новых видов самоопределения и самореализации, не только хобби, работа на земельном участке и воспитание внуков, но и творчество [8], организованный досуг, участие в общественной жизни, добровольческая деятельность «серебряных» волон-

¹ О модельном законе «Об образовании взрослых»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 6 декабря 1997 г. № 10-9, Санкт-Петербург. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

теров [9], т. е. раскрытие самого себя в новом качестве. Для человека в пожилом возрасте становится актуальной проблема самоопределения, которая выражается в открытии новых смыслов жизни в посттрудовой период как переживание нового статуса пенсионера и способности приобретения новых социальных связей; сохранения идентичности, психологической стабильности, реализации богатого внутреннего потенциала, приобретения уверенности в завтрашнем дне. Ведущая роль в решении проблем самоопределения и самореализации пожилых отводится методу социально-психологического группового тренинга. Именно в группе пожилые люди могут посмотреть на себя глазами других участников, осознать свою уникальность и ценность, раскрыть потенциал, выйти за привычные рамки самооценки, приобрести новые навыки адаптации, коммуникации, рефлексии, осмысленности жизни. В решении задач самореализации важным условием выступает поддержание и развитие уровня жизнеспособности пожилого человека. В поле научного исследования понятие «жизнеспособность» подразумевает не просто преодоление человеком трудностей, а, скорее, способность жить в любых условиях, которые предоставляет жизнь, при этом совершать постоянное движение, проявляя волю и способность к жизни [10].

Анализ зарубежного и отечественного опыта образования на протяжении всей жизни и определение места тренинга в этой системе показали, что имеется достаточное количество тренингов, нацеленных на повышение профессионально-трудовых компетенций взрослого населения [11], и в меньшем объеме представлены образовательные и развивающие направления для людей в посттрудовой период жизни. Н. С. Черезова и Г. У. Матушанский выделяют значение обучения людей на протяжении всей жизни, особенно для пожилой категории населения, как социальную проблему, требующую решения на государственном уровне. Пока же, констатируют ученые, отсутствует единый подход к ней, не разработано теоретико-методологическое обеспечение системы развивающего образования на протяжении всей жизни для лиц пожилого возраста [12].

На уровне государственной политики существуют принятые и реализуемые программы, направленные на повышение качества жизни людей в посттрудовой период. В 2020 г. в Российской Федерации запущена программа отбора лучших практик активного долголетия, где волонтеры, общественные организации и сами пенсионеры распространяют опыт различных развивающих и обучающих программ, в том числе тренингов для пожилых людей² [13]. Вместе с тем преобладают исследования когнитивных функций,

психоэмоциональной и коммуникационной сфер пожилых людей и пр. Результаты развития когнитивных функций пожилого человека методом тренинга охарактеризовали российские психологи А. С. Баженова, А. А. Чечет, П. О. Тесленко [14]. Е. С. Покачалова исследовала влияние танцевальной двигательной активности на улучшение психоэмоционального состояния пожилых людей в ходе специально организованного тренинга [15]. Другие авторы представили данные развития интеллекта и речи в пожилом возрасте с помощью когнитивного тренинга [16].

Например, Э. Д. Смит доказывает, что тренинг когнитивных навыков является одним из самых эффективных и развивающих методов психотерапии в работе с пожилыми людьми [17]. В процессе группового воздействия в условиях тренинга происходит обучение через регулярные многокомпонентные тренировки, специально подобранные физические упражнения для пожилых, развиваются функции внимания, мышления, памяти, логических связей. Результаты таких тренировок подтверждают эффективность тренинга на показатели здоровья и стабилизацию поведения [18], развитие навыков мышления и креативности у пожилых людей [19]. В свете современной проблемы телефонного мошенничества и действий злоумышленников проведено актуальное исследование критического мышления пожилых людей и установлено, что после психологической работы с пенсионерами в условиях социально-психологического тренинга ими получены новые знания, на основе которых произошла «позитивная трансформация критического мышления» [18]. Имеются исследования, посвященные увеличению продолжительности жизни и позитивной старости, профилактике и замедлению старения, возрастной жизнеспособности при выходе на пенсию, изучению психологических факторов благополучного старения [20]; компьютерные образовательные программы для пожилых людей [21; 22]. В общем объеме исследований, предметом которых является изучение жизнеспособности человека, преобладают работы общепсихологического характера, посвященные изучению жизнеспособности в школьном, юношеском и взрослом периодах жизни. При этом современное научное сообщество основало достаточно положений, свидетельствующих о возможности развития жизнеспособности человека в любом возрасте [23]. Жизнеспособность не является врожденным постоянным качеством человека и его устойчивой характеристикой, она может меняться со временем и в разных условиях, что позволяет говорить о возможном воздействии на жизнеспособность пожилого человека в целях ее развития методом социально-психологического тренинга.

² Лучшие практики активного долголетия. URL: <https://национальныепроекты.пф/news/luchshie-praktiki-aktivnogo-dolgoletiya-predstavili-v-moskve/?ysclid=mg7gti45sc391734177360> (дата обращения: 10.02.2025).

Возможность развития жизнеспособности человека методом социально-психологического тренинга основана на предположении, что жизнеспособность может формироваться, изменяться и развиваться в течение жизни. Важным аргументом в пользу этого служит эксперимент С. Мадди, заключающийся в разработке и проведении тренингов повышения жизнестойкости человека³. Он выдвигал гипотезу, что жизнестойкость представляет собой некий гипотетический конструкт, на который невозможно воздействовать напрямую. С. Мадди использовал модель жизнестойкости как взаимосвязь между социальной поддержкой, практиками здоровья и самой жизнестойкостью, тем самым с реализацией социальной поддержки и различных практик здоровья происходило косвенное воздействие на жизнестойкость человека. Нужно отметить, что тренинг, разработанный С. Мадди, ориентирован на развитие жизнестойкости, феномена, близкого жизнеспособности, но не идентичного ей. Тем самым был создан прецедент косвенного влияния на некоторые психологические феномены методом социально-психологического тренинга.

Научное сообщество активно исследует развитие жизнеспособности пожилых людей, в том числе методом социально-психологического тренинга.

Изыскания зарубежных ученых (Пенджаб, Индия) были направлены на оценку эффективности воздействия социально-психологического тренинга с участием пожилых людей на стресс, симптомы депрессии и самооценку. Пожилые люди (n=60) участвовали в тренинге ежедневно в течение 14 сеансов. Тестирование до начала исследования показало, что более 50% респондентов имели тяжелые депрессивные симптомы, у 16% выявлен повышенный уровень тревожности, 74% — сильный стресс. Через месяц занятий было проведено повторное тестирование, результат которого свидетельствовал о высокой эффективности тренинга. У пожилых людей в экспериментальной группе при месячном наблюдении повысилась самооценка, снизился уровень тревожности, стресса и депрессии [24].

В целях улучшения внимания и самоконтроля у пожилых людей использовались различные программы тренировок, требующие усилий. Исследования доказали, что подобные тренировки памяти у пожилых людей имеют ограниченный эффект, в том числе в удаленной перспективе. В литературе излагаются новые способы легкой тренировки внимания и самоконтроля пожилых, так называемой тренировки без усилий. Результаты исследований в природном заповеднике Польши доказали повышение жизнеспособности человека под влиянием специальной программы, реализуемой в полевых условиях проживания в лесной зоне [25]. Тренинги, направленные на знакомство с природой, переживание потока и легкие практики,

имеют высокую эффективность в улучшении внимания и самоконтроля пожилого человека [26].

В ходе рандомизированного контролируемого исследования на выборке пожилых людей в течение года было замечено, что некоторые люди получают от тренингов больше пользы, чем другие. Результаты анализа корреляционных связей экстраверсии, открытости, личностных черт невротизма, уступчивости и самодисциплины показали, что невротическая личность демонстрирует слабую физическую активность, даже такую как ходьба, и сниженные когнитивные функции. Пожилые люди с высокими показателями экстраверсии, открытости и уступчивости отличаются лучшими функциональными возможностями личности. Высокая экстраверсия специфически связана с беглостью и скоростью речи. Пенсионеры с низкими показателями невротизма обладают хорошей памятью и коммуникативными способностями. Самодисциплина имеет менее устойчивые связи с когнитивными функциями пожилого человека, но может предсказать меньший риск снижения глобального когнитивного функционирования [27].

Другой эксперимент был посвящен оценке влияния социальной поддержки на жизнеспособность пожилых людей в возрасте от 65 до 80 лет, для которых был организован образовательно-психологический тренинг [28]. Тренинг состоял из 12 блоков, включающих лекционные занятия, физические упражнения, ролевые игры, коммуникационные навыки и дискуссионные упражнения. Результаты тестирования после тренинга в экспериментальной группе пожилых участников показали увеличение уровня субъективной жизнеспособности, происшедшей вследствие принятой социальной поддержки. Следующий эксперимент зарубежных ученых, в котором приняли участие пожилые люди в возрасте от 60 до 90 лет, показал влияние физической активности на уровень самочувствия и жизненного тонуса. При этом исследователи отметили, что такое влияние наблюдается лишь в том случае, если физическая активность включена человеком в систему его ценностей. Только при этом условии подтверждается взаимосвязь количества физических нагрузок с высоким уровнем субъективного счастья и субъективной жизнеспособности человека [29].

Обзор отечественной и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что метод социально-психологического тренинга активно применяется в работе с пожилыми людьми, а многочисленные исследования подтверждают развивающий и образовательный функционал тренинга с данной категорией населения. Актуальной остается проблема оценки роли и места социально-психологического тренинга для пожилых людей в системе образования на протяжении всей жизни. Данные положения позволили

³ URL: <https://studfile.net/preview/3495832/page/4/> (дата обращения: 15.02.2025).

выделить **цель** исследования: определить возможность развития жизнеспособности человека в пожилом возрасте методом социально-психологического тренинга, роль и место социально-психологического тренинга в системе образования на протяжении всей жизни.

Материалы и методы

Был проведен эксперимент, в котором респондентами выступили пожилые люди (177 человек) в возрасте от 57 до 70 лет. Базой исследования явился оздоровительный центр СОЦ «Утес», расположенный в Челябинской области, где были организованы двухнедельные заезды пенсионеров. В рамках социально-оздоровительной программы организован социально-психологический тренинг «Развитие жизнеспособности пожилого человека». Участники эксперимента разделены на две группы: экспериментальную, в которую вошли 112 человек, и контрольную, состоящую из 65 пожилых людей. Обе группы подверглись процедуре тестирования на определение уровня жизнеспособности (тест жизнеспособности Е. А. Рыльской); депрессии, удовлетворенности жизнью (опросник «Удовлетворенность жизнью» Н. Н. Мельниковой); самочувствия, активности, настроения (опросник САН); личностной тревожности (тест самооценки Ч. Д. Спилбергера); личностной эффективности (методика Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптирована В. Г. Ромеком).

Результаты и обсуждение

Психическое состояние пожилых людей и их адаптация к новым условиям жизни. Адаптация пожилого человека заключается в способности принять новый социальный статус пенсионера и адаптироваться к новым условиям жизни, в том числе к возрастным изменениям. Поэтому способность пожилого человека к адаптации рассматривается как состояние гармонии между внешней средой и собственным внутренним миром, где потребности индивида и требования среды находятся в балансе; способность приспособляться и быть склонным к переменам, пересматривать свои планы, мнение, признавать свою неправоту или отстаивать «правду» без ущерба своему здоровью и другим людям, проявлять гибкость и здравомыслие (мудрость); быть толерантным и устойчивым к стрессу; продуктивно взаимодействовать в группе; осуществлять свои цели, транслировать свои ценности и устремления [30]. Способность саморегуляции в пожилом возрасте выражается в возможности оставаться здоровым, гармоничным, жизнерадостным, позитивным человеком благодаря усвоенным в течение жизни индивидуальным навыкам саморегуляции. Выражается как способность действовать эффективно в условиях, предъявляемых внешней ситуацией или внутренней средой человека; способность действовать на основании прогноза, целеустремленно, настойчиво; проявлять себя и отстаивать свои ценности и прин-

ципы, способность самовыражения и умение принимать решения; способность оставаться устойчивым к тревогам и стрессам, сохранять спокойствие, быть коммуникативным [31].

В пожилом возрасте способность саморазвития соотносится с эмоциональной и когнитивной зрелостью человека и выражается как обретение самости, целостности, неповторимости, самоуважения, как создание собственного образа, рациональное управление собой. Выражается через способность к самонаблюдению, когда «зрелый» человек оценивает себя через призму ошибок и достижений и проявляет активность по дальнейшему преобразованию себя [32]. Именно в посттрудовом периоде жизни высвобождается время на приобретение новых знаний, умений, развитие новых навыков и реализацию старых, отложенных желаний. Способность к «осмысленности жизни» в пожилом возрасте приобретает значение мудрого подхода к жизни, реализации своего жизненного опыта и познания «тайны бытия», часто состоит в умении жить здесь и сейчас, чувствовать текущий момент, иметь ясные цели, намерения и выстраивать перспективу собственной жизни.

Опросник «Удовлетворенность жизнью» используется для изучения субъективного переживания удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью, в его структуре содержатся следующие факторы. Фактор «жизненной включенности» диагностирует способность человека проживать текущий момент и события. Включенность в «течение жизни» становится особенно значимой для пожилых людей, так как у них падает интерес к жизни, снижается физическая и когнитивная активность; им нужно научиться испытывать радость от простых занятий и стремиться проживать бытие под жизнеутверждающим лозунгом «я живу!». По фактору «разочарование в жизни» можно диагностировать следующие состояния пожилых людей: разочарование, чувство неудовлетворенности, несправедливости, ощущения бесцельности жизни, невозможности реализации жизненных задач и планов. Многие пожилые люди сталкиваются с чувством «усталости от жизни», у них диагностируются апатия, пассивность, чувство разбитости, отсутствия планов. Фактор «беспокойство о будущем» демонстрирует наличие тревоги в отношении будущего, что знакомо многим людям в зрелом возрасте, проявляется как неуверенность в безопасности, отсутствие чувства стабильности. С помощью опросника определено, что пожилые люди преимущественно имеют средний уровень удовлетворенности жизнью. Показатели фактора «жизненная включенность» попадают в зону средних значений, что составило 52,6% группы респондентов, более трети участников эксперимента свойствен высокий уровень жизненной включенности (33,1%). Интерпретация подобных значений предполагает, что

данная группа пожилых людей активна, умеет проживать текущий момент, радоваться жизни, испытывать удовольствие от жизни. И только 12,3% респондентов испытывают сложности с субъективным ощущением жизни, пассивны, у них нет интереса к происходящим событиям. Фактор «усталость от жизни» распределен в границах средних значений (63,4% выборки). При этом у четверти пожилых людей обнаружен высокий уровень усталости от жизни, что выражается в симптомах астении, апатии и чувствах разбитости и усталости. Фактор «разочарование в жизни» попадает в зону низких значений (69,6%). У небольшой части выборки (8,1% пенсионеров) выявлены высокие значения по фактору «разочарование жизнью», такие респонденты испытывают чувства неудовлетворенности, несправедливости, бесцельности жизни. По фактору «беспокойство о будущем» у 20,8% пожилых людей диагностируются низкие баллы. Однако 75,2% пожилых людей достигли средних значений, т. е. большая часть выборки испытывает умеренное беспокойство относительно своего будущего. У небольшой части респондентов (4,0%) эта тревога сильна и превышает норму.

Гериатрическая шкала депрессии при высоком уровне свидетельствует о недовольстве жизнью в целом, отказе от увлечений, скуке, ожидании плохих событий, чувстве беспомощности, собственной бесполезности и ненужности. Показатели по гериатрической шкале депрессии у пожилых респондентов распределились следующим образом: 68,75% не имеют симптомов депрессии, 30,35% свойственны некоторые проявления депрессивных состояний, такие как недовольство своей жизнью, отсутствие интереса к жизни, развлечениям, ожидание плохих событий, недостаток энергии, апатия и др. Названные симптомы часто соотносят с депрессией, но на самом деле они таковой не являются, и только у одного человека обнаружена выраженная депрессия (0,9%).

Опросник САН позволяет оценить психическое состояние пожилых людей по следующим шкалам. Шкала «самочувствие» демонстрирует силу и здоровье или, напротив, утомление. Шкала «активность» оценивает подвижность и скорость психических функций; при высоких баллах человек увлечен и деятелен, сосредоточен; при низких баллах наблюдаются пассивность, малая подвижность, безучастность, равнодушие, желание отдохнуть, затруднение мыслительных процессов, снижение концентрации внимания. Шкала «настроение» отражает эмоциональное состояние. При высоких баллах испытуемый весел, жизнерадостен, расслаблен, доволен, спокоен и оптимистичен. При низких баллах человек склонен к грусти, напряжению и озабоченности, печали и унынию, разочарованиям и недовольству. По методике САН у респондентов выявлен довольно широкий разброс результатов: от минимальных до максимальных значений. Среднее

значение для группы по уровню настроения находится на границе между средним и высоким. При этом у 24,1% опрошенных уровень самочувствия низкий, у 29,46% — средний и у 46,44% — высокий, т. е. большинство из них ощущают себя здоровыми, активными и полными сил. Примерно четверть пожилых людей испытывает слабость, усталость, отсутствие позитивного настроения, демонстрирует низкую подвижность и невысокую скорость психических реакций. По фактору активности впервые выделяется среднее значение в зоне низких баллов: у 54,46% исследуемых активность низкая.

Шкала личностной тревожности демонстрирует уровень тревожности как черты личности, которая в пожилом возрасте может проявляться как склонность видеть угрозу в широком спектре ситуаций. Высокая личностная тревожность — это приобретенная устойчивая черта поведения, которая ведет к повышению стресса, эмоциональным и невротическим срывам, тревожным переживаниям, неуверенности в себе, раздражительности. Уровень личностной тревожности у пожилых людей имеет среднее значение.

Шкала личностной эффективности демонстрирует веру в эффективность своих действий, успех в социальных ситуациях. Людям с высокой эффективностью проще принимать решения, мотивировать себя на успех и решение сложных задач. Низкие баллы по этой шкале говорят о склонности к избеганию многих ситуаций, так как человек полагает, что не справится с ними, совершит ошибки. У четверти пожилых респондентов отсутствует вера в собственные силы.

Опытно-экспериментальная работа. Согласно концептуальной модели развития жизнеспособности человека метод социально-психологического группового тренинга включает в себя обучающие и развивающие методы, такие как активное обучение, групповая дискуссия, совершенствование навыков эффективного поведения и коммуникаций; ситуационно-ролевые игры, различные методы предоставления информации, техники релаксации и активации, метод обмена опытом, методы психогимнастики, анализ ситуаций, проективное тестирование, элементы видео- и музыкотерапии [22].

В ходе исследования нами проверялась эмпирическая гипотеза, что социально-психологический тренинг является надежным методом в системе обучения на протяжении всей жизни для людей пенсионного возраста и может активно использоваться в практике развивающего и поддерживающего воздействия на жизнеспособность пожилого человека. Дополнительная гипотеза: активность, настроение, депрессивность и тревожность, коррелируя с жизнеспособностью, связаны между собой, что позволяет осуществлять комплексное воздействие на жизнеспособность.

способность и ее корреляты, развивая жизнеспособность методом социально-психологического тренинга.

Исследовательская деятельность разворачивалась в несколько этапов. На первом этапе был произведен анализ группы пожилых людей (n=177). Анализ подверглись результаты испытуемых, полученные в ходе тестирования уровня жизнеспособности, а также ее компонентов: способности адаптации, саморегуляции, саморазвития и осмысленности жизни; результаты методики удовлетворенности жизнью в целом и отдельно по ее шкалам: жизненная включенность, разочарование в жизни, усталость от жизни и беспокойство о будущем; показатели тестов на депрессию, личной тревожности, личной эффективности, показатели методики САН. Количественные показатели общей жизнеспособности и ее компонентов были проанализированы отдельно. Уровень жизнеспособности у пожилых людей преимущественно находится в среднем значении. Способности к адаптации у 75% респондентов средние, при этом по 12,5% приходится на высокий и низкий уровни жизнеспособности. Способности саморегуляции у 66,7% испытуемых средние, 14,6% — низкие и у 18,7% — высокие. Способности саморазвития у 70,0% пожилых людей находятся на среднем уровне, у 13,6% — низком и 16,4% — высоком. 62,4% респондентов обладают средним уровнем осмысленности жизни, и по 18,8% приходится на низкую и высокую шкалы. Общий уровень жизнеспособности у 71,3% респондентов средний, у 12,9% — низкий и у 15,8% — высокий. В целом пожилые люди характеризуются как жизнеспособные, умеющие приспосабливаться к новому социальному статусу, изменяющимся обстоятельствам и среде; способные обучаться, принимать новый опыт, рефлексировать; проявлять активность, решительность, оставаться эффективными. В то же время у многих респондентов имеются проблемы с одним или несколькими компонентами жизнеспособности, что отражается на общем уровне жизнеспособности.

В группе пожилых людей по шкале «настроение» методики САН был получен удивительный результат: среднее значение настроения находится в зоне высоких баллов. Больше половины испытуемых (58,9%) достигли высокого уровня настроения, 17,8% — среднего, что в сумме составляет почти 90% от всей выборки. Такие данные сопоставимы с показателями уровня личностной тревожности пожилых респондентов. Средний балл личностной тревожности имеет среднее значение, что свидетельствует об умеренной склонности к тревожным переживаниям и ожиданию негативных событий. Шкала личностной эффективности демонстрирует, что примерно у четверти пожилых респондентов отсутствует вера в собственные силы и способности, они не обладают высоким уровнем способности саморазвития и выстраивания перспективы жизни.

Вместе с тем большая часть выборки верит в свои силы, способна принимать решения, мотивировать себя на достижения.

На втором этапе исследования проведен анализ сопоставимости контрольной и экспериментальной групп и рассмотрены различия между пожилыми людьми (табл. 1).

Таблица 1. Различия в количественных показателях жизнеспособности в экспериментальной и контрольной группах

(Table 1. Differences in quantitative indicators of vitality in the experimental and control groups)

Компоненты жизнеспособности	Средний ранг		Статистика U Манна-Уитни	Асимптотическая значимость
	Экспериментальная группа	Контрольная группа		
Способность к адаптации	90,83	85,86	3437,5	0,538
Способность к саморегуляции	90,14	87,06	3515	0,703
Способность к саморазвитию	94,75	79,10	2996,5	0,050
Способность к осмысленности жизни	93,40	81,42	3147,5	0,134
Жизнеспособность	92,88	82,32	3206	0,187

Группы не имеют существенных различий по основным показателям жизнеспособности, что подтверждает их сопоставимость. По показателю «способность к саморазвитию» отмечены достоверные различия. В экспериментальной группе эти показатели выше, что подтверждает желание входящих в нее людей участвовать в тренинге, т. е. заниматься саморазвитием. Они более склонны искать новый опыт, новые знания, развивать свои способности и личность, чем пожилые люди, составившие контрольную группу.

После проведения тренинга по развитию жизнеспособности человека произведены повторные замеры уровня жизнеспособности, и в экспериментальной группе пожилых респондентов обнаружены сдвиги по всем шкалам теста. Значимость различий в группе до и после тренинга определялась посредством критерия знаковых рангов Уилкоксона, результаты представлены в таблице 2.

Положительные сдвиги демонстрируют, что после участия в тренинге жизнеспособность пожилых людей повысилась. Чтобы убедиться в положительном эффекте воздействия тренинга, дополнительно были проанализированы средние значения положительных и отрицательных сдвигов. На рисунке 1 видно, что средние значения положительных сдвигов выше, чем средние значения отрицательных сдвигов. Это наглядно показывает положительную динамику изменений

жизнеспособности пожилого человека по результатам проведенного тренинга.

Таблица 2. Сдвиги показателей жизнеспособности в группе, проходившей тренинг
(Table 2. Shifts in vitality indicators in the group that underwent training)

Компоненты жизнеспособности	Сдвиги			Критерий знаковых рангов Уилкоксона	Асимптотическая значимость
	Отрицательные	Положительные	Нет		
Способность к адаптации	20	71	21	-5,152	0,000
Способность к саморегуляции	27	65	20	-4,105	0,000
Способность к саморазвитию	21	80	11	-5,048	0,000
Осмысленность жизни	19	81	12	-6,239	0,000
Жизнеспособность	7	99	6	-8,156	0,000

Отрицательные и нулевые сдвиги в группе участников тренинга объясняются тем, что на констатирующем этапе исследования были обнаружены корреляции компонентов жизнеспособности с удовлетворенностью жизнью, депрессией, самочувствием, активностью и настроением, личностной тревожностью и эффективностью. Это говорит о том, что любое обострение, например тревожности, проявления депрессивного настроения будут отражаться на уровне жизнеспособности человека.

Наличие отрицательных сдвигов объясняется тем, что в процессе тренинга поднимаются вопросы, о которых испытуемые раньше не задумывались, для большинства пожилых людей участие в тренинге представляется новым опытом. В результате работы повышаются осмысленность и рефлексия, что приводит к более серьезной оценке своих способностей, возможностей, результатов жизни. Это может снижать балл во время тестирования, но необязательно будет демонстрировать критичное снижение общего

уровня жизнеспособности, так как снижение в рамках 1–2 стэнов не является показателем резкого снижения уровня жизнеспособности.

В контрольной группе, не проходившей тренинг, также есть положительные, нулевые и отрицательные сдвиги. Однако различия между ними, обоснованные критерием Уилкоксона, оказались случайными. Показатели жизнеспособности в данной группе остались на прежнем уровне.

В процентном соотношении более положительная динамика у пожилых людей, проходивших тренинг, — 88% положительных сдвигов, тогда как в контрольной группе — 52% (рис. 1).

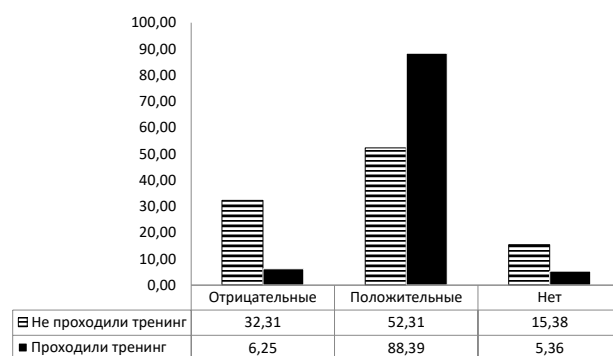

Рис. 1. Процент сдвигов у пожилых людей, проходивших и не проходивших тренинг
(Fig. 1. Percentage of shifts in elderly people who have and have not been trained)

В экспериментальной группе средние сдвиги положительные и больше, чем в контрольной группе, где средние сдвиги близки к нулю и чаще отрицательные (рис. 2).

Анализ показал, что между респондентами экспериментальной и контрольной групп после тренинга имеются достоверные различия по компонентам жизнеспособности: способность к адаптации, способность к саморазвитию, способность осмысленности жизни. Выводы подтверждают наличие положительной связи

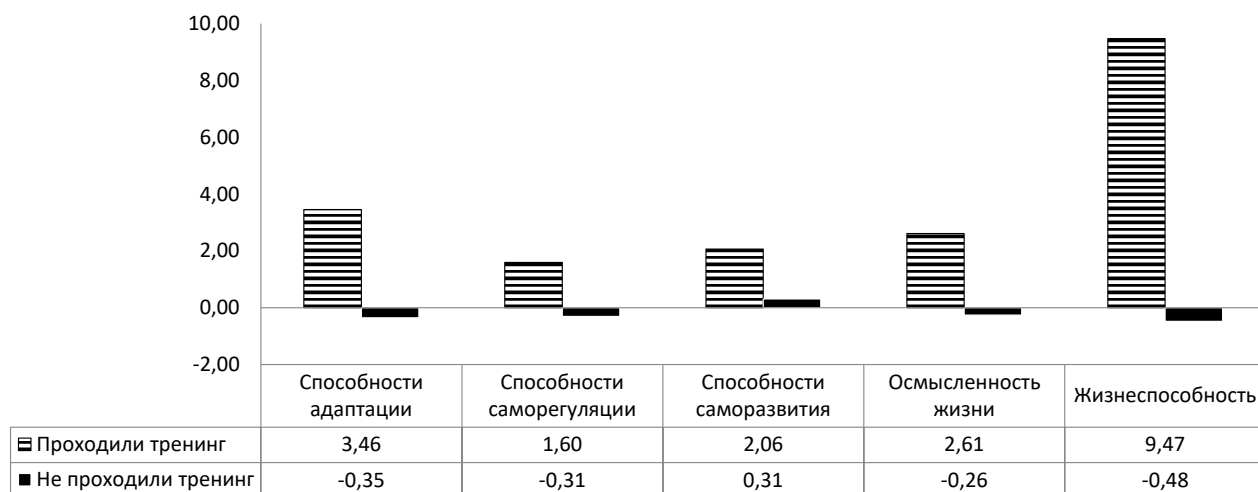

Рис. 2. Средний сдвиг у пожилых респондентов после тренинга
(Fig. 2. The average shift in elderly respondents after the training)

между жизнеспособностью и включенностью в жизнь, удовлетворенностью жизнью, хорошим самочувствием и настроением, активностью и личностной эффективностью и наличие отрицательной связи жизнеспособности с разочарованием в жизни, усталостью, беспокойством о будущем, депрессией и личностной тревожностью.

Таким образом, анализ результатов до и после тренинга «Развитие жизнеспособности пожилого человека» в экспериментальной и контрольной группах пожилых людей показал, что он привел к положительным изменениям по компонентам жизнеспособности и повышению уровня жизнеспособности в целом. Пожилые люди, прошедшие тренинг, повысили коммуникационные навыки; пересмотрели устоявшиеся навыки саморегуляции и приобрели новые, что позволило им пересматривать свои планы, отношение к себе, своему возрасту; активно включаться в текущие события, наполнять жизнь целями и смыслами, выстраивать перспективу саморазвития и управления своей жизнью; у них снизились тревожность, депрессивность, повысились настроение, активность и самочувствие, что субъективно участниками тренинга воспринимается как повышение уровня своей жизнеспособности. Указанные изменения поддерживают ранее выдвигаемое положение; активность, настроение, депрессивность и тревожность, коррелируя с удовлетворенностью жизнью и жизнеспособностью, связаны между собой, что позволяет осуществлять комплексное воздействие на жизнеспособность и ее корреляты.

Выводы

Анализ научных источников в сфере образования на протяжении всей жизни позволил определить несколько наиболее близких нам позиций в отношении образования людей пенсионного возраста в посттрудовой период. Представленные данные исследований по образовательным программам для пожилых людей [3] свидетельствуют, что треть пожилых людей в России имеет потребность в обучении. Институты «третьего возраста» позволяют пожилым людям быстрее адаптироваться к новым современным реалиям, активизировать внутренние ресурсы, чувствовать свою востребованность. Вместе с тем, по данным доклада Высшей школы экономики 2020 года, несмотря на достигнутый высокий уровень образования людей старшего поколения, их вовлеченность в структуру непрерывного образования (повышение квалификации, переобучение, курсы, тренинги и т. д.) остается очень низкой. Лишь 1,3% лиц в возрасте 57–75 лет посещали какие-либо курсы, тренинги и другие образовательные мероприятия. В докладе указано, что, наряду с основными препятствиями на пути развития активного долголетия в России (недостаточная развитость общественной деятельности, «серебряного» волонтерства, физической активности), выделяется проблема непрерывного образования людей в посттрудовой период. Отмечается несоответствие между существующим практическим

опытом работы с пожилыми людьми и отсутствием методологических подходов междисциплинарных исследований стареющего человека как субъекта непрерывного образования на протяжении всей жизни [23].

Целями непрерывного образования взрослых являются развитие познавательных способностей, эмоционально-психологической сферы, творческого мышления; повышение уровня компетенций в области межличностных отношений; обогащение знаний и умений успешного освоения различных социальных ролей; образование для самореализации; коррекционное образование взрослых; образование для здоровья, благосостояния, образа жизни семьи и личности [33]. Активная деятельность людей старшего поколения рассматривается как важная составляющая их социализации, укрепления физического и психического здоровья, повышения самооценки [34].

Эти цели в пожилом возрасте реализуются в условиях социально-психологических групповых тренингов. На примере тренинга «Развитие жизнеспособности пожилого человека» получены данные о различиях двух групп пожилых людей, участвовавших и не участвовавших в тренинге. Положительная динамика экспериментальной группы составила 88% положительных сдвигов; контрольной группы — 52%. Группы достоверно различаются по компонентам, входящим в структуру жизнеспособности: способности к адаптации, к саморегуляции, саморазвитию и осмысленности жизни, что отражается на увеличении показателя общей жизнеспособности. У участников тренинга также произошло снижение тревожности, состояний депрессии, повысились настроение, активность и самочувствие, т. е. тех коррелятов, которые тесно связаны с показателями жизнеспособности, что субъективно выражается пожилыми людьми как улучшение уровня своей жизнеспособности. Исследование показало актуальность включения в систему образования на протяжении всей жизни тренингов для пожилой категории населения на постоянной основе. Участие в групповых тренингах позволит закреплять достигнутые положительные результаты, диагностировать динамику развития в отсроченной перспективе.

Область применения и перспективы. Материалы статьи будут полезны при рассмотрении теоретических аспектов образования на протяжении всей жизни для лиц пожилого возраста и роли социально-психологического тренинга в данной системе развития. Исследование вносит вклад в процесс формирования концепции образования на протяжении всей жизни, представляет интерес для лиц и государственных структур, обеспечивающих обучение и развитие пожилого населения Российской Федерации. Необходимо находить формы и методы вовлечения резервов пожилого населения для обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, а также увеличения уровня социального благополучия пожилых людей.

Результаты эмпирического исследования найдут применение в практической деятельности психологов, социально-педагогических работников, работников оздоровительных учреждений, деятельность которых связана с поддержанием и развитием пожилых людей.

Список источников / References

1. Васильева Е. В. Концепция активного долголетия в системе обеспечения экономической безопасности // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 9. С. 2101–2120.
2. Колесникова И. А. Концептосфера непрерывного образования: логика и методология изучения // Непрерывное образование: XXI век. 2016. № 3(15). С. 124–140.
3. Сидорчук Т. А. Образовательные программы для пожилых людей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2013. № 3. С. 289–295.
4. Саргсян А. С., Авагян А. А., Маранджян Т. Б., Аванесян В. М. Достижения и перспективы развития непрерывного образования в Армении // Человек и образование. 2010. № 4(25). С. 152–157.
5. Данилова Л. Н. Развитие терминологии непрерывного образования за рубежом // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 232–236.
6. Лобанов Н. А., Ломакина Т. Ю. Модельный закон «Об образовании взрослых»: из истории непрерывного образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 3(60). С. 73–82.
7. Никандров В. В. Антитренинг, или Контуры нравственных и теоретических основ психотренинга. СПб., 2003. 176 с.
8. Kenneth J. Gilhooly and Mary L. M. Gilhooly. Aging and Creativity, 2021. <https://doi.org/10.1016/C2017-0-04755-9>.
9. Соболева Е. В. Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2020. № 1. С. 47–50.
10. Мастен Э. С., Дистефано Р. Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. 755 с.
11. Reddy M. S. Life long learning will lead us forward. *Journal of Dental Education*. 2022. Vol. 86. <https://doi.org/10.1002/jdd.12928>.
12. Черезова Н. С., Матушанский Г. У. Обучение лиц пожилого возраста как социально-педагогическая проблема // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 3(116). С. 231–238.
13. Бадьина О., Ирышкина О. Книга долголетия. Методики. Рецепты. Практики. М., 2024. 252 с.
14. Баженова А. С., Чечет А. А., Тесленко П. О. Когнитивный тренинг у одиноких пожилых людей: разработка и оценка эффективности // Державинский форум. 2019. № 12. С. 122–130.
15. Покачалова Е. С. Актуальность улучшения психоэмоционального состояния пожилых людей (на основе двигательного тренинга) // Современный взгляд на науку и образование : сб. науч. статей. М., 2019. С. 76–80.
16. Пекарска И., Пекарски В., Ткачёва О. Н., Мхитарян Э. А., Чердак М. А. Когнитивный тренинг: упражнение интеллекта и речи в пожилом возрасте. М., 2021. 68 с.
17. Смит Э. Д. Стареть можно красиво: руководство для пожилых, престарелых и тех, кто заботится о стариках / пер. В. В. Симаковой. М., 1995. 146 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01001728875>.
18. Ярославцева И. В., Дорохина С. А. Коррекция критического мышления пожилых людей — жертв мошеннических действий в процессе психологического консультирования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2022. Т. 41. С. 97–109.
19. Jui-CheFu, Cheng-Hsueh Yang, Ching-Yao Liang, Hong-Yi Chen. Exploring the Impact of Puzzle Games for the Elderly from Experiential Learning, Thinking Skills and Creativity. 2022. Vol. 45.
20. Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2018. № 3. С. 243–256.
21. Птицына Н. А. Освоение пожилыми людьми компьютерной грамотности: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4(52). С. 81–89.
22. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга. М., 1999. 176 с.
23. Роботова А. С. Люди третьего возраста как субъекты непрерывного образования: методология и основные направления изучения // Непрерывное образование: XXI век. 2014. № 4(8). С. 123–128.
24. Sushil Kumar Maheshwari, Rintu Chaturvedi. Effectiveness of psycho-educational intervention on psychological distress and self-esteem among resident elderly: A study from old age homes of Punjab, India. *Clinical Epidemiology and Global Health* 14 April 2021.
25. Arslan G., Yildirim M., Aytaç M. Subjective vitality and loneliness explain how coronavirus anxiety increases rumination among college students. *Death studies*. 2020. Pp. 1–10.
26. И-Юань Тан Жунсян, Тан Джеймс Дж. Гросс. Effortless training of attention and self-control: mechanisms and applications. *Trends in Cognitive Sciences*. 2022. May. 196 p.
27. Kekäläinen T., Terracciano A. Does personality moderate the efficacy of physical and cognitive training interventions? *Personality and Individual Differences*. 2023. February. Vol. 202. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111957>.
28. Carver C. S., Scheier M. F. Optimism // *Handbook of Positive Psychology* / Eds. Snyder C. R., Lopez S. J. Oxford, N.Y., 2002. Pp. 231–243.
29. Chu T. L., Zhang T., Hung T. M. Motivational profiles in table tennis players: Relations with performance anxiety and subjective vitality. *Journal of sports sciences*. 2018. Т. 36, № 23. Pp. 2738–2750.
30. Оношко Е. С., Крецан З. В. Понятийное ядро теории адаптации: терминологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 1. С. 87–90.
31. Панкратова Т. М. Саморегуляция в социальном поведении : учеб. пособие. Ярославль, 2011. 112 с.
32. Минюрова С. А. Психология самопознания и саморазвития : учебник. Екатеринбург, 2013. 316 с.
33. Болдырева Н. В., Болдырева Н. П. Ключевые компетенции в современных условиях // Вестник евразийской науки. 2022. № 2. С. 110–119.
34. Овчарова Л. Н., Морозова М. А., Синявская О. В. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический доклад // Проблемы развития экономики и общества : XXI междунар. науч. конф. М., 2020. С. 40–45.

Поступила 11.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9:340 © Свободный Ф. К., Свободный Б. Ф., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-409-414

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности; 5.3.2. Психофизиология

Диагностика при помощи полиграфа информированности личности о количестве ситуаций собственного правонарушающего поведения

Феликс Константинович Свободный, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления и психологии следственной деятельности¹; sfk_felix@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>

Борис Феликсович Свободный; старший специалист первого отделения отдела криминалистики²; sbf-boris1@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9074-1694>

¹Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 125080, Москва, ул. Врубеля, 12, Россия

²Западное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, 121151, Москва, ул. Студенческая, 14, Россия

Реферат. Введение. Полиграфный тест на количество случаев собственного правонарушающего поведения позволяет избежать обвинительного уклона тестов методики контрольных вопросов, а также, в отличие от других тестов методики выявления скрываемой информации, может применяться в условиях широкой огласки обстоятельств расследуемого события. **Материалы, результаты и обсуждение.** Разработан и апробирован Тест на количество случаев собственного правонарушающего поведения. Большинство результатов применения теста были подтверждены итогами соответствующего служебного расследования. Часть результатов теста осталась в зоне неопределенности. Около 10% проанализированных результатов теста были опровергнуты другими методами расследования, что может быть следствием как наших ошибок, так и ошибок лиц, проводящих служебное разбирательство. **Выводы.** Достаточно высокая диагностическая эффективность Теста на количество случаев собственного правонарушающего поведения позволяет рекомендовать его к использованию в ходе исследований с применением полиграфа при производстве профессионально-психологического отбора и расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: полиграф, тест, информированность, количество случаев правонарушающего поведения

Для цитирования: Свободный Ф. К., Свободный Б. Ф. Диагностика при помощи полиграфа информированности личности о количестве ситуаций собственного правонарушающего поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 409–414. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-409-414>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9:340 © Svobodny F. K., Svobodny B. F., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-409-414

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security; 5.3.2. Psychophysiology

Polygraph Diagnostics of the Person's Awareness of the Number of Situations of his own Delinquent Behaviour

Felix K. Svobodny, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Management and Psychology of Investigative Activities¹; sfk_felix@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>

Boris F. Svobodny, Senior Specialist of the first unit of Criminalistics department²; sbf-boris1@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9074-1694>

¹Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 12, Vrublei st., Moscow, 125080, Russia

²Western Interregional Investigation Directorate of the Investigative Committee on Transport of the Russian Federation, 14, Studencheskaya st., Moscow, 121151, Russia

Abstract. Introduction. The polygraph test on the number of cases of own delinquent behavior ensures avoiding the accusatory bias of the tests of the control questions methodology, and also, unlike other tests of the hidden information detection technique, may be used in the case of a widely publicized occurrence of an event under investigation. **Materials, Results and Discussion.** The authors developed and tested Test on the number of cases of own delinquent behavior. Most of the results of the test were confirmed by the findings of a corresponding internal investigation. Some of the test results remained in an area of uncertainty. About 10% of the analyzed test results were disproved by other investigative methods, which may be due to both our mistakes and those of the persons conducting the official investigation. **Conclusions.** High diagnostic efficiency of Test on the number of cases of own delinquent behavior suggests recommending it for use in examinations via polygraph in professional psychological selection and investigation of criminal cases.

Keywords: polygraph, test, awareness, a number of cases of own delinquent behavior

Citation: Svobodny F. K., Svobodny B. F. Polygraph Diagnostics of the Person's Awareness of the Number of Situations of his own Delinquent Behaviour. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 409–414 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-409-414>

Основные положения

1. Опыт, формируемый в процессах прошлого поведения, является основой для поведения настоящего и будущего. Правонарушающее поведение человека, как и любое другое поведение, может быть проанализировано и выражено в определенном количестве случаев этого поведения. Количество случаев правонарушения поведения в биографии человека в устной и письменной речи выражается через числительные, а отсутствие в жизни человека ситуаций нарушения им закона может быть обозначено словосочетанием «ни разу» или существительным «ноль».

2. Актуализировать компоненты индивидуально-го опыта определенного поведения возможно предъявлением в экспериментальных условиях раздражителей, связанных с изучаемым поведением.

3. Для определения особенностей информированности обследуемого о количестве случаев собственного правонарушения поведения предлагается в ходе исследования с применением полиграфа использовать соответствующий тест, содержащий в качестве раздражителей числительные.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Эффективное выполнение задач по борьбе с преступностью требует постоянного совершенствования методов раскрытия и расследования преступлений. Это положение справедливо и для психологического исследования с применением полиграфа (далее — ИПП), активно применяемого в правоохранительных органах современной России и других стран [1; 2].

Как известно, в процессе ИПП, назначаемого в рамках расследования происшествий и преступлений, используются две основные методики: методика контрольных вопросов (далее — МКВ) и методика выявления скрываемой информации (далее — МВСИ) [3]. При этом тесты, составленные по МВСИ, наиболее эффективны в том случае, когда обследуемый отрицает обладание информацией о деталях расследуемого события [4].

Если информация о расследуемом событии стала известна широкому кругу лиц (в том числе обследуемому), то применение МВСИ может оказаться бесполезным. В этом случае рекомендуется применение полиграфных тестов, составленных по МКВ, которая, как известно, имеет обвинительный характер и часто используется для решения общего вопроса о «причастности / непричастности» обследуемого к преступлению [5].

По нашему мнению, решение такого общего вопроса возможно и при помощи тестов МВСИ, которые не имеют обвинительного уклона и позволяют избежать связанных с этим ошибок. Один из таких тестов, направленный на выявление информированности о количестве случаев собственного противоправного

поведения обследуемого, и предлагается вниманию читателей в этой статье.

Цель — разработка и апробация полиграфного теста, направленного на изучение информированности обследуемого относительно общего количества ситуаций его жизни (или определенного жизненного периода), когда он проявлял такое же противоправное поведение, которое предположительно продемонстрировал в расследуемом событии.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы.

1. *Выражение количества случаев правонарушения поведения через числительные.* Память на движения, действия (так называемая двигательная память) является, по мнению ряда ученых, одной из прочных видов долговременной памяти и играет ключевую роль в жизнедеятельности человека [6]. Например, В. Б. Швырков полагает, что память содержит в своей основе информацию о предыдущих поведенческих актах организма, направленных на достижение полезного приспособительного результата по удовлетворению потребностей [7].

Отдельные поведенческие акты, движения, действия, поступки можно объединить термином «поведение». В тех случаях, когда человек своим поведением нарушает нормы закона, принято говорить о криминальном или правонарушающем поведении.

Правонарушающее поведение многими учеными определяется как целенаправленные действия человека, при совершении которых он нарушает нормы права. Правонарушающее поведение — это своеобразная форма взаимодействия субъекта с окружающей средой, это мотивированная, целенаправленная и сознательно управляемая деятельность субъекта, состоящая из ряда действий; направленность действий правонарушителя на достижение определенных целей, которыми удовлетворяются мотивы, побуждающие субъекта к действию.

Например, М. А. Манукян подразумевает под правонарушающим поведением «действия, нарушающие положения действующего законодательства, а также направленные на удовлетворение личных или групповых интересов» [8].

Поскольку поведение человека, как и любого другого живого организма, направлено в первую очередь на удовлетворение своих потребностей, то оно имеет определенный повторяющийся характер. При удовлетворении потребностей преимущественно одним и тем же способом происходит стереотипизация поведения. Это утверждение справедливо и для криминального поведения: длительное, неоднократное проявление правонарушающего поведения способствует формированию устойчивого стереотипа как отдельных действий, так и поведения в целом.

Производство же человеком конкретных поведенческих действий в определенных условиях здесь

и сейчас можно обозначить как «единичный случай поведения» или «единичная ситуация (событие)», в которой указанное поведение является ключевым содержанием. Выделенный таким образом «единичный случай поведения» может служить единицей количественного анализа поведения человека в течение всей его жизни или какого-либо ее временного периода.

Соотношение понятий «случай», «ситуация», «событие» заслуживает отдельной статьи в силу неоднозначности как самих понятий, так и сложности взаимосвязей между феноменами, которые они обозначают. Так, Б. Ф. Ломов полагал, что ситуация представляет собой систему определенных взаимосвязанных событий: «В качестве причин того или иного поведенческого акта выступает, как правило, не отдельное событие, а система событий или ситуация» [9, с. 120]. В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова слово «событие» представлено синонимом слова «случай» и определяется как «то, что случилось, происшествие, случай»¹. Р. Р. Попова считает, что «в понятии „ситуация“ отражается все богатство взаимодействий субъекта и среды, а в понятии „событие“ отражается значимость изменений, возникающих в процессе этого взаимодействия» [10, с. 290]. Данным автором выделяются три признака, характеризующих «понятие „событие“ в рамках логико-философского воззрения: „присутствие субъекта; наличие изменения; наличие пространственно-временной локализации этого изменения“» [10, с. 289].

Очевидно, что эти признаки можно принять характеризующими не только понятие «событие», но и понятия «ситуация» и «случай», поскольку их объединяет двухкомпонентное содержание: 1) наличие изменений в объективной реальности и 2) наличие человека, выступающего в роли как минимум наблюдателя этих изменений. Исходя из вышесказанного, в данной работе мы будем считать понятия «событие», «случай», «ситуация» синонимичными.

В случае повторения человеком определенных поведенческих действий можно говорить о некотором количестве случаев (ситуаций, событий) похожего или повторяющегося поведения.

Издrevле количество чего-либо (объектов и предметов, явлений и событий и т. д.) определялось человечеством посредством счета, что привело к появлению чисел, числительных и цифр, играющих большую роль в передаче информации между людьми [11].

Как пишет О. Ф. Жолобов, «числительные обнаруживаются уже в начале позднего палеолита». Автор подчеркивает тот факт, что «первые знаки в древнейших письменных системах (шумерской, эламской) были числовыми знаками, то есть числительные можно считать „первотолчком“ в развитии письменности» [12, с. 373].

Наименования чисел играли и играют огромную роль в процессах познания человеком объективной и субъективной реальности, формирования сознания и самосознания, оценивания явлений, событий и собственного поведения. Как подчеркивает С. Р. Макерова, «квантификация с помощью числительных неотделима от реалистического изображения фактов и событий» [13, с. 38].

Современные ученые разграничивают понятия «число», «числительное», «цифра». Л. Л. Банкова указывает, что в русском языке «цифра представляет собой знак, число — понятие, а числительное — слово» [14, с. 49]. В России для обозначения чисел используются арабские цифры (0 1 2 3 4 5 6 7 8 9), ставшие привычными за более чем трехсотлетнюю историю их практического применения. А. В. Патраль отмечает, что «современные арабские цифры хорошо опознаются, хорошо различимы» и позволяют «достигнуть как максимальной скорости и надежности приема и переработки цифровой информации, так и максимального экономического эффекта при их применении» [15, с. 52].

Как известно, современные арабские цифры в русском языке соотносятся с соответствующими количественными числительными (0 — ноль, 1 — один, 2 — два, 3 — три, 4 — четыре и т. д.). Восприятие числительных, так же как и цифр, не представляет трудности для носителя языка. Об этом пишет А. В. Лыков: «...количество, выражаемое в языке с помощью числительного, доступно наблюдению с первого взгляда» [16, с. 61].

Помимо «повторяющихся событий», в жизни человека могут происходить уникальные, нетипичные события, ситуации, с которыми человек столкнулся впервые и которые могут побудить его продемонстрировать уникальное, не производимое им ранее поведение. Примеры таких событий можно найти, например, в работах Б. Г. Ананьева, предложившего понятие «значимые жизненные события» и считавшего последние универсальными составляющими субъективной картины жизненного пути личности [17].

Не вызывает сомнений тезис о том, что уникальность человеческой жизни обусловлена и уникальным «событийным рядом» жизненного пути конкретного человека, на протяжении которого одни события происходят («присутствуют»), а другие — нет («отсутствуют»). Информация об отсутствии чего-либо, особенно в контексте отсутствия количества, также может быть обозначена и передана при помощи цифры («0») или числительного («ноль»). При этом в повседневной устной и письменной речи вместо числительного «ноль» часто используется существительное «ноль». Согласно Словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой слово «ноль (нуль)» может обозначать «отсутствие

¹ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4. С. 168.

чего-либо, какой-либо величины»². Необходимо отметить, что отсутствие в жизни человека каких-либо случаев (событий) может быть, помимо числительных, синонимично обозначено, например, наречием («никогда») или устойчивым сочетанием («ни разу»)³.

Таким образом, поведение человека может быть объективно (например, через анализ видеозаписи и т. д.), а также субъективно (например, через самоотчет на основе собственных воспоминаний) проанализировано и выражено в определенном количестве случаев этого поведения. Количество данных случаев теоретически может находиться в интервале от нуля до сотен миллионов (например, шаг).

Случаи правонарушающего поведения человека также могут быть проанализированы через их количество с использованием числительных. Количество случаев правонарушающего поведения в биографии человека может быть в устной и письменной речи выражено через числительные, а при отсутствии ситуаций нарушения им закона количество случаев правонарушающего поведения может быть обозначено устойчивым сочетанием «ни разу» или существительным «ноль».

2. *Использование числительных в исследовании с применением полиграфа.* В системной психофизиологии обосновывается, что актуализация индивидуального опыта (сформированного в определенном поведении в прошлом) происходит при следующих ситуациях: а) при повторении человеком вышеуказанного поведения; б) при наблюдении человека за этим поведением, в) при представлении человеком вышеуказанного поведения [18]. Представление (воспоминание) может быть вызвано в условиях эксперимента, например, предъявлением в процессе ИПП человеку раздражителей, связанных с изучаемым поведением.

Методика предъявления слов-раздражителей для активации памяти обследуемого эффективно используется в соответствующих психологических и психофизиологических экспериментах [19; 20].

Числительные и цифры давно используются в ИПП в качестве раздражителей. Так, П. Экман приводит несколько примеров «полиграфных тестов», в которых числительные и цифры обозначают количество украденных денег или номинал украденных купюр [21, с. 72]. В. А. Варламов, В. В. Коровин и Г. В. Варламов описывают тесты, направленные «на количество взятых со счетов денег», «на количество ножевых ранений», «на количество человек, принимавших участие в убийстве» [22, с. 32–35]. С. И. Оглоблин и А. Ю. Молчанов в качестве одного из служебных тестов описывают «цифровой тест неизвестного решения» [5, с. 274].

При этом нам не удалось обнаружить в соответствующей литературе описания полиграфных тестов, направленных на анализ количества ситуаций правонарушающего поведения.

Материалы, результаты и обсуждение

Исходя из обозначенных выше теоретических положений, мы разработали модель полиграфного теста, предназначенного для выявления особенностей информированности обследуемого о количестве ситуаций его правонарушающего поведения: «Вы точно помните, что такая ситуация, чтобы Вы (описание действия), была (временной промежуток) всего: 100 раз, 3 раза, 2 раза, 1 раз, 0 раз (т. е. ни разу), более 3 раз». Компонент теста «описание действия» выражает конкретное содержание действий, реализуемых при правонарушающем поведении (например: *управляли автомобилем в «нетрезвом виде»; тайно присваивали деньги из кассы; получали взятку; нанесли хотя бы один удар; принимали участие в убийстве человека и т. д.*). Компонент «временной промежуток» выражает конкретный интервал жизни обследуемого, на протяжении которого анализируется количество случаев его правонарушающего поведения (например: *в Вашей жизни; за последние пять лет; в прошлом месяце; в тот вечер и т. д.*).

Составленные по данной модели тесты на протяжении нескольких лет применялись авторами настоящей статьи в ходе ИПП, проводимых по заказам частных лиц и коммерческих организаций.

Для анализа эффективности Теста на количество случаев собственного правонарушающего поведения (далее — ТКССПП) из массива ИПП, проведенных в 2017–2020 гг., в хронологическом порядке, последовательно нами отобрано 100 исследований, содержащих однозначный по данному тесту вывод. Выводы по ТКССПП сопоставлялись с общими результатами соответствующего служебного расследования, полученными от заказчиков ИПП (табл.).

Таблица. Сравнение результатов Теста на количество случаев собственного правонарушающего поведения с общими результатами расследования (Table. Comparison of the results of the Test on the number of cases of own delinquent behavior with the general results of the investigation)

Вывод	Количество тестов
Подтверждены результатами служебного расследования	68
Опровергнуты результатами служебного расследования	11
Не подтверждены и не опровергнуты результатами служебного расследования	21

Как видно из таблицы, результаты ТКССПП в большинстве проанализированных ИПП были под-

² *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 2. С. 612.

³ *Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник.* М., 2010. С. 265.

тверждены результатами соответствующего служебного расследования. В качестве примера опишем конкретную практическую ситуацию: в ходе ревизии в продуктовом магазине была выявлена недостача, одной из причин которой могли быть периодические кражи продавцами небольших денежных сумм из кассы. В ходе производства ИПП в отношении трех продавцов среди других полиграфных тестов, предъявлялся следующий ТКССПП: «Вы точно помните, что такая ситуация, чтобы Вы тайно присваивали себе деньги из кассы магазина, была за последние три месяца всего: 100 раз, 0 раз, 1 раз, 2 раза, 3 раза, более 3 раз». В ходе предъявления данного теста у двух продавцов были обнаружены выраженные физиологические реакции на альтернативу теста «0 раз», а у одного — на альтернативу «более 3 раз». Результаты теста в совокупности с остальными результатами ИПП позволили предположить причастность последнего продавца к хищениям денег из кассы. В ходе дальнейшего расследования женщина призналась в совершении краж, указав, что за последние три месяца она тайно присваивала себе деньги из кассы около 10 раз.

В таблице отражено, что 11% массива проанализированных тестов были опровергнуты информацией, полученной через другие методы разбирательства, что, по нашему мнению, может говорить как об ошибках при проведении ИПП, так и о неверных выводах служебного расследования.

Часть результатов использования ТКССПП (21%) при сопоставлении с результатами служебных расследований не была ни подтверждена, ни опровергнута ввиду недостаточности данных, полученных в целом по разбираемой ситуации заказчиками ИПП.

Выводы

Любое поведение человека (в том числе и правонарушающее) может быть обозначено через количество случаев, выраженных числительными.

Числительные, обозначающие количество случаев поведения, могут использоваться в качестве слов-раздражителей для актуализации индивидуального опыта испытуемого в психологическом эксперименте.

Для определения в ходе исследования с применением полиграфа особенностей информированности испытуемого о количестве ситуаций его правонарушающего поведения был разработан Тест на количество случаев собственного правонарушающего поведения.

Составленный на основе методики выявления скрываемой информации тест не восприимчив к огласке обстоятельств расследуемого события и не имеет обвинительного уклона, характерного для тестов методики контрольных вопросов.

Результаты апробации указанного полиграфного теста позволяют уверенно констатировать его эффективность в практике производства служебных расследований.

Область применения и перспективы. Высокие показатели эффективности Теста на количество случаев собственного правонарушающего поведения позволяют считать его применение перспективным в ходе ИПП при расследовании уголовных дел. Тест может использоваться также при проведении кадровых проверок для конкретизации количества проявлений факторов риска в биографии соискателя. Полученные в исследовании данные делают возможным перенос апробированной модели на изучение частотных характеристик практически любых поведенческих действий обследуемого в разнообразных ситуациях.

Список источников / References

1. Свободный Ф. К. Практика применения полиграфа в процессе расследования преступлений: мнения следователей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 3(82). С. 279–285. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-13006>.
2. Widacki J. Polygraph Examination in Criminal Cases. Current Polish Practice. A Critical Study. *European Polygraph*. 2012. Vol. 6. № 4(22). Pp. 249–256.
3. Matte J. A. Psychological Aspects of the Quadri-Track Zone Comparison Technique and Attendant Benefits of its Inside Track. *European Polygraph*. 2011. Vol. 5. № 2(16). Pp. 41–59.
4. Raskin D. C. The Scientific Basis of Polygraph Techniques and Their Uses in the Judicial Process. *Proceedings of the Stockholm Symposium on Witness Psychology*. 1982. Pp. 319–371.
5. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи». Ярославль, 2004. 464 с.
6. Гончаров В. И. «Память на движение» как бесплатный вид памяти // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2014. № 1(107). С. 25–39.
7. Швырков В. Б. Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики. М., 2006. 592 с.
8. Манукян М. А. Профилактика правонарушающего поведения несовершеннолетних, находящихся в условиях временной изоляции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 25 с.
9. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 444 с.
10. Попова Р. Р. Проблема определения понятия «событие» в психологии // Филология и культура. 2011. № 3(25). С. 287–293.
11. Родионов Г. И., Луцкина Е. А., Кудряшов П. Н., Стрелец В. Б. Нейрофизиологические особенности восприятия чисел, записанных римскими и арабскими цифрами, у больных параноидной шизофренией // Физиология человека. 2019. Т. 45, № 5. С. 41–48.
12. Жолобов О. Ф. Статика и динамика древнеславянских квантитативных форм // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М., 2005. С. 372–383.

13. Макерова С. Р. Имя числительное и квантификация в художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4(128). С. 22–39.
14. Банкова Л. Л. Проблема разграничения понятий «цифра», «число», «числительное» и их соотношение в русском, английском и китайском языках // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2020. № 3(77). С. 42–50.
15. Патраль А. В. Цифровых знаков восприятие // Наука, техника и образование. 2014. № 4(4). С. 52–60.
16. Лыков А. В. Имена числительные как средство объективации повествования в произведениях А. П. Чехова // XX чеховские чтения : мат-лы лингвистической секции. Таганрог, 2001. С. 60–65.
17. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. М., 1980. Т. 1. 232 с.
18. Малахов Д. Г. Психофизиологические характеристики процессов актуализации памяти человека, различающейся по субъективной значимости и времени приобретения : дис. ... канд. психол. наук. М., 2024. 286 с.
19. Alexopoulos Th., Ric F. The evaluation-behavior link: Direct and beyond valence. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2007. Vol. 43. Pp. 1010–1016.
20. Pulvermüller F. Brain mechanisms linking language and action. *Neuroscience*. 2005. Vol. 6. Pp. 576–582.
21. Экман П. Психология лжи. М., 2010. 285 с.
22. Варламов В. А., Коровин В. В., Варламов Г. В. Тесты полиграфных проверок. Краснодар, 2001. 160 с.

Поступила 11.02.2025; одобрена после рецензирования 22.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Тулитбаева Г. Ф., Ахмадеева Е. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-415-420

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Связь профессионального выгорания с суицидальным риском и невротическими состояниями у сотрудников МЧС России

Галина Фанилевна Тулитбаева, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологического сопровождения и клинической психологии, доцент¹; tulitbaevagf@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3754-9473>

Елена Владимировна Ахмадеева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии¹; elena-ram@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>

¹ Уфимский университет науки и технологий, 450000, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, Россия

Реферат. Введение. Цель — описать корреляционную структуру профессионального выгорания, суицидального риска и невротических состояний у сотрудников МЧС. **Материалы и методы.** Психодиагностическими методиками исследования явились «Профессиональное выгорание» (К. Маслач); Опросник суицидального риска (Т. Н. Разуваева); Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. А. Яхин, Д. М. Менделевич). Все расчеты выполнены в программном обеспечении SPSS (версия 7,0). Базой эмпирического исследования стало отделение по психологическому обеспечению Министерства чрезвычайных ситуаций России по Республике Башкортостан. Выборку составили 72 респондента. **Результаты и обсуждение.** Выявлена взаимосвязь профессионального выгорания (психоэмоциональное истощение) с суицидальным риском и невротическими состояниями у сотрудников МЧС с показателями суицидального риска: демонстративностью, аффективностью, уникальностью, несостоятельностью, социальным пессимизмом, временной перспективой, антисуицидальным фактором; с переменными невротических состояний: тревогой, невротической депрессией, астенией, истерическим типом реагирования, обсессивно-фобическими нарушениями, вегетативными нарушениями. **Выводы.** У сотрудников МЧС нарушается прежде всего эмоциональная сфера, последствиями чего выступают профессиональное выгорание, суицидальный риск и другие невротические состояния.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, суицидальный риск, невротические состояния, сотрудники МЧС

Для цитирования: Тулитбаева Г. Ф., Ахмадеева Е. В. Связь профессионального выгорания с суицидальным риском и невротическими состояниями у сотрудников МЧС России // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 415–420. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-415-420>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © Tulitbaeva G. F., Akhmadeeva E. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-415-420

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Connection between Professional Burnout and Suicidal Risk and Neurotic Conditions in Employees of the Russian Ministry of Emergency Situations

Galina F. Tulitbaeva, Candidate of Science (in Psychology), head of the chair of Psychological Support and Clinical Psychology, Associate-Professor; tulitbaevagf@rambler.ru; <https://doi.org/0000-0002-3754-9473>

Elena V. Akhmadeeva, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor of Psychological Support and Clinical Psychology¹; elena-ram@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>

¹ Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi st., Ufa, 450000, Russia

Abstract. Introduction. The purpose is to describe the correlation structure of professional burnout, suicidal risk and neurotic conditions of employees of the Russian Ministry of Emergency Situations. **Materials and Methods.** Psycho-diagnostic methods of the study include «Professional Burnout» (K. Maslach); Questionnaire of Suicidal Risk (T. N. Razuvaeva); Clinical questionnaire for identification and evaluation of neurotic conditions (K. A. Yakhin, D. M. Mendelevich). All calculations are performed in SPSS software (version 7.0). The research was based on the psychological support department of the Russian Ministry of Emergency Situations in the Republic of Bashkortostan. The sample consisted of 72 respondents. **Results and Discussion.** The connection of professional burnout (psycho-emotional exhaustion) with suicidal risk and neurotic conditions of employees of the Russian Ministry of Emergency Situations with suicidal risk indicators was revealed: demonstrativeness, affectivity, uniqueness, incapacity, social pessimism, time perspective, anti-suicidal factor; with variable neurotic conditions: anxiety, neurotic depression, asthenia, hysterical type of reaction, obsessive-phobia disorders, vegetative disorders. **Conclusions.** Employees of the Russian Ministry of Emergency Situations most of all suffer from disorders in emotional sphere, the consequences of which are professional burnout, suicidal risk and other neurotic states.

Keywords: professional burnout, suicidal risk, neurotic conditions, employees of the Russian Ministry of Emergency Situations

Citation: Tulitbaeva G. F., Akhmadeeva E. V. Connection between Professional Burnout and Suicidal Risk and Neurotic Conditions in Employees of the Russian Ministry of Emergency Situations. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 415–420 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-415-420>

Основные положения

1. Деятельность сотрудников МЧС нередко сопровождается экстремальными ситуациями, что порождает истощение эмоциональных и личностных ресурсов. При этом эмоциональное состояние играет ключевую роль в выполнении служебных обязанностей и может привести к дезорганизации профессиональной деятельности.

2. В исследовании показано наличие связи профессионального выгорания с суицидальным риском и невротическими состояниями у сотрудников МЧС. При этом у большинства из них выявлена «редукция профессиональных достижений», говорящая о негативном оценивании результатов служебной деятельности, об отсутствии возможности для профессионального развития.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Деятельность сотрудников МЧС непосредственно связана с сохранением здоровья и жизни населения, и порой она протекает в экстремальных стрессовых условиях. Не стоит упускать из виду другие особенности деятельности сотрудников данной категории, среди которых прежде всего выделяют персональную ответственность, нормативный регламент общения, напряженный и эмоциональный характер производства, ненормированный график работы, умственное и физическое напряжение. Предъявляются повышенные требования не только к физической подготовке специалистов, но и к их психологическому состоянию. Данные условия труда могут привести к профессиональному выгоранию и отрицательно повлиять на психологическое состояние и поведение сотрудников, в том числе в аспекте роста нервно-психических нарушений. Кроме того, наличие постоянного стресса и травматических ситуаций может привести к психическим проблемам и депрессии, что, в свою очередь, увеличивает вероятность суицидальных мыслей и действий.

В таких условиях особые требования предъявляются и к обеспечению профессиональной деятельности сотрудников МЧС, которое ложится на плечи психологической службы. Работа данного подразделения имеет специфику, отличающуюся от служб в подобных учреждениях. Одно из направлений психологического обеспечения — психодиагностика и мониторинг различных состояний. На основании полученных диагностических данных строятся профилактическая, просветительская, коррекционная работа и сопровождение сотрудников МЧС. А. А. Тарасова, Ю. С. Шойгу, В. И. Цыбуля разработали и описали критерии оценки мониторинга психодиагностического исследования, куда они включили показатели, входящие в когнитивную, эмоциональную и психофизиологическую сферы [1]. В поле нашего интереса попал анализ эмоциональной сферы, а именно изучение взаимо-

связи профессионального выгорания с суицидальным риском и невротическими состояниями у сотрудников. Проведенное исследование может стать базой для успешного обеспечения служебной деятельности, профилактики психической дезадаптации и для проведения сопроводительных коррекционных мероприятий.

Цель — описание корреляционной структуры профессионального выгорания с суицидальным риском и невротическими состояниями у сотрудников МЧС.

Степень разработанности и обзор проблемы.

Долгое время профессиональное выгорание выступало предметом исследований относительно помогающих профессий класса «человек — человек» (педагоги, психологи, социальные работники и др.). На данный момент имеется достаточное количество психодиагностических методик, выявляющих различные фазы эмоционального выгорания, существуют профилактические и коррекционные программы для разных профессиональных групп [2].

Среди причин профессионального выгорания называются многочисленные социальные контакты, нечеткая организация труда, наличие противоречий в должностных обязанностях, высокая ответственность за результаты труда, неблагоприятный психологический климат в коллективе, экстремальные условия труда и др. [3].

Проблема профессионального выгорания у сотрудников МЧС не является новой, она достаточно раскрыта в науке (П. С. Куприенко, Ю. С. Сидорович, А. В. Шленков, М. С. Калинина, И. В. Багажков, С. В. Хрипунова, С. И. Филиппченкова и др.), чего нельзя сказать о проблемах суицидального поведения и невротических состояний. Последнее особенно критично и на первый взгляд нелогично воспринимается, когда мы говорим о сотрудниках рассматриваемых служб. Однако сложные условия труда могут оказать существенное влияние на личность человека.

Вопросы профессионального выгорания впервые подняты в 1974 г., тогда же Г. Фрейденбергом был введен термин «эмоциональное истощение». «Эмоциональное истощение — это некое состояние, при котором человек не ожидает вознаграждения за свою трудовую деятельность, а ждет наказание, опосредованное плохой трудовой мотивацией или недостаточной компетентностью» [цит. по: 4].

Современные исследования профессионального выгорания у сотрудников МЧС раскрывают разные аспекты проблемы. Так, П. С. Куприенко с коллегами подтверждает факт наличия выраженных показателей профессионального выгорания у сотрудников МЧС [5]. Ю. С. Сидорович говорит о наличии у большинства сотрудников МЧС эмоционального истощения, о переживании ими опустошенности и бессилия [6]. А. В. Шленковым выявлены преимущественно сред-

ние уровни эмоционального выгорания у сотрудников МЧС, обнаружена высокая связь тревожности с эмоциональным выгоранием, нейротизмом, эмоциональной регуляцией в стрессе, нервно-психической устойчивостью. Однако учеными не обнаружено влияния стажа профессиональной деятельности на профессиональное выгорание у сотрудников [7]. Данные, полученные М. С. Калининой, И. В. Багажковым, свидетельствуют о том, что большинству сотрудников МЧС свойственны фазы резистенции. Иными словами, специалисты испытывают напряжение, но имеют достаточно ресурсов справиться со стрессом [8]. С. В. Хрипуновой проведено масштабное исследование профессионального выгорания у сотрудников кризисных центров МЧС и выявлено, что «уровень фрустрированности положительно связан с высоким уровнем профессионального выгорания и риском профессиональной неготовности» [9]. С. И. Филиппенкова обнаружила отрицательные связи между такими показателями профессионального выгорания, как редукция личных достижений и нервно-психическая устойчивость; между фазой резистентности и нервно-психической устойчивостью. Можно сказать, что чем выше уровень нервно-психической устойчивости, тем меньше вероятность профессионального выгорания [10].

Это лишь некоторые исследования, подтверждающие подверженность большинства сотрудников МЧС профессиональному выгоранию. Однако все авторы подчеркивают важность проблемы, взаимосвязь выгорания с эмоциональными и личностными характеристиками у сотрудников МЧС [11].

Проблема суицидального риска у сотрудников МЧС рассмотрена в небольшом количестве работ ученых (Е. В. Дворцова, А. С. Грякалова, Ю. В. Бадалян и др.). Незаработанность проблематики можно объяснить тем, что главным показателем при поступлении на службу является отсутствие маркеров суицидального риска. Так, Е. В. Дворцовой, А. С. Грякаловой обнаружена взаимосвязь суицидальных склонностей с резистентностью-истощением как фазами эмоционального выгорания. Однако авторами не установлено связи между суицидальными склонностями и фазой напряжения профессионального выгорания [12]. Основу исследования Ю. В. Бадалян составило изучение взаимосвязи эмоционального выгорания, суицидальных склонностей и девиантного поведения у сотрудников МЧС России. Ученым выявлена связь профессионального выгорания с переменными тревоги, редукции профессиональных обязанностей, эмоциональной отстраненности и личностной отстраненности [13].

Невротические состояния у сотрудников МЧС также редко выступают исследовательским предметом. Э. В. Хаертдинова, А. А. Баринава замечают, что «при увеличении уровня разных форм девиантного поведе-

ния будет уменьшаться профессиональная успешность, проявляющаяся в таких показателях, как дисциплинированность, нервно-психическая устойчивость, исполнительность, желание работать и стремление к успеху» [14]. Установлено, что чем ниже уровень астении, невротических реакций, обсессивно-фобических и вегетативных нарушений, тем выше уровень таких показателей профессионального выгорания, как истощение и деперсонализация [15]. Э. Ш. Шаяхметовой с соавторами описано исследование профессионального выгорания и психофизиологических показателей. В ходе количественно-качественного анализа выявлена стабильность показателей нервно-психического напряжения в группе сотрудников МЧС со стажем службы до и после 35 лет, что говорит об устойчивой адаптации к профессиональной деятельности [16]. Н. В. Буравцовой, В. И. Коваленко, Т. Ю. Сычевой обнаружены критические показатели депрессии, астении, дезадаптации, дистресса, резистентности и тревоги у сотрудников МЧС. Кроме того, ими предложена и успешно апробирована коррекционная программа, включающая в себя групповые тренинговые технологии и аппаратные методики, направленные на работу с психоэмоциональными состояниями [17]. Взаимосвязь степени сопротивляемости стрессу и особенностей психических состояний у сотрудников МЧС изучена С. В. Котовской. По ее мнению, сопротивляемость стрессу связана с невротической депрессией, истерическим типом реагирования, вегетативными нарушениями, обсессивно-фобическими нарушениями, астенией, тревогой [18].

Несомненно, профессиональное выгорание ведет к истощению эмоциональных, личностных и когнитивных ресурсов. «Синдром выгорания развивается у тех лиц, профессия которых требует продолжительного пребывания в экстремальных условиях, постоянного повышенного уровня нервно-психической нагрузки без полноценного отдыха» [19], что соотносится с условиями труда сотрудников МЧС.

Материалы и методы

Исследование проведено с помощью методики «Профессиональное выгорание» (К. Маслач); Опросника суицидального риска (Т. Н. Разуваева); Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний (К. А. Яхин, Д. М. Менделевич). Математическая обработка данных произведена с помощью коэффициента корреляции (по методу Ч. Пирсона). Все расчеты выполнены в программном обеспечении SPSS (версия 7,0).

Базой эмпирического исследования стало отделение по психологическому обеспечению Министерства чрезвычайных ситуаций России по Республике Башкортостан.

Выборку испытуемых составили 72 сотрудника МЧС России. В исследовании приняли участие муж-

чины и женщины в возрасте от 25 до 66 лет. Средний возраст выборки — 45 лет.

Результаты и обсуждение

На первом этапе исследования были проанализированы средние арифметические значения по показателям профессионального выгорания. Так, выявлено, что высокий уровень выраженности имеет переменная «редукция профессиональных достижений» (среднее значение 34,6 балла), показывающая, что многие сотрудники негативно оценивают результаты служебной деятельности, не видят возможности для профессионального развития. На втором месте по встречаемости такой показатель профессионального выгорания, как «психоэмоциональное истощение» (13,28 балла). Менее всего у сотрудников МЧС выражена «деперсонализация» (5,8 балла), позволяющая говорить о наличии отвержения.

В целях дальнейшего проведения исследования полученные результаты проверены на нормальность распределения. Статистический анализ с применением критерия А. Н. Колмогорова и Н. В. Смирнова показал нормальность распределения всех изучаемых переменных.

Результаты исследования взаимосвязи профессионального выгорания с суицидальным риском у сотрудников МЧС. На данном этапе исследования проведен корреляционный анализ по методу Ч. Пирсона переменных профессионального выгорания с суицидальным риском; профессионального выгорания с невротическими состояниями у сотрудников МЧС (табл. 1).

Таблица 1. Корреляционные связи профессионального выгорания с суицидальным риском у сотрудников МЧС (Table 1. Correlations of professional burnout with suicidal risk in employees of the Ministry of Emergency Situations)

Переменные		Показатели профессионального выгорания (К. Маслач)					
		Психоэмоциональное истощение		Деперсонализация		Редукция личных достижений	
		г	р	г	р	г	р
Показатели суицидального риска	Демонстративность	0,27*	0,04	0,31*	0,02	-0,05	0,70
	Аффективность	0,32*	0,01	0,28*	0,03	0,05	0,71
	Уникальность	0,30*	0,02	0,13	0,33	0,12	0,37
	Несостоятельность	0,46**	0,00	0,27	0,05	-0,15	0,26
	Социальный пессимизм	0,32*	0,02	0,25	0,06	-0,28*	0,04
	Слом культурных барьеров	0,22	0,10	0,03	0,80	-0,15	0,28
	Максимализм	0,10	0,39	-0,03	0,81	0,16	0,25
	Временная перспектива	0,47**	0,00	0,25	0,07	-0,22	0,11
	Антисуицидальный фактор	0,27*	0,04	0,20	0,14	0,00	0,95

Примечание. Здесь и далее: г — коэффициент корреляции; р — уровень значимости; * — корреляция значима на уровне 0,05; ** — корреляция значима на уровне 0,01.

Проанализируем полученные корреляции профессионального выгорания с суицидальным риском.

Наибольшее количество связей имеет такая переменная профессионального выгорания, как психоэмоциональное истощение, которая выражается в безразличии к окружающим, равнодушии, снижении эмоционального тонуса, эмоциональной лабильности, неспособности испытывать сильные эмоции. Эмоциональное истощение у сотрудников МЧС связано с демонстративностью ($r=0,27$; $p=0,04$), т. е. чем выше истощение эмоций, тем более выражено желание привлечь внимание, демонстрировать другим собственную потребность в помощи. Связь с аффективностью ($r=0,32$; $p=0,01$) говорит о том, что чем выше эмоциональное истощение, тем больше эмоции доминируют над когнитивной сферой. Взаимосвязь эмоционального истощения и показателя суицидального риска — уникальность ($r=0,30$; $p=0,02$) — демонстрирует, что большинство сотрудников МЧС воспринимают собственную ситуацию как не похожую на ситуацию коллег, как исключительное событие. Заметим, что чем более выражено эмоциональное истощение, тем выше восприятие своей личности как ненужной, некомпетентной, несостоятельной. Об этом свидетельствует связь истощения и несостоятельности ($r=0,46$; $p=0,00$). Кроме того, чем выше уровень эмоционального истощения, тем выше социальный пессимизм ($r=0,32$; $p=0,02$), выражающийся в том, что сотрудники МЧС, входящие в данную группу, воспринимают мир как конфликтный, враждебный, агрессивный, при этом, как правило, нарушаются социальные контакты. Связь эмоционального истощения и временной перспективы ($r=0,47$; $p=0,00$) позволяет вести речь о том, что у сотрудников МЧС имеются сложности в планировании и конструировании своего будущего, скорее всего, в связи с погруженностью в ситуацию истощения и превалированием эмоций над интеллектуальной сферой. При всем этом эмоциональное истощение связано с антисуицидальным фактором ($r=0,27$; $p=0,04$), что говорит о снижении у большинства сотрудников МЧС глобального суицидального риска, в каком-то смысле это маркер необходимости коррекционной работы с профессиональным выгоранием, но не с суицидальным риском.

Деперсонализация как показатель профессионального выгорания взаимосвязана с переменными суицидального риска — демонстративностью ($r=0,31$; $p=0,02$) и аффективностью ($r=0,28$; $p=0,03$). Это свидетельствует о том, что чем выше личностная отстраненность за выполнение профессионального долга, безразличие к происходящему, отсутствие сопереживания, циничное отношение ко всему, тем выше желание сотрудников добиться понимания и сочувствия от окружающих, эмоциональная ригидность, при этом эмоции превалируют над когнитивной сферой.

Редукция личных достижений как показатель профессионального выгорания, выражающийся в невозможности профессионального развития, негативном оценивании себя как профессионала, негативной оценке собственной компетентности, отрицательно взаимосвязана с социальным пессимизмом ($r=-0,28$; $p=0,04$), когда мир воспринимается как враждебный, имеется тенденция к враждебному, агрессивному реагированию в сложных ситуациях.

Таким образом, анализ корреляционных связей позволяет заключить о наличии связи психоэмоционального истощения с большинством показателей суицидального риска (демонстративностью, аффективностью, уникальностью, несостоятельностью, социальным пессимизмом, временной перспективой, антисуицидальным фактором). При этом отсутствует корреляция с переменными «слом культурных барьеров» и «максимализм». Данные показатели суицидального риска демонстрируют отсутствие культа суицидальных намерений, изменение норм и ценностей личности, оправдывающих суицидальное поведение, отсутствие четкого плана суицида, а также фиксации сотрудников на неудачах в различных ситуациях.

Результаты исследования взаимосвязи профессионального выгорания с невротическими состояниями у сотрудников МЧС. Проанализируем корреляцию профессионального выгорания с показателями невротических состояний (табл. 2).

Таблица 2. Корреляционные связи профессионального выгорания с невротическими состояниями у сотрудников МЧС

(Table 2. Correlations of professional burnout with neurotic conditions in employees of the Ministry of Emergency Situations)

Переменные		Показатели профессионального выгорания (К. Маслач)					
		Психоэмоциональное истощение		Деперсонализация		Редукция личных достижений	
Показатели невротических состояний	Тревога	0,46**	0,00	-0,26	0,05	0,15	0,26
	Невротическая депрессия	-0,60**	0,00	-0,17	0,20	0,32*	0,01
	Астения	-0,53**	0,00	-0,21	0,12	0,31*	0,02
	Истерический тип реагирования	-0,45**	0,00	-0,12	0,37	0,15	0,27
	Обсессивно-фобические нарушения	-0,37**	0,00	-0,12	0,37	0,16	0,25
	Вегетативные нарушения	-0,50**	0,00	-0,17	0,22	0,36**	0,00

Психоэмоциональное истощение связано с наибольшим количеством переменных невротических состояний (табл. 2). Так, имеется отрицательная связь

с тревогой ($r=-0,46$; $p=0,00$), что свидетельствует о том, что истощение эмоциональных ресурсов вызывает волнение и переживание по поводу различных текущих ситуаций. Существует обратная связь с невротической депрессией ($r=-0,60$; $p=0,00$), которая говорит, что высокий уровень эмоционального утомления соответствует сниженному уровню настроения, интереса к окружающему и происходящим событиям. Отрицательная связь с астенией как показателем невротических состояний ($r=-0,53$; $p=0,00$) обозначает, что чем выше уровень психоэмоционального истощения, тем ниже утомляемость и вегетативные нарушения. Чем выше уровень эмоционального истощения, тем реже сотрудник испытывает напряжение, тревожность и реактивность в межличностных отношениях ($r=-0,45$; $p=0,00$). Чем больше истощены ресурсы личности, тем меньше страхов различного характера он испытывает ($r=0,37$; $p=0,00$), меньше вегетативных нарушений ($r=0,50$; $p=0,00$).

Показатель профессионального выгорания — редукция личных достижений — связан с такими переменными, как невротическая депрессия ($r=0,32$; $p=0,01$), астения ($r=0,31$; $p=0,02$), вегетативные нарушения ($r=0,36$; $p=0,00$). Чем больше снижено чувство компетентности и выражено негативное восприятие себя в профессиональной деятельности, тем менее выражены дисфункция вегетативной нервной системы, физическая и нервно-психическая слабость, депрессивные невротические симптомы.

Таким образом, показатель психоэмоционального истощения обратно пропорционально связан со всеми показателями невротических состояний. Это говорит о том, что чем выше истощение эмоциональной сферы, тем менее выражены состояния раздражительности, тревоги, стресса в целом как предиктора, вызывающего различные невротические состояния.

Выводы

1. Наиболее выраженным показателем профессионального выгорания у большинства сотрудников МЧС является редукция профессиональных достижений (среднее значение 34,6 балла), демонстрирующий, что многие сотрудники негативно оценивают результаты служебной деятельности, не видят возможности для профессионального развития.

2. В ходе корреляционного анализа выявлена взаимосвязь профессионального выгорания (психоэмоциональное истощение) с показателями суицидального риска: демонстративностью, аффективностью, уникальностью, несостоятельностью, социальным пессимизмом, временной перспективой, антисуицидальным фактором.

3. Корреляционный анализ показал связь профессионального выгорания (психоэмоциональное истощение) с переменными невротических состояний: тревогой, невротической депрессией, астенией,

истерическим типом реагирования, обсессивно-фобическими нарушениями, вегетативными нарушениями.

Область применения и перспективы. Полученные результаты исследования могут быть использованы психологами психологической службы МЧС при психологическом сопровождении служебной деятельности личного состава (индивидуальном консультировании, групповой работе); при проведении профилактической и психокоррекционной работы, направленной на стабилизацию морально-психологического состояния, профилактику эмоцио-

нального выгорания и профессиональной деформации, а также повышение стрессоустойчивости у сотрудников в ходе выполнения поставленных перед ними оперативно-служебных задач.

Исследование не исчерпывает всех сторон и проблем взаимосвязи профессионального выгорания с суицидальным риском и невротическими состояниями. В качестве перспективы дальнейшего исследования могут выступить выявление факторной структуры для разработки коррекционных мероприятий по стабилизации психологического климата, профессиональной деформации.

Список источников / References

1. Тарасова А. А., Шойгу Ю. С., Цыбуля В. И. Критерии оценки результатов мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России // Национальный психологический журнал. 2021. № 3(43). С. 63–86.
2. Коломиец А. И. Профессиональное выгорание на рабочем месте // Международный журнал гуманитарных и отраслевых наук. 2016. № 1. С. 168–171.
3. Четвергова С. А. Причины профессионального выгорания работников // Теория и практика современной науки. 2019. № 6(48). С. 512–516.
4. Хлоповских Ю. Г. Синдром профессионального выгорания в деятельности сотрудников ГПС МЧС России // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2016. № 1-1(7). С. 33–37.
5. Куприенко П. С., Озеров С. В., Рыбников С. С., Бейманов Т. Н. Эмоциональное выгорание сотрудников МЧС: предпосылки и профилактика // Психология образования в поликультурном пространстве. 2023. № 3(63). С. 47–53.
6. Сидорович Ю. С. Феномен профессионального выгорания специалистов МЧС России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. № 2-2. С. 159–163.
7. Шленков А. В., Медведева А. А. Причины возникновения эмоционального выгорания у сотрудников МЧС России (на примере пожарных) // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2019. № 4. С. 144–152.
8. Калинина М. С., Багажков И. В. Социально-психологические показатели профессионального выгорания сотрудников МЧС России // Вестник науки. 2024. № 3(72). С. 526–533.
9. Хрипунова С. В. Выявление взаимосвязи социальной фрустрированности и профессионального выгорания сотрудников кризисных центров МЧС России // Перспективы науки и образования. 2021. № 4(52). С. 404–417.
10. Филиппченкова С. И. Особенности формирования профессионального стресса и эмоционального выгорания у пожарных-спасателей // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 4(32). С. 131–137.
11. Карамова Э. И., Хусаинова Л. И. Проявления эмоционального выгорания у пожарных с разными личностными особенностями // Символ науки. 2016. № 11-4. С. 164–168.
12. Дворцова Е. В., Грякалова А. С. Анализ взаимосвязи склонности к суицидальным реакциям с показателями эмоционального выгорания у сотрудников МЧС // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6(114). С. 1–5.
13. Бадалян Ю. В. Эмоциональное выгорание сотрудников министерства чрезвычайных ситуаций России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 120–122.
14. Хаертдинова Э. В., Баринаева А. А. Взаимосвязь склонности к девиантному поведению и профессиональной успешности у специалистов МЧС России // Прикладная психология и педагогика. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–74.
15. Баяндин А. А., Зарипова Л. Х. Исследование психологических последствий профессионального стресса у пожарных // Вестник науки. 2023. № 12(69). С. 911–916.
16. Шаяхметова Э. Ш., Нугаева А. Н., Тулитбаева Г. Ф., Самигуллин Р. Р. Взаимосвязи эмоционального выгорания и психофизиологических показателей у сотрудников противопожарной службы МЧС России // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14, № 1. С. 128–135.
17. Буравцова Н. В., Коваленко В. И., Сычева Т. Ю. Исследование и коррекция профессионального стресса у сотрудников МЧС // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 4. С. 120–129.
18. Котовская С. В. Сопровождаемость стрессу как фактор психических состояний специалистов экстремального профиля // Человеческий капитал. 2021. № 6(150). С. 154–161.
19. Беспалова О. В., Кириянова М. Л., Козакова М. В. Профессиональное выгорание сотрудников МЧС России // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2019. № 10. С. 521–523.

Поступила 18.02.2025; одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Лобанова Е. С., Фатеева О. Ю., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-421-427

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Негативные профессиональные установки сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным уровнем иррациональности мышления

Елена Сергеевна Лобанова, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики¹; alenushka-248@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>

Ольга Юрьевна Фатеева, психолог психологической лаборатории ИК-12 исправительного учреждения с особыми условиями хозяйственной деятельности²; garpyl.o.g@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-1006-4732>

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Вологда, ул. Щетинина, 2, Россия

² ГУФСИН России по Пермскому краю, 618250, Губаха, пос. 20 км, Россия

Реферат. Введение. Цель — определить различия в профессиональных установках у сотрудников уголовно-исполнительной системы, имеющих разный уровень иррациональности мышления. **Материалы и методы.** Исследование проведено с применением тестирования, контент-анализа и методов математической статистики. Исследование проводилось на базе ИК-9 ГУФСИН России по Пермскому краю с участием сотрудников различных отделов в возрасте от 20 до 50 лет в количестве 90 человек. **Результаты и обсуждение.** Сотрудники, имеющие высокий уровень иррационального мышления, чаще проявляют негативные профессиональные установки отражающие оценку личности и способностей сотрудников, правил и требований профессиональной деятельности, убеждения о наличии значимых ограничений, в осуществлении саморазвития, занятий вне профессиональной деятельности, личной жизни. **Выводы.** Негативные профессиональные установки могут оказывать существенное влияние на качество выполняемых профессиональных функций, способствуют проявлению профессиональных деструкций сотрудников. Для профилактики и коррекции негативных профессиональных установок уместно снижать степень иррационального мышления при помощи приемов и принципов рационально-эмотивной поведенческой терапии.

Ключевые слова: иррациональное мышление, катастрофизация, долженствование в отношении себя, долженствование в отношении других, оценочная установка

Для цитирования: Лобанова Е. С., Фатеева О. Ю. Негативные профессиональные установки сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным уровнем иррациональности мышления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 421–427. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2025-4103-421-427>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © Lobanova E. S., Fateeva O. Yu., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-421-427

5.3.3. Psychology of Labour, Engineering Psychology, Cognitive Ergonomics

Negative Professional Statements of Penitentiary System Officers with Different Levels of Irrational Thinking

Elena S. Lobanova, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Professor at the chair of Legal Psychology and Pedagogy¹; alenushka-248@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>

Olga Yu. Fateeva, Psychologist of Psychology Laboratory of Penal Colony No. 12 (penitentiary with special conditions of economic and business activity)²; garpyl.o.g@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-1006-4732>

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penitentiary System, 2, Shchetinin st., Vologda, 160002, Russia

² Main Directorate of the Russian Federal Penitentiary System in Perm krai, 20 km village, Gubakha, 618250, Russia

Abstract. Introduction. The aim is to determine the differences in professional statements of penitentiary system officers with different levels of irrational thinking. **Materials and Methods.** The authors employed testing, content analysis and methods of mathematical statistics. The study was conducted on the basis of Penal Colony No. 12 with special conditions of economic activity of Main Directorate of the Russian Federal Penitentiary System in Perm krai, with the participation of 90 officers of various departments aged from 20 to 50 years. **Results and Discussion.** Officers with a high level of irrational thinking more frequently demonstrate negative professional statements in the implementation of self-development, non-professional activities, personal life, which leads to the formation of professional destructions. **Conclusions.** Negative professional attitudes can have a significant impact on the quality of professional functions performed, contribute to the officers' manifestation of professional destructions. For prevention and correction it is appropriate to reduce the degree of irrational thinking with the help of techniques and principles of rational-emotional behavioral therapy.

Keywords: irrational thinking, catastrophization, demands placed on oneself, demands placed on others, estimating statement

Citation: Lobanova E. S., Fateeva O. Yu. Negative Professional Statements of Penitentiary System Officers with Different Levels of Irrational Thinking. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 421–427 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-421-427>

Основные положения

1. Профессиональные установки сотрудников уголовно-исполнительной системы могут проявляться в их непосредственной деятельности, мотивации к выполнению служебных обязанностей, отношении к коллегам и лицам, осужденным к лишению свободы, к повышению профессиональных навыков, что во многом определяет качество и результат профессиональной деятельности.

2. Профессиональные установки могут быть как позитивными, так и негативными, они формируются в процессе осуществления профессиональной деятельности и закрепляются в профессиональном сознании. Негативные профессиональные установки способствуют снижению качества профессиональной деятельности, а также могут провоцировать формирование профессиональных деструкций сотрудников уголовно-исполнительной системы.

3. Иррациональное мышление характеризуется отсутствием логической основы, зависимостью от эмоций, предубеждений или непроверенных убеждений. Иррациональное мышление в условиях специфики деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы может способствовать проявлению у них негативных профессиональных установок.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Профессиональные установки понимаются как социально-психологическая предрасположенность к восприятию, оценке и действию, которая определяет характер протекания профессиональной деятельности.

Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) осуществляется в рамках правового поля и часто носит экстремальный характер. Стресс-факторы профессиональной деятельности сотрудников [1] оказывают комплексное влияние на психологическое и физическое здоровье личности, что может привести к формированию негативных профессиональных установок. Негативные профессиональные установки сотрудников могут стать причиной ненадлежащего исполнения ими обязанностей по должности и проявления профессиональных деструкций. Поскольку профессиональные установки оказывают существенное влияние на процесс и качество выполнения профессиональных задач, уместны профилактика и коррекция негативных установок. Специфика деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, повышенное количество стресс-факторов во многом определяют содержание профессиональных установок. Одним из дополнительных факторов, способствующих проявлению негативных профессиональных установок, может выступать

иррациональность мышления сотрудников. Можно предположить, что дополнительной предпосылкой в процессе формирования профессиональных установок является образ мышления и мировосприятия, в частности степень иррациональности мышления сотрудников.

В рамках исследования проверялась **гипотеза** о том, что сотрудники с преобладающим иррациональным мышлением в большей степени склонны к проявлению негативных профессиональных установок.

Цель — определить различия в профессиональных установках у сотрудников уголовно-исполнительной системы, имеющих разный уровень иррациональности мышления, на основании чего обозначить возможности профилактики и коррекции негативных профессиональных установок сотрудников посредством снижения иррациональности мышления.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. В отечественной психологии профессиональная установка рассматривается как системное образование, компонентами которого выступают структура мотивов и направленность личности на определенную систему ценностей, опосредованную смысловым пространством конкретной профессии [2, с. 143].

Проблемами изучения профессиональных установок сотрудников уголовно-исполнительной системы занимались такие авторы, как Р. В. Пузыревский, Н. И. Ткаченко, А. О. Бочарова [3], Н. А. Самойлик [4], Д. А. Кузнецова [5] и др. Е. В. Шеховцова изучала факторы формирования профессиональных установок сотрудников правоохранительной деятельности на этапе их подготовки [6].

Проблема иррационального мышления на протяжении длительного времени разрабатывалась в философии, культурологии, естествознании, психологии [7; 8]. Феноменологию иррационального мышления, его роль в современных социально-политических реалиях анализировал Р. Г. Ардашев [9].

Классификацию искажений мышления разрабатывали А. Бек и его последователи. Он считал, что иррациональные модели мышления усиливают негативные эмоции. В сложных обстоятельствах эти искаженные мысли могут способствовать общему негативному восприятию мира и депрессивному или тревожному психическому состоянию. А. Эллис определял иррациональное убеждение как систему индивидуальных иррациональных представлений о мире, носящих характер предписаний, требований, имеющих абсолютистский характер, часто представленных в виде преувеличений, упрощений, необо-

снованных предположений, ошибочных выводов. Согласно теории рационально-эмоционально поведенческой терапии [10] негативная оценка ситуации происходит не за счет объективных данных, а за счет интерпретации индивидом реальности в соответствии с иррациональным убеждением, приобретенным еще в детские годы. Именно подход А. Бека и А. Эллиса взят за основу организации исследования, результаты которого отражены в данной статье.

Существуют исследования, посвященные значимости иррациональных убеждений в исполнении некоторых социальных ролей [11], в том числе профессиональных. В частности, Т. А. Крылова обнаружила негативное влияние иррациональных убеждений на проявление эмоционального выгорания в профессиональной деятельности [12]. Ю. В. Торкаченко определила негативную роль иррациональных установок в профессионально-личностном развитии педагогов [13]. Л. А. Ходос на основании результатов эмпирического исследования сделала вывод о связи иррациональных установок с неадаптивными психологическими защитами и коппинг-стратегиями у военнослужащих [14]. Н. Г. Банайтис рассмотрела рациональность и иррациональность в качестве катализаторов человеческой активности и в ходе эмпирического исследования выявила негативное влияние иррациональных убеждений на показатели социально-психологической адаптации сотрудников строительной организации [15]. Уровень выраженности иррациональных убеждений и их негативной роли в профессиональной адаптации врачей-ординаторов был предметом исследования А. С. Абдуллаевой, С. С. Абдуллаева, М. А. Гаджиева [16]. О. Г. Баринаева изучила значение иррациональных установок в формировании профессиональной идентичности студентов медицинского вуза и предложила использовать бихевиорально-когнитивный подход к их коррекции [17]. Зарубежными авторами уделяется внимание негативному влиянию иррациональных убеждений на процесс принятия карьерных решений [18–20].

Изучение выраженности некоторых иррациональных установок у сотрудников уголовно-исполнительной системы предпринималось В. А. Капустиной, А. Е. Мартемьяновой [21], Т. А. Басиной [22], Е. С. Лобановой, Р. С. Карпухиной [23; 24], Д. П. Фукаловым [25] и др.

Таким образом, в литературе представлены результаты исследований, отражающих негативное влияние на выполнение некоторых профессиональных функций педагогов, врачей, военнослужащих, сотрудников организаций, однако работы, посвященные изучению роли иррационального мышления в проявлении профессиональных установок, в том числе у сотрудников уголовно-исполнительной системы,

отсутствуют. Исследований взаимосвязи иррациональных убеждений и профессиональных установок сотрудников уголовно-исполнительной системы также не обнаружено, что определило направление собственного авторского исследования.

Материалы и методы

Для реализации поставленных задач были использованы эмпирические методы (тестирование, проективный метод, контент-анализ), методы количественного и качественного анализа, статистический метод (метод углового преобразования Фишера).

В качестве психодиагностических методик применялись следующие.

1. Методика «Диагностика иррациональных установок» (А. Эллис), содержащая шесть оценочных шкал, из которых четыре позволяют оценить основные группы иррациональных установок (катастрофизация, долженствование в отношении себя, долженствование в отношении других, оценочная установка) и две направлены на оценку стрессоустойчивости и рациональности мышления.

2. Авторский опросник, направленный на изучение особенностей профессиональных установок у сотрудников уголовно-исполнительной системы. Методика содержит 25 утверждений, отражающих некоторые установки сотрудников в отношении профессиональной деятельности в исправительном учреждении, возможности совмещения профессиональной деятельности с другими сферами жизни, личности сотрудника уголовно-исполнительной системы, лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, и др. Испытуемым предлагалось отметить степень своего согласия с каждым утверждением по трехбалльной шкале. При обработке результатов на основании арифметической суммы баллов с учетом знака определялась степень выраженности установок сотрудников. Необходимо отметить, что методик, целенаправленно измеряющих негативные профессиональные установки сотрудников УИС, нет, что выступило основанием для разработки собственного измерительного инструмента, апробация которого прошла в рамках настоящего исследования.

3. Методика «Незаконченные предложения» (авторский вариант, ориентированный на изучение содержания профессиональных установок сотрудников УИС), направленная на выявление осознваемых и неосознваемых установок человека в отношении профессиональной деятельности сотрудников УИС. Испытуемым предлагался список незаконченных предложений, которые необходимо продолжить, исходя из собственных соображений. Предложения охватывают такие сферы, как анализ взаимоотношений с сотрудниками, отношение к деятельности, общение с лицами, осужденными к лишению свободы. Проективная методика применялась для выявления собственных

вариантов ответов респондентов и снижения доли социально одобряемых ответов.

Исследование проводилось на базе ИК-9 ГУФСИН России по Пермскому краю, в нем приняли участие сотрудники различных отделов в возрасте от 20 до 50 лет в количестве 90 человек.

Результаты и обсуждение

Оценка выраженности уровня иррационального мышления у сотрудников. На первом этапе исследования при помощи методики А. Эллиса была определена степень выраженности иррациональных установок в выборке (табл. 1).

Таблица 1. Уровни выраженности иррациональных установок по методике А. Эллиса в выборке, %
(Table 1. Levels of expression of irrational statements according to A. Ellis method in the sample, %)

Название иррациональных установок	Низкий уровень	Средний уровень	Выраженный уровень
Катастрофизация	32	14	54
Долженствование в отношении себя	36	30	34
Долженствование в отношении других	48	10	42
Оценочная установка	35	20	45

Анализ полученных результатов указывает на наличие у респондентов выраженности иррационального мышления по шкале «катастрофизация» (54%). Данная шкала позволяет оценить восприятие людьми различных неблагоприятных ситуаций. Высокий балл по этой шкале говорит о том, что испытуемым свойственно оценивать большинство негативных событий как «ужасные» и «непереносимые». Такое отношение может стать причиной возникновения излишнего психического напряжения.

По шкале «долженствование в отношении других» респонденты имеют в равной степени как выраженность иррациональных установок, так и их отсутствие. Долженствование может проявляться в чрезмерно критичном отношении человека к другим людям, указании им на имеющиеся недостатки, определении их обязанностей.

Установка долженствования в отношении себя в выборке представлена равномерно на всех уровнях выраженности. Оценочная установка несколько чаще достигает высокого уровня и проявляется в стремлении оценивать свою личность и личности других людей в целом, а не их отдельные поступки.

Анализ частоты проявления негативных профессиональных установок у сотрудников с высоким и низким уровнем иррациональности мышления. На втором этапе исследования по результатам диагностики были отобраны две группы сотрудников. В группу 1 включались респонденты, имеющие высокий уровень выраженности иррациональных убеждений хотя бы по одной из шкал. В группу 2 вошли участники

с низким уровнем выраженности всех измеряемых шкал иррациональных убеждений и высоким уровнем шкалы «рациональность». Каждая группа состояла из 30 человек. При помощи авторского опросника были определены частоты согласия респондентов с предложенными утверждениями, отражающими профессиональные установки, и проведено их сопоставление в изучаемых группах (табл. 2).

Анализ степени согласия с предложенными утверждениями позволил установить статистически значимые различия в проявлении четырех установок (табл. 2), согласно которым в представлениях сотрудников с выраженными иррациональными убеждениями ниже роль профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала исправительных учреждений, их личность не отличается от личности сотрудников других правоохранительных органов, при этом у сотрудников УИС низкие интеллектуальные способности. Значительно чаще данная группа респондентов убеждена в отсутствии уважения к сотрудникам со стороны лиц, осужденных к лишению свободы. При отсутствии статистически значимых различий по частоте проявления изучаемых профессиональных установок обнаруживается общая тенденция: в большинстве установок, отражающих негативную оценку личности, способностей сотрудников УИС и ограничение своих возможностей в плане осуществления служебной деятельности и деятельности вне профессии, у респондентов группы 1 частота встречаемости больше на 5–15%, чем в группе 2.

На основании результатов диагностики профессиональных установок респондентов по методике незаконченных предложений были выявлены следующие статистически значимые различия по критерию Фишера (при $p < 0,05$). Участники группы 1 (с высоким уровнем иррациональности мышления) в большей мере видят своих коллег «уставшими» людьми, а группы 2 (с низким уровнем иррациональности мышления) — «добрыми» и «отзывчивыми» (во всех случаях частота встречаемости соответственно 20 / 5%). Респонденты группы 1 отмечают, что в ситуации общения с осужденными сотрудникам больше всего нравится «покладистость» (45 / 20%), в группе 2 — «внимание» (45 / 15%). Обследуемые группы 2 считают, что в ситуации общения с осужденными сотрудники обычно «общаются на рабочие темы» (40 / 15%), в группе 1 доминирует мнение о том, что в данном общении сотрудники «боятся сказать лишнее» (30 / 5%).

В остальном варианты ответов респондентов обеих групп примерно совпадают. В частности, участники исследования отмечают, что в ситуации общения с коллегами им больше всего нравятся «взаимная поддержка», «вежливость», «отзывчивость», «открытость», «доброжелательность». Характеризуя взаимодействие с осужденными, опрашиваемые указывают, что в си-

Таблица 2. Сравнительный анализ проявления негативных профессиональных установок у участников, имеющих высокий и низкий уровни иррациональности мышления, %

(Table 2. Comparative analysis of the manifestation of negative professional statements in participants with high and low levels of irrational thinking, %)

Утверждение	Высокий уровень Гр. 1	Низкий уровень Гр. 2	Уровень значимости различий, р
Работа исправительных учреждений во многом зависит от профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала	30	65	≤0,05
В целом личность сотрудников пенитенциарных учреждений не отличается от личности работников других правоохранительных органов	75	20	≤0,05
В уголовно-исполнительной системе работают люди с садистскими наклонностями	0	0	—
В уголовно-исполнительной системе работают люди с высоким уровнем агрессивности	55	45	>0,05
В уголовно-исполнительной системе работают люди с низким интеллектом	55	25	≤0,05
Осужденные не понимают нормального языка	50	40	>0,05
Опоздание на работу — это не такое уж и страшное нарушение	55	40	>0,05
Иногда можно превышать свои должные обязанности в отношении осужденных для эффективного влияния на них	0	0	—
Иногда халатность является не нарушением, а обычной рассеянностью	0	0	—
Меры дисциплинарной ответственности не всегда являются справедливыми	45	35	>0,05
Употребление алкоголя в нерабочее время — это норма, потому что это моя личная жизнь	55	40	>0,05
Ничего страшного, если я сделаю отчет в последний день перед его сдачей	50	40	>0,05
У меня совсем нет времени на личную жизнь	60	45	>0,05
Мне не хватает времени на дополнительное образование / развитие / хобби, не касающееся служебной деятельности	55	40	>0,05
За пределами исправительного учреждения / работы я могу делать все, что захочу	0	0	—
Сотрудники являются самыми физически подготовленными людьми	30	45	>0,05
Удостоверение сотрудника дает мне множество привилегий в личной жизни	5	0	>0,05
Профессиональная подготовленность сотрудников нашего учреждения недостаточна / находится на низком уровне	45	35	>0,05
Профессиональный отбор сотрудников при поступлении на службу слишком слаб	60	55	>0,05
Мне не хватает рабочего дня, чтобы качественно выполнять все, что мне поручают	45	40	>0,05
Осужденные не доверяют сотрудникам	35	35	>0,05
Осужденные живут «по понятиям»	40	40	>0,05
У осужденных отсутствуют семейные ценности	50	55	>0,05
Осужденные не уважают сотрудников	70	30	≤0,05
Осужденные никогда не исправятся	35	55	>0,05

Примечание. Для расчета различий использован критерий углового преобразования Фишера.

туации общения с осужденными сотрудники боятся «пересудов», «насмешек», «упрямства», «манипуляций», «нападения» (5–25%); сотрудникам нравятся «уважение» (15%) и «ощущение власти» (20–25%); в общении сотрудники проявляют «бдительность», «спокойствие», «терпимость» (10–20%). Обследуемые считают, что в ситуации общения с сотрудниками осужденные боятся, что «информация выйдет за пределы дозволенного» (35–45%), «их обманут» (30–40%), «их накажут» (25%). При этом, на взгляд респондентов, осужденным нравятся «доступность информации» (30–45%), «внимание к себе» (25–30%), «конкретность» (15–20%), «отвлечение от однотипного быта» (10–25%). При оценке образа своего будущего участники исследования дают преимущественно положительные определения: «нормальное», «перспективное», «доходное», «интересное».

Таким образом, при изучении иррациональных убеждений сотрудников уголовно-исполнительной системы доминирующими выступили катастрофизация и оценочная установка. Сравнительный анализ показал, что у сотрудников с высоким уровнем иррацио-

нальности мышления чаще проявляются негативные профессиональные установки, отражающие оценку личности и способностей сотрудников уголовно-исполнительной системы, правил и требований профессиональной деятельности, имеются убеждения в наличии значимых ограничений в осуществлении саморазвития, занятий вне профессиональной деятельности, личной жизни. Выявленная связь между иррациональностью мышления и негативными профессиональными установками позволяет говорить о возможности профилактики и коррекции негативных профессиональных установок сотрудников за счет снижения иррационального мышления при помощи приемов и принципов рационально-эмотивной поведенческой терапии.

Полученные результаты подтверждают, что профессиональные установки сотрудников УИС строятся на личном профессиональном и жизненном опыте, отражающем восприятие профессиональных ситуаций. В определенной мере негативные профессиональные установки присутствуют у всех сотрудников, однако в группе сотрудников с высоким уровнем

иррациональных убеждений они проявляются не-
сколько чаще.

Выводы

1. Сотрудники с преобладающим иррациональ-
ным мышлением более склонны к негативным профес-
сиональным установкам, что доказывают результаты,
полученные в ходе эмпирического исследования.

2. Негативные профессиональные установки
сотрудников, имеющих высокий уровень иррацио-
нальных убеждений, проявляются в оценке личности
и способностей сотрудников уголовно-исполнительной
системы, правил и требований профессиональной
деятельности, в убеждении в наличии значимых огра-
ничений в осуществлении саморазвития, занятий вне
профессиональной деятельности, личной жизни.

3. Поскольку наличие негативных профессио-
нальных установок может способствовать формиро-

ванию профессиональных деструкций, то актуальным
становится вопрос об их профилактике и коррекции.

Область применения и перспективы. Выявленная
связь между иррациональностью мышления и нега-
тивными профессиональными установками позволяет
говорить о возможности профилактики и коррекции
негативных профессиональных установок сотрудников
за счет снижения иррационального мышления при по-
мощи приемов и принципов рационально-эмотивной
поведенческой терапии. Таким образом, перспективами
исследования проблемы являются расширение и уточне-
ние информации о содержании профессиональных уста-
новок сотрудников уголовно-исполнительной системы,
опосредованных влиянием иррациональных убеждений,
а также апробация методов снижения иррациональ-
ности мышления для профилактики и коррекции не-
гативных профессиональных установок.

Список источников / References

1. Викторова Т. В. Факторы напряженности в деятельности сотрудников ФСИН России // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Вологда, 2021. Ч. 3. С. 30–34.
2. Еремина Н. Ю. Профессиональная установка как важнейшая составляющая профессионального становления педагога-психолога в процессе обучения в вузе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 6-1. С. 142–146.
3. Пузыревский Р. В., Ткаченко Н. И., Бочарова А. О. Проявления деструктивных установок в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2022. № 34. С. 378–382.
4. Самойлик Н. А. Профессиональные ценностные установки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Приволжский научный вестник. 2016. № 5(57). С. 156–160.
5. Кузнецова Д. А. Особенности компонентов установок по отношению к профессиональной деятельности у сотрудников с разным стажем // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 4. С. 82–96.
6. Шеховцова Е. В. Формирование профессиональных установок будущих правоохранителей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 8–10.
7. Жуколина М. В. Рациональное и иррациональное в познавательной деятельности человека : дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2005. 184 с.
8. Эргашев П. С., Холматов М. А. Формирование иррациональной установки на катастрофизацию как признак деструктивности религиозного культа // Педагогика & Психология. Теория и практика. 2019. № 2(22). С. 64–66.
9. Ардашев Р. Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 2. С. 120–124.
10. David D., Szentagotai A., Eva K., Macavei B. A synopsis of rational-emotive behavior therapy (REBT): fundamental and applied research. *J. Ration. Emot. Cogn. Behav. Ther.* 2005. № 23. Pp. 175–221.
11. Suntsova Ya. S. Irrational attitude in thinking and maternal emotional burnout. *Education & Pedagogy Journal*. 2024. № 1(9). С. 48–61.
12. Крылова Т. А. Изучение взаимосвязи когнитивных иррациональных установок и проявления симптомов эмоционального выгорания в профессиональной деятельности // Саморазвитие в педагогике и психологии : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2018. С. 144–147.
13. Торкаченко Ю. В. Иррациональные установки педагога как фактор, препятствующий профессионально-личностному развитию // Вестник практической психологии образования. 2019. № 2(2). С. 56–61.
14. Ходос Л. А. Взаимосвязь иррациональных установок и механизмов психологической защиты участников боевых действий // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Т. 7, № 3. С. 210–216.
15. Банайтис Н. Г. Взаимосвязь психологических защит и иррациональных убеждений сотрудников организации // Бизнес и дизайн ревю. 2016. № 4(4). С. 8–12.
16. Абдуллаева А. С., Абдуллаев С. С., Гаджиев М. А. Иррациональные установки как фактор профессиональной дезадаптации врачей-ординаторов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12, № 2-1. С. 127–133.
17. Баранова О. Г. Иррациональные установки в формировании профессиональной идентичности студентов медицинского вуза: бихевиорально-когнитивный подход // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2022. № 1. С. 76–89.
18. Kleiman T., Gati I., Peterson G. W., Sampson J. P., Reardon R. C., & Lenz J. G. Dysfunctional thinking and difficulties in career decision making. *Journal of Career Assessment*. 2004. № 12. Pp. 312–331.
19. Saunders D. E., Peterson G. W., Sampson J. P., Renrdon R. C. Relation of depression and dysfunctional career thinking to career indecision. *Journal of Vocational Behavior*. 2000. № 56. Pp. 288–298.

20. Dipeolu A., Reardon R. C., Sampson J. P., & Burkhead J. The relationship between dysfunctional career thoughts and adjustment to disability in college students with learning disabilities. *Journal of Career Assessment*. 2002. № 10. Pp. 413–427.
21. Капустина В. А., Мартеньянова А. Е. Применение рационально-эмотивной терапии в работе с сотрудниками УИС: возможности и ограничения // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 175–177.
22. Басина Т. А. Взаимосвязь степени рациональности установок и ощущения счастья у курсантов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1(41). С. 117–121.
23. Лобанова Е. С., Карпухин Р. С. Связь показателей стрессоустойчивости в профессиональной деятельности и доминирующих иррациональных установок сотрудников УИС // Всероссийская конференция по когнитивной науке «Когнитивные исследования на современном этапе» (КИСЭ-2017) : сб. мат-лов всерос. конф. Казань, 2017. С. 55–64.
24. Карпухин Р. С. Доминирующие иррациональные установки сотрудников УИС и возможности их коррекции // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : мат-лы междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара, 2017. С. 88–91.
25. Лобанова Е. С., Фукалов Д. П. О возможностях рационально-эмотивно-поведенческой терапии в коррекции стратегий совладающего поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-3. С. 436–440.

Поступила 01.03.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Смоленский Д. В., Кузнецова И. А., Шилова И. М., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-428-432

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Особенности установок семейных отношений у неоднократно осужденных к лишению свободы

Дмитрий Викторович Смоленский, психолог¹; dsmolensky@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-4591-0920>

Ирина Алексеевна Кузнецова, преподаватель кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел²; irisha_polocha@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2514-4413>

Ирина Михайловна Шилова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии³; alpaka1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8759-1696>

¹ Сибирский филиал Федерального государственного унитарного предприятия «Управление ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации», 630082, Новосибирск, ул. Дачная, 21/5, Россия

² Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

³ Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, наб. Тухачевского, 14, Россия

Реферат. Введение. Статья посвящена вопросам рассмотрения роли семьи в пенитенциарной психологии и выявлению у неоднократно осужденных к лишению свободы основных установок семейных отношений. Цель — выявить особенности установок семейных отношений у неоднократно осужденных к лишению свободы. **Материалы и методы.** Проведен анализ общественного мнения и научной литературы, затрагивающей особенности установок семейных отношений у осужденных. Проведено исследование с использованием методов наблюдения, беседы, анкетирования, контент-анализа, методики многофакторного изучения личности в адаптации Ф. Б. Березина (ММИЛ) и методики измерения установок в супружеской паре Ю. Е. Алешиной (УСП). Приняли участие 74 осужденных мужского пола разных возрастных категорий: от 20 до 69 лет. **Результаты и обсуждение.** Проведен сравнительный анализ трех категорий осужденных, отбывающих наказание неоднократно: состоявших в браке до осуждения, вступивших в брак в процессе отбывания наказания, а также одиноких осужденных. Рассмотрены их индивидуально-психологические особенности и основные установки семейных отношений. **Выводы.** Выявлены основные и специфические установки семейных отношений неоднократно осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: осужденный, ресоциализация, установки, семья

Для цитирования: Смоленский Д. В., Кузнецова И. А., Шилова И. М. Особенности установок семейных отношений у неоднократно осужденных к лишению свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 428–432. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-428-432>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © Smolensky D. V., Kuznetsova I. A., Shilova I. M., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-428-432

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Characteristics of the Attitudes to Family Relations in Convicts Repeatedly Sentenced to Imprisonment

Dmitry V. Smolensky, psychologist¹; dsmolensky@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-4591-0920>

Irina A. Kuznetsova, lecturer at the chair of Psychology and Pedagogy in Law Enforcement Agencies' Activities²; irisha_polocha@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2514-4413>

Irina M. Shilova, Candidate of Science (in Pedagogy), Professor at the chair of General and Pedagogical Psychology³; alpaka1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8759-1696>

¹ Siberian branch of the Federal State Unitary Enterprise «Directorate of Departmental Security of the Ministry of Transport of the Russian Federation», 21/5, Dachnaya st., Novosibirsk, 630082, Russia

² the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov st., Omsk, 644092, Russia

³ Omsk State Pedagogical University, 14, Tukhachevsky embk., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Introduction. The aim is to identify the characteristics of attitudes to family relations in convicts repeatedly sentenced to imprisonment. **Materials and Methods.** The study was carried out using methods of observation, interviews, questionnaires, content-analysis, multi-factor methods of personality study adapted by F. B. Berezin and techniques of measuring attitudes in a married couple by Yu. E. Aleshina. The survey involved 74 male convicts of different age categories: from 20 to 69 years old. **Results and Discussion.** The author presents a comparative analysis of the three categories of convicts serving sentence repeatedly: married before conviction, married while serving sentence, and single. Their individual-psychological characteristics and basic attitudes to family relations are considered. **Conclusions.** The basic and specific attitudes to the family relationships of those repeatedly sentenced to imprisonment are identified.

Keywords: convict, resocialization, attitudes, family

Citation: Smolensky D. V., Kuznetsova I. A., Shilova I. M. Characteristics of the Attitudes to Family Relations in Convicts Repeatedly Sentenced to Imprisonment. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 428–432 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-428-432>

Основные положения

1. Установки семейных отношений у неоднократно осужденных к лишению свободы могут влиять на процесс ресоциализации после отбытия наказания.

2. В зависимости от семейного положения различные категории неоднократно осужденных к лишению свободы имеют свои особенности установок семейных отношений.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В настоящее время в кругах общественности и уголовно-исполнительной системы актуальным является вопрос социализации освобождающихся осужденных к условиям жизни на свободе [1–3]. В рамках пенитенциарной психологии и воспитательной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы часто затрагиваются вопросы значимости семейных отношений. Включенность осужденного в институт семьи рассматривается как существенный сдерживающий компонент девиантного поведения при отбытии наказания и как важный фактор в процессе ресоциализации после освобождения [4]. Предполагается, что при благоприятных условиях семья способна повлиять на отдельные индивидуально-психологические особенности и поведение, что в свою очередь обеспечит успешную социализацию после освобождения.

Цель — выявление особенностей установок семейных отношений у неоднократно осужденных к лишению свободы.

Для рассмотрения общих тенденций общественного мнения по вопросу особенностей семейных взаимоотношений осужденных проанализированы результаты социологического опроса лиц, приезжающих на длительные свидания к осужденным, сотрудников исправительного учреждения, выполняющих функции воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными, а также материалы дискуссионного поля веб-форумов.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Семейная сфера осужденных рассматривалась в работах многих ученых в рамках пенитенциарной психологии, социологии, педагогики. Не угасает активность к этой теме и в последние годы. Б. В. Александров анализирует возможности создания семьи в период отбывания наказания в исправительном учреждении [5]. К. Г. Бабина изучает мотивы заключения брака в условиях изоляции [6]. Л. В. Ковтуненко уделяет внимание вопросам семьи в воспитании и исправлении несовершеннолетних осужденных [7]. С. А. Красненкова и И. И. Маркова исследуют особенности представлений осужденных молодежного возраста о брачно-семейных отношениях [8]. Н. Г. Соболев раскрывает особенности осознания семьи у несовершеннолетних мужского пола, осужденных за корыстные и насильственные престу-

пления [9]. В. И. Степаненко делает акцент на проблемах влияния семьи на ресоциализацию осужденного к лишению свободы [10]. К. С. Тумаров затрагивает вопросы семьи в рамках ресоциализации осужденных в пенитенциарном учреждении [11]. А. Г. Финаева раскрывает тему ресоциализационного потенциала семьи осужденного [12].

Вместе с тем, несмотря на все многообразие имеющихся на сегодняшний день знаний и научных работ, следует отметить, что тематика семейных отношений в рамках пенитенциарной психологии остается актуальной и имеет серьезный потенциал для дальнейших исследований и практического применения.

Материалы и методы

Для проведения исследования была создана выборка из 74 осужденных, отбывающих наказание неоднократно, следующих возрастных категорий: в возрасте от 20 до 29 лет — 17 осужденных (23%); от 30 до 39 лет — 34 (46%); от 40 до 49 лет — 12 (16%); от 50 до 59 лет — 9 (12%); от 60 до 69 лет — 2 (3%).

Для формирования мотивационного компонента психодиагностического обследования осужденным были изложены следующие доводы: прохождение психологического обследования необходимо при рассмотрении вопроса о возможном переводе на участок колонии-поселения, а также о предоставлении условно-досрочного освобождения.

Обследование проводилось в индивидуальной форме с использованием качественных методов психодиагностического обследования: наблюдения, беседы, анкетирования, контент-анализа. В качестве количественных методов обследования были взяты методики многофакторного изучения личности в адаптации Ф. Б. Березина (ММИЛ) [13] и измерения установок в супружеской паре Ю. Е. Алешиной (УСП) [14]. Основными показателями выступили: шкалы лжи, достоверности, коррекции ответов; шкалы выраженности ипохондрии, депрессии, истерии, психопатии, выраженности мужских и женских черт характера, паранойяльности, психастении, шизоидности, гипомании, социальной интроверсии; показатели отношения к людям, альтернативы между чувством долга и удовольствием, отношения к детям, ориентации на совместную или раздельную деятельность, отношения к разводу, отношения к любви романтического типа, оценки значения сексуальной сферы, отношения к запретности секса, отношения к устройству семьи, отношения к деньгам.

Результаты и обсуждение

Качественный и количественный анализ показателей осужденных, состоявших в браке до осуждения и вступивших в брак после наказания. Анализ показал, что ответы респондентов представляют собой континуум, имеющий две полярные точки зрения.

К первой точке зрения относятся гипотезы, что осужденный, отбывающий наказание неоднократно,

зарегистрированный в официальном браке либо находящийся в стабильных отношениях при незарегистрированном браке, имеет стремление к укреплению семейных взаимоотношений, основанное на значимых личностных чувствах, а также социальные поручения успешной ресоциализации после освобождения. В качестве распространенных аргументов при этом можно выделить: смягчающие тяжесть совершенных правонарушений неблагоприятные жизненные особенности и стечения обстоятельств, незрелость морально-нравственной сферы на момент совершения преступлений, личностный рост в процессе отбывания наказания, принятие новых социальных ролей, связанных с семьей, влияние чувств.

Противоположная концепция ответов базируется на гипотезах использования семейных взаимоотношений осужденными, отбывающими наказание неоднократно, в эгоистичных интересах, для создания более комфортных условий нахождения в исправительном учреждении и получения возможной выгоды после освобождения. Вопрос ресоциализации после освобождения с опорой на институт семьи при этом рассматривается скептически и иллюзорно. В качестве распространенных аргументов этой точки зрения фигурируют: получение материальной выгоды, физиологическая потребность в сексуальном партнере, желание развлечения, обусловленное скучной повседневной обыденностью в условиях изоляции от общества, различные факторы риска в анамнезе осужденного.

Необходимо подчеркнуть, что приведенные выше результаты основаны на субъективном опыте респондентов и отражают бытовой уровень восприятия затрагиваемых вопросов.

В процессе исследования было выделены три категории респондентов:

1. Осужденные мужчины, включенные в супружескую систему до момента осуждения. Обследуемые, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке изначально, — 34 человека (46% от общей выборки).

2. Осужденные мужчины, вступившие в брак, начавшие семейные отношения в процессе отбывания наказания, — 6 человек (8%).

3. Одиноким осужденным мужчинам, не состоящим в какой-либо форме супружеской системы, — 34 человека (46%).

Приведенная статистика наглядно показывает, что процент осужденных, начинающих семейные взаимоотношения в условиях нахождения в исправительном учреждении, самый низкий, подавляющее же большинство осужденных строят семьи еще до осуждения либо не находятся в каких-либо отношениях, что может быть обусловлено рядом социальных, экономических и психологических факторов.

Изложенные данные также позволяют предположить, что при рецидиве совершения преступления нет существенной разницы между семейными и холостыми осужденными, хотя стоит отметить, что по результатам исследований осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, наибольшую опасность с точки зрения совершения повторных преступлений представляют лица, не состоящие в браке.

Поскольку выборка осужденных, начавших семейные отношения в стенах исправительного учреждения, значительно меньше других, то приведенные по ней ниже показатели в контексте исследования будут носить, скорее, частный и ознакомительный характер и не могут говорить о какой-нибудь стабильной закономерности.

Показатели шкал лжи, достоверности, коррекции ответов, свидетельствующие о недостоверности полученных данных, среди одиноким осужденных составляют 9%, среди осужденных, начавших семейные взаимоотношения в исправительном учреждении, — 0%, у изначально семейных осужденных — 12%. Для достоверности полученных данных результаты осужденных, имеющих недостоверные результаты, были удалены из общей выборки.

Анализируя данные проведенного исследования, мы получили результаты (табл.), позволяющие сформулировать ряд гипотез, требующих дальнейшего изучения, в отношении осужденных к лишению свободы мужчин, отбывающих наказание неоднократно.

Роль института семьи в процессе ресоциализации осужденных зависит от множества социальных, криминальных, психологических факторов, и качественное рассмотрение данного вопроса, несомненно, выходит за рамки настоящей статьи. Вместе с тем в ходе исследования предпринята попытка анализа указанных категорий осужденных, свидетельствующая об отсутствии значимой количественной разницы между семейными и одинокими мужчинами. Учитывая рандомную выборку осужденных и результаты индивидуальных бесед, можно предположить, что семья не всегда является для этой категории лиц каким-либо существенным сдерживающим фактором. Проверка данной гипотезы осложняется отсутствием учета и статистических данных в отношении лиц, включенных в супружеские отношения, но не состоящих в зарегистрированном браке. Еще одно слабое место такого вывода — отсутствие исследований в отношении лиц, соблюдающих уголовное законодательство после освобождения.

При категоризации обследуемых на основе факторов построения семейных отношений до осуждения, в момент отбывания наказания, не состоящих в семейных отношениях, не выявлено какой-либо взаимосвязи этих групп с повышенными значениями шкал ММИЛ. Все показатели методики не превышают 26% от числа выборки.

Таблица. Показатели диагностики осужденных в зависимости от их семейного положения
(Table. Indicators of diagnostics of convicts according to their marital status)

Выраженный показатель диагностики	Осужденные, состоявшие в браке	Осужденные, вступившие в брак в ИУ	Одинокое осужденные
Показатель по шкале ипохондрии выше нормы	10	17	10
Показатель по шкале депрессии выше нормы	7	17	13
Показатель по шкале истерии выше нормы	3	0	10
Показатель по шкале психопатии выше нормы	14	0	26
Показатель по шкале выраженности женских черт характера	0	0	6
Показатель по шкале паранойальности выше нормы	17	0	23
Показатель по шкале психастении выше нормы	7	0	19
Показатель по шкале шизоидности выше нормы	3	0	22
Показатель по шкале гипомании выше нормы	10	17	13
Показатель по шкале социальной интроверсии выше нормы	3	17	16
Высокий уровень показателя оптимистичности отношения к людям	24	17	26
Низкий уровень показателя оптимистичности отношения к людям	38	50	30
Высокий уровень ориентирования на долг по сравнению с удовольствием	34	34	32
Низкий уровень ориентирования на долг по сравнению с удовольствием	3	17	13
Высокая значимость детей в жизни человека	69	67	81
Низкая значимость детей в жизни человека	0	33	0
Ориентация на совместную деятельность	62	67	65
Ориентация на раздельную деятельность	10	0	0
Высокий уровень лояльности к разводу	31	33	26
Низкий уровень лояльности к разводу	14	50	26
Высокий уровень ориентированности на романтическую любовь	80	33	84
Низкий уровень ориентированности на романтическую любовь	0	0	3
Высокий уровень значимости сексуальной сферы	34	67	50
Низкий уровень значимости сексуальной сферы	21	17	10
Высокий уровень запретности темы сексуальных отношений	10	33	13
Низкий уровень запретности темы сексуальных отношений	41	0	35
Патриархальный, традиционный взгляд на роль женщины в семье	48	33	35
Ориентация на эгалитарное устройство семьи	10	17	23
Высокий уровень бережливости денег	10	0	6
Низкий уровень бережливости денег	31	33	35

При сравнении результатов между группами наблюдается тенденция, указывающая на то, что показатели у одиноких осужденных по ряду шкал ММИЛ на порядок выше, чем у семейных осужденных. Так, показатель по шкале шизоидности в 8 раз выше, чем у семейных осужденных, по шкале социальной интроверсии — в 5 раз выше, по шкале истерии — в 3 раза выше, по шкале психастении — в 2,5 раза выше, по шкалам депрессии и психопатии — почти в 2 раза выше. Указанные данные вполне очевидно подчеркивают негативное влияние выраженности отдельных шкал ММИЛ в вопросе построения семейных отношений, а также позволяют предположить, что в условиях изоляции семья служит благоприятным фактором проявления индивидуально-психологических особенностей.

Установки осужденных, состоящих в браке. Рассматривая показатели методики измерения установок в супружеской паре, можно отметить следующее.

Большинство одиноких и изначально семейных осужденных ориентировано на романтическую любовь. Среди осужденных, начавших взаимоотношения в процессе отбывания наказания, высокие показатели

ориентированности на романтическую любовь имеет лишь треть от числа обследуемых.

По параметру значимости детей в жизни самый высокий процент встречается среди одиноких осужденных. Немного меньше, но в достаточной степени проявляется этот показатель среди семейных осужденных. В то же время низкие результаты значимости детей в жизни, хоть и в незначительной степени, выявлены только в группе осужденных, начавших семейные взаимоотношения в процессе отбывания наказания.

В целом также можно отметить, что высокая ориентация на долг по сравнению с удовольствием встречается лишь у трети обследуемых, а уровень значимости сексуальной сферы, хоть и не является низким, но не достигает преобладающих значений. Кроме того, осужденные не отличаются высокой бережливостью денежных средств.

Анализируя соотношение установок в супружеской паре между рассматриваемыми группами осужденных, мы выделили следующие тенденции.

Низкий уровень лояльности к разводу, несмотря на низкие показатели, у одиноких осужденных проявляется почти в 2 раза чаще, чем у изначально

семейных осужденных, и лидирует в группе осужденных, начавших семейные взаимоотношения в процессе отбытия наказания.

Показатель значимости сексуальной сферы среди одиноких осужденных наблюдается чаще, чем среди осужденных, имеющих семью. Самый же большой процент выявлен в группе осужденных, начавших семейные взаимоотношения в процессе отбытия наказания.

Семейные осужденные чаще, чем одинокие осужденные, имеют патриархальный, традиционный взгляд на роль женщины в семье.

Выводы

1. Данное исследование дает основания полагать, что среди лиц мужского пола, совершивших рецидив

преступления, нет существенной количественной разницы между семейными и одинокими мужчинами, но семья, в свою очередь, является благоприятным фактором в психоэмоциональном плане осужденных.

2. Большинство осужденных ориентировано на романтическую любовь и придает достаточную значимость роли детей в жизни. В то же время ориентация на долг по сравнению с удовольствием среди осужденных встречается лишь у трети из них, а бережливость денежных средств имеет весьма низкие значения.

Область применения и перспективы. Для полноценного раскрытия данной темы в дальнейшем требуются дополнительные исследования, включающие более обширную выборку и спектр методов углубленного обследования.

Список источников / References

1. Звонов А. В., Пичугин С. А. Анализ причин и условий совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 2(22). С. 11–14.
2. Тазетдинов Р. Р. Социализация — цель реализации уголовной ответственности несовершеннолетних осужденных // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2023. № 1(49). С. 101–107.
3. Уваров И. А. Концептуальные основы исследования адаптационного потенциала осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, к новым социальным условиям (социологическая оценка пенитенциарной профилактики) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 49–52.
4. Кузнецов М. И. Семья как один из ресурсов ресоциализации осужденных // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Вологда, 2022. Ч. 3. С. 68–73.
5. Александров Б. В. Проблемы и возможности создания семьи в период отбывания наказания в исправительном учреждении // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. мат-лов III всерос. симпозиума психологов с междунар. участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России : в 3 ч., Рязань, 08–09 апреля 2021 года. Рязань, 2021. Ч. I. С. 19–23.
6. Бабина К. Г. Мотивы заключения брака в условиях изоляции // Исследование современных проблем общества в контексте задач социальной работы и социальной безопасности : сб. науч. статей студентов и преподавателей всерос. XIV открытой молодежной науч.-практ. конф. М., 2019. Вып. 7. С. 104–108.
7. Ковтуненко Л. В. Роль семьи в воспитании и исправлении несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 15–21.
8. Красненкова С. А., Маркова И. И. Особенности представлений осужденных молодежного возраста о брачно-семейных отношениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 72–79.
9. Соболев Н. Г. Особенности осознания семьи у несовершеннолетних мужского пола, осужденных за корыстные и насильственные преступления // Научные труды НИИ ФСИН России. М., 2023. Вып. 1. С. 161–166.
10. Степаненко В. И. Влияние семьи на ресоциализацию осужденного к лишению свободы // Борьба с преступностью: теория и практика : мат-лы II междунар. науч.-практ. конф. Могилев, 2014. С. 72–73.
11. Тумаров К. С. Ресоциализация осужденных в пенитенциарном учреждении в условиях современной России : дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2012. 164 с.
12. Финаева А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2012. 150 с.
13. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е. Д. Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения. М., 2011. 320 с.
14. Алешина Ю. Е., Борисов И. Ю. Поло-ролевая дифференциация как комплексный показатель межличностных отношений супругов // Вестник Московского университета. Психология. 1989. № 2. С. 308–320.

Поступила 12.10.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 28.12.2024.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Братухина Е. А., Братухин А. Г., Магазева Н. В., Панфилова А. А., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-433-439

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Толерантность к неопределенности как детерминанта совладающего поведения обучающихся

Елена Анатольевна Братухина, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук¹; psychologist1981@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9422-191X>

Александр Георгиевич Братухин, кандидат медицинских наук, доцент кафедры гигиены труда, профпатологии¹; berufskrankheit@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3954-5051>

Нина Викторовна Магазева, педагог-психолог²; nina.magazeva@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7731-9599>

Анна Антоновна Панфилова, студент¹; anna_190202@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-6107-4947>

¹ Омский государственный медицинский университет, 644099, Омск, ул. Ленина, 12, Россия

² Гимназия № 123 им. О. И. Охрименко, 644053, Омск, ул. 20 Партезды, 48, Россия

Реферат. Введение. Цель — выявление различий в стратегиях совладания лиц с различным уровнем толерантности к неопределенности. **Материалы и методы.** Применялись шкала толерантности к неопределенности МакЛейна в модификации Е. Н. Осина, опросник Р. Лазаруса и методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления И. Г. Сизовой и С. И. Филиппенковой и методы математической статистики. **Результаты и обсуждение.** Обучающиеся первого курса с высоким уровнем толерантности к неопределенности в трудной жизненной ситуации проявляют активные действия, направленные на понимание новых условий учебной деятельности, прогнозируют образ будущего результата, мысленно выстраивая последовательность возможных действий. Обучающиеся со средним уровнем толерантности к неопределенности стараются продумывать образ будущих действий, но склонны ориентироваться на негативный результат, что отрицательно влияет на их активность и самостоятельность в новых трудных жизненных условиях. Обучающиеся с низким уровнем толерантности к неопределенности в трудных жизненных условиях проявляют низкую активность, дистанцируются от разрешения возникающих проблем, склонны к поиску социальной поддержки и избегают неясных неопределенных условий обучения. **Выводы.** От того, насколько эффективно будет действовать обучающийся в данных условиях, какие будет использовать копинг-стратегии, зависят как успешность обучения, так и степень его социального благополучия.

Ключевые слова: неопределенность, толерантность к неопределенности, обучение в вузе, когнитивно-поведенческие стратегии, копинг-поведение, трудная ситуация

Для цитирования: Братухина Е. А., Братухин А. Г., Магазева Н. В., Панфилова А. А. Толерантность к неопределенности как детерминанта совладающего поведения обучающихся // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 433–439. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-433-439>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © Bratukhina E. A., Bratukhin A. G., Magazeva N. V., Panfilova A. A., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-433-439

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Tolerance to Uncertainty as a Determinant of Learners' Coping Behavior

Elena A. Bratukhina, Candidate of Science (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Philosophy and Social Sciences and Humanities¹; psychologist1981@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9422-191X>

Alexandr G. Bratukhin, Candidate of Medical Sciences, Associate-Professor at the chair of Occupational Health, Professional Pathology¹; berufskrankheit@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3954-5051>

Nina V. Magazeva, Pedagogue-Psychologist²; nina.magazeva@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7731-9599>

Anna A. Panfilova, student¹; anna_190202@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-6107-4947>

¹ Omsk State Medical University, 12, Lenin st., Omsk, 644099, Russia

² Gymnasium No. 123 named after O. I. Okhrimenko, 48, 20 Partsezdya st., Omsk, 644053, Russia

Abstract. Introduction. The objective is to reveal the differences in coping strategies of persons with different levels of tolerance to uncertainty. **Materials and Methods.** The authors used MacLaine tolerance to uncertainty scale modified by E. N. Osin, R. Lazarus questionnaire and diagnostic methodology of cognitive-behavioral strategies of overcoming by I. G. Sizova and S. I. Filippchenkova and methods of mathematical statistics. **Results and Discussion.** First-year students with a high level of tolerance to uncertainty in difficult life situation show active actions aimed at understanding new conditions of educational activity, predict the image of the future result, mentally constructing a sequence of possible actions. Students with a medium level of tolerance to uncertainty try to think through their future actions, but tend to focus on the negative result, which negatively affects their activity and autonomy in new difficult life conditions. Students with a low level of tolerance to uncertainty in difficult life conditions exhibit low activity, distance from solving emerging problems, and are prone to seeking social support and avoid unclear uncertain learning conditions.

Conclusions. How effectively the students will act in these conditions, which coping strategies they will use, depends on both the success of learning and the degree of their social well-being.

Keywords: uncertainty, tolerance to uncertainty, studying at university, cognitive behavioural strategies, coping behaviour, difficult situation

Citation: Bratukhina E. A., Bratukhin A. G., Magazeva N. V., Panfilova A. A. Tolerance to Uncertainty as a Determinant of Learners' Coping Behavior. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 433–439 (InRuss.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-433-439>

Основные положения

1. К трудной жизненной ситуации, имеющей высокую степень новизны, сложности и значимости и требующей использования приспособительных поведенческих стратегий, относится начальный период обучения в медицинском вузе. Специфика стратегий совладающего поведения обучающихся зависит от особенностей восприятия неопределенности.

2. Обучающиеся первого курса с высоким уровнем толерантности к неопределенности проявляют конструктивные и преобразующие стратегии совладающего поведения, тогда как обучающиеся с низким уровнем толерантности к неопределенности используют пассивные или избегающие стратегии.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Проблема преодоления трудных жизненных ситуаций приобретает большое значение в современных условиях. Возрастает число неблагоприятных явлений, вызванных внешними факторами экологического, экономического, политического характера. На уровне внутреннего переосмысления событий могут возникать трудности, связанные с негативными эмоциональными состояниями при преодолении значимых жизненных условий, с целеполаганием личности в неблагоприятных обстоятельствах. Таким образом, проблематика, сопряженная с эффективными поведенческими стратегиями в трудных жизненных, нередко стрессовых ситуациях, является актуальной.

Неопределенность социального пространства актуализирует необходимость осуществления действий в неоднозначных условиях, предполагает построение общей стратегии личностного развития и выработки конкретных способов реагирования в той или иной иногда сложной жизненной ситуации.

К трудной жизненной ситуации, в которой необходимо использование приспособительных поведенческих стратегий, относится начальный период обучения вузе. В медицинском вузе проблемы адаптации к условиям обучения и к новым жизненным условиям студентов первого курса вызваны многими факторами. Происходит изменение условий обучения в сравнении со школьным образованием, акцент делается на самостоятельную подготовку студентов по дисциплинам, увеличиваются объем и темп усвоения учебного материала, применяются другие способы осуществления учебной деятельности и критерии оценивания обу-

чающихся. Жизненная ситуация нередко осложняется переездом в другой город на период обучения, что значительно влияет на условия жизни, создает повышенную тревожность и уязвимость к стрессу [1]. От того, насколько эффективно будет действовать студент в этих условиях, какие будет использовать копинг-стратегии, зависят как успешность обучения, так и степень социального благополучия.

Цель — выявление особенностей копинг-стратегий обучающихся первого курса с различным уровнем толерантности к неопределенности.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы.

Ситуация неопределенности может быть связана с недостаточностью информации или ее избыточностью, с непредсказуемыми факторами. Высокая неопределенность может приводить к росту психологической уязвимости, к состоянию беспомощности, к личностной пассивности.

Проблема переживания неопределенности является достаточно актуальной и сводится к изучению аспектов фиксации внутреннего состояния человека, его когнитивных, эмоциональных, волевых возможностей в этих условиях и стратегий преодоления неопределенности [2]. В свою очередь, достижение полной определенности может приводить к прекращению личностной активности, к фиксации на негативных эмоциях, поскольку прекращается поиск смысла. Но высокая неопределенность может дезорганизовывать деятельность, влечь личностные расстройства, повышенную тревожность, ощущение беспомощности [3].

При дефинировании понятия «толерантность к неопределенности» существуют некоторые трудности. Одним из первых авторов, использовавших данное словосочетание, была Е. Frenkel-Bruswik, интерпретировавшая его как личностную особенность или переменную, которая может влиять на специфику принятия решения [4]. В русле теорий принятия решения личностные особенности, способствующие преодолению состояния неопределенности, рассматривали Д. Канеман и А. Тверски. Они выдвинули предположение, что для оценки сложных вариантов человек формирует интеллектуальную систему представлений, на основе которых выделяются преимущества и недостатки, связанные с принятием решения [5].

В зарубежной психологии существуют два термина, обозначающие явление, которое возникает, когда человек находится в ситуации неопределенности:

tolerance for uncertainty (толерантность к неопределенности) и tolerance for ambiguity (толерантность к двусмысленности). Uncertainty описывает такое состояние человека, при котором альтернативы неизвестны, изменчивы и потому непознаваемы, аналогом является термин «неопределенность». Ambiguity подразумевает, что альтернативы неоднозначны и двойственны, а русским аналогом может быть термин «неясность» [6].

Трудности при изучении понятия «неопределенность» обусловлены его терминологической неоднозначностью, сложностью при отделении от смежных конструктов, неоднозначностью в дефинировании [7; 8].

Традиционно рядом исследователей толерантность к неопределенности понимается как устойчивая личностная характеристика [9–11].

Толерантность к неопределенности рассматривают также как динамическую, изменчивую характеристику, зависящую от конкретных условий, как объединение в сознании человека когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов, вызванных сознательной неосведомленностью в отношении некоторых аспектов ситуации [12–14].

Мы придерживаемся точки зрения, что толерантность к неопределенности — это устойчивая личностная характеристика, сформированная в результате когнитивного оценивания неопределенной ситуации, для преобразования которой необходимо использовать стратегии совладания.

Копинг-поведение как способ взаимодействия личности с трудной, стрессовой, кризисной или проблемной ситуацией включает эмоциональные, когнитивные и поведенческие усилия личности. Копинг-стратегии личности имеют значительные отличия от защитных механизмов, которые также могут активизироваться в сложных жизненных обстоятельствах. Цель защитных механизмов состоит в снятии эмоционального напряжения, сохранении самооценки и комфортного состояния личности. Тогда как цель копинг-поведения заключается в приспособлении к условиям трудной ситуации, требующей совладания с ней [15].

Различные авторы определяют копинг-стратегию как индивидуальную реакцию личности на стрессовую или трудную жизненную ситуацию. Специфика применяемых стратегий может зависеть от личностных особенностей, степени значимости ситуации, но чем шире арсенал используемых копинг-стратегий, тем выше адаптированность человека [16].

Выделяются три основных типа копинг-стратегий: проблемно-ориентированные, эмоционально-ориентированные и стратегии, направленные на избегание. Стратегии избегания могут краткосрочно вытеснять стрессовые переживания, но личностью в данном случае не предпринимаются прямые действия для уменьшения стресса [17].

На специфику копинг-стратегий могут влиять особенности ситуации, которая является неопределенной для личности. Ситуация может быть для личности совершенно новой, соответственно, человек может не иметь выработанных способов ее разрешения (например, ситуация обучения на первом курсе в медицинском вузе). В ситуации также может содержаться множество информационных сигналов, т. е. избыточность информации, которую человеку сразу сложно осознать и усвоить. На первом курсе обучения большой объем информации может снижать восприимчивость личности к ее усвоению. Таким образом, ситуация обучения в указанный период активизирует копинг-стратегии обучающихся [18; 19]. Специфика разрешения данной ситуации будет оказывать влияние на дальнейшее обучение и в целом жизненную стратегию личности.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 72 испытуемых (метод случайного отбора), обучающихся первого курса Омского медицинского университета, возраст которых составил от 18 до 20 лет. Для изучения особенностей восприятия неопределенности применялась шкала толерантности к неопределенности МакЛейна в модификации Е. Н. Осина, для изучения совладающего поведения — опросник Р. Лазаруса и методика диагностики когнитивно-поведенческих стратегий преодоления И. Г. Сизовой и С. И. Филиппенковой. Для выявления различий в показателях копинг-стратегий применялся непараметрический вариант метода однофакторного дисперсионного анализа Н-критерий Крускала-Уоллиса. Для уточнения различий и попарного сравнения независимых выборок по показателям копинг-стратегий применялся непараметрический критерий Манна-Уитни. Для обработки результатов исследования использовались программа Microsoft Excel 2010 и пакет прикладных программ статистической обработки данных SPSS (для персонального компьютера).

Результаты и обсуждение

Оценка показателей толерантности к неопределенности обучающихся. По результатам методики «Шкала толерантности к неопределенности МакЛейна в модификации Осина» выделены три группы испытуемых (табл. 1).

В первую группу отнесены испытуемые с высоким уровнем толерантности к неопределенности ($n=13$) с высокими значениями по следующим шкалам: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, предпочтение неопределенности и избегание неопределенности. Группа характеризуется открытостью к новым ситуациям и задачам, готовностью к принятию решений в проблемных ситуациях, определению цели и необходимой последовательности действий в сложных условиях, в некоторых случаях склонностью к рискованным действиям.

Таблица 1. Показатели субшкал по методике «Шкала толерантности к неопределенности МакЛейна в модификации Осина», $\bar{X} \pm \sigma$
(Table 1. Indicators of subscales according to the «MacLaine Tolerance to Uncertainty Scale modified by Osin», $\bar{X} \pm \sigma$)

Показатели неопределенности	Высокий уровень толерантности к неопределенности	Средний уровень толерантности к неопределенности	Низкий уровень толерантности к неопределенности
Отношение к новизне	16,3±2,2	15±4,1	11±3,2
Отношение к сложным задачам	39±3,1	32±4,1	27±4,2
Отношение к неопределенным ситуациям	35±3,8	36±7	28±4,3
Предпочтение неопределенности (риска)	55±6,4	48±5,6	34±5,2
Толерантность к неопределенности	50±8	41±7,6	29±7,2
Общий балл	111±17	88±6,6	62±14

Испытуемые со средним уровнем толерантности к неопределенности ($n=34$) могут не испытывать тревожность по отношению к новым неопределенным ситуациям, но их действия в таких условиях могут затрудняться, становиться менее эффективными. В меньшей степени лица со средним уровнем толерантности к неопределенности склонны к риску.

Третья группа респондентов с низким уровнем толерантности к неопределенности ($n=25$) характеризуется тем, что у лиц, составляющих группу, может проявляться тревога по отношению к новым ситуациям, отсутствует желание разрешать проблемные или сложные задачи, не выражена склонность к риску и налицо избегание ситуаций, в которых не определены контуры деятельности.

Оценка когнитивно-поведенческих и совладающих стратегий испытуемых с различным уровнем толерантности к неопределенности. Результаты, описывающие различия, полученные в процессе сравнения трех групп испытуемых с различным уровнем толерантности к неопределенности по особенностям проявления когнитивно-поведенческих стратегий, представлены в табл. 2.

При применении непараметрического варианта метода однофакторного дисперсионного анализа

Н-критерия Крускала-Уоллиса выявлены значимые различия между группами испытуемых по следующим стратегиям: когнитивная репетиция ($H=5,4$ при $p \leq 0,05$), коррекция ожиданий и надежд ($H=6,5$ при $p \leq 0,05$), антиципирующее преодоление ($H=5,8$ при $p \leq 0,05$), идентификация со счастливыми (H=5,3 при $p \leq 0,05$), стратегия отрицания ($H=5,9$ при $p \leq 0,05$). Данный результат подтверждает влияние параметра «толерантность к неопределенности» на специфику когнитивно-поведенческих стратегий испытуемых.

Попарное сравнение групп с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни показало наличие значимых различий при проявлении копинг-стратегий. Обнаружено значимое различие по стратегии «когнитивная репетиция» у групп испытуемых с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=13,2$; $\bar{X}=10,3$; $U=99$ при $p \leq 0,05$), со средним и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=12,7$; $\bar{X}=10,3$; $U=97$ при $p \leq 0,05$).

Лица с высоким и средним уровнем толерантности к неопределенности более склонны к позитивному изменению трудной или проблемной ситуации, они продумывают конкретный план действий по достижению цели, стремясь учесть возможные препятствия. Затем продуманный план действий стараются реализовать в жизнедеятельности. Тогда как лица с низким уровнем толерантности к неопределенности в меньшей степени планируют будущие действия и испытывают затруднения при необходимости их осуществить.

По стратегии «коррекция ожиданий и надежд» диагностированы значимые различия при сравнении групп с высоким и средним уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=8,1$; $\bar{X}=11,1$; $U=123$ при $p \leq 0,05$).

Данные результаты свидетельствуют о том, что испытуемые со средним уровнем толерантности к неопределенности, предпринимавшие попытки к разрешению неопределенной ситуации, не могут достичь поставленной цели. Они могут ощущать нехватку физических и психологических ресурсов и свою беспомощность в неопределенной ситуации, что влияет на постановку дальнейших задач и намерений. В дальнейшем они ставят перед собой менее сложные цели,

Таблица 2. Значимые различия по показателям когнитивно-поведенческих стратегий испытуемых с различным уровнем толерантности к неопределенности
(Table 2. Significant differences in the indicators of cognitive-behavioral strategies of subjects with different levels of tolerance to uncertainty)

Показатели когнитивно-поведенческих стратегий	Н-критерий	Уровни толерантности к неопределенности, $\bar{X} \pm \sigma$			Попарное сравнение значений U-критерия Манна-Уитни		
		высокий ($n=13$)	средний ($n=34$)	низкий ($n=25$)	высокий — средний	высокий — низкий	средний — низкий
Когнитивная репетиция	5,4*	13,2±1,7	12,7±3	10,3±3,3	198	99*	97*
Коррекция ожиданий и надежд	6,5*	8,1±2,3	11,1±2,7	11±2,5	123*	91	410
Антиципирующее преодоление	5,8*	7,6±2,8	9,6±3,9	8,9±3,4	137*	154	375
Идентификация со счастливыми	5,3*	3,6±2,1	6,8±3,2	6,5±2,5	83,5**	56**	405,5
Стратегия отрицания	5,9*	4,2±3,4	5,8±3,9	6,6±3,4	166	103,5*	352,5

Примечание. Здесь и далее: * — значимость различий при $p \leq 0,05$; ** — значимость различий при $p \leq 0,01$.

Таблица 3. Значимые различия в совладающем поведении испытуемых с различным уровнем толерантности к неопределенности
(Table 3. Significant differences in the coping behavior of subjects with different levels of tolerance to uncertainty)

Показатели совладающего поведения	Н-критерий	Уровни показателей толерантности к неопределенности ($\bar{X} \pm \sigma$)			Значения U-критерия Манна-Уитни		
		высокий (n=13)	средний (n=34)	низкий (n=25)	высокий — средний	высокий — низкий	средний — низкий
Дистанцирование	12,9**	39,8±13,9	53,4±20,3	60,5±15	139*	48,5**	326
Поиск социальной поддержки	5,9*	59,8±17	65,3±15,3	72,8±16	182,5*	85,5**	180*
Бегство-избегание	6,7*	40,3±17,4	54±17,6	60,5±17	113**	65**	383

т. е. снижается их уровень притязаний. Лица с высоким уровнем толерантности к неопределенности психологически более устойчивы к стрессовым факторам, менее склонны к переоценке себя и обстоятельств и снижению уровня целей.

Выявлены значимые различия по стратегии «антиципирующее преодоление» у групп испытуемых с высоким и средним уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=7,6$; $\bar{X}=9,6$; $U=137$ при $p \leq 0,05$). Лица со средним уровнем толерантности к неопределенности более склонны психологически подготовиться к возможным трудностям и испытаниям. Они заранее прогнозируют худший исход и пытаются осознать действия, которые могут быть направлены на разрешение такой ситуации. Лица с высоким уровнем толерантности к неопределенности менее склонны к представлению неприятных событий и не фокусируются на худших последствиях своих действий.

По следующей стратегии «идентификация со счастливыми» зафиксированы различия у лиц с высоким и средним уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=3,6$; $\bar{X}=6,8$; $U=83,5$ при $p \leq 0,01$) и у лиц с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=3,6$; $\bar{X}=6,5$; $U=56$ при $p \leq 0,01$).

У лиц со средним и низким уровнем толерантности к неопределенности проявляется неуверенность в своих силах изменить ситуацию, что способствует тому, что они придают чрезмерное значение суевериям, народным приметам, пытаются окружить себя удачливыми людьми. При наличии таких людей рядом с ними они начинают идентифицировать себя с ними и действовать более уверенно. Лица с высоким уровнем толерантности к неопределенности менее склонны верить в судьбу, талисманы и в людей, которым «улыбается» судьба. Следовательно, стремятся действовать самостоятельно, адекватно оценив собственные ресурсы.

Значимые различия также установлены по стратегии «отрицание» у лиц с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=4,2$; $\bar{X}=6,6$; $U=103,5$ при $p \leq 0,01$). Лица с низким уровнем толерантности к неопределенности склонны перерабатывать сложные неопределенные ситуации, отрицая их существование, поставив психологический барьер на пути разрушительного проникновения непонима-

ния и растерянности в их внутренний мир. В рамках ценностно-смысловой сферы личности может снижаться значимость этого события в жизни личности. Испытуемые с высоким уровнем толерантности к неопределенности более активны, склонны к полному осознанию неопределенной ситуации и активны в попытках найти решение.

В таблице 3 представлены результаты совладающего поведения испытуемых (по методике Р. Лазаруса) с различным уровнем неопределенности.

При применении непараметрического варианта метода однофакторного дисперсионного анализа Н-критерия Крускала-Уоллиса выявлены значимые различия между группами испытуемых по следующим стратегиям: дистанцирование ($H=12,9$ при $p \leq 0,01$), поиск социальной поддержки ($H=5,9$ при $p \leq 0,05$), бегство-избегание ($H=6,7$ при $p \leq 0,05$). Данный результат подтверждает влияние параметра «толерантность к неопределенности» на специфику совладающих стратегий испытуемых.

В таблице 3 также представлены значимые различия по показателю «дистанцирование» у испытуемых с высоким и средним уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=39,8$; $\bar{X}=53,4$; $U=139$ при $p \leq 0,05$). Различия обнаружены у испытуемых с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=39,8$; $\bar{X}=60,5$; $U=48,5$ при $p \leq 0,01$). Результаты показывают, что лица с высоким уровнем толерантности к неопределенности менее склонны к дистанцированию от сложной ситуации, а более склонны к ее активному преобразованию. Тогда как лица со средним и низким уровнем толерантности к неопределенности более склонны проявлять пассивность и не разрешать сложившуюся проблемную ситуацию.

По стратегии «поиск социальной поддержки» диагностированы значимые различия при сравнении всех трех групп испытуемых: лиц с высоким и средним уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=59,8$; $\bar{X}=65,3$; $U=182,5$ при $p \leq 0,05$), лиц с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=59,8$; $\bar{X}=72,8$; $U=85,5$ при $p \leq 0,01$), лиц со средним и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\bar{X}=65,3$; $\bar{X}=72,8$; $U=180$ при $p \leq 0,05$). Более склонны к получению социальной поддержки в трудных жизненных обстоятельствах лица с низким уровнем толерантности

к неопределенности, тогда как испытуемые с высоким уровнем толерантности к неопределенности более склонны полагаться на собственные ресурсы.

По стратегии «бегство-избегание» зафиксированы значимые различия у лиц с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности ($\chi=40,3$; $\chi=60,5$; $U=65$ при $p\leq 0,01$) и у лиц с высоким и средним уровнем толерантности к неопределенности ($\chi=40,3$; $\chi=54$; $U=113$ при $p\leq 0,01$). Респонденты с низким уровнем толерантности к неопределенности преимущественно направлены на избегание трудной жизненной ситуации, не пытаются принимать решения и прогнозировать результаты. Тогда как лица с высоким уровнем толерантности к неопределенности предпринимают преимущественно активные попытки для преодоления проблемной или трудной ситуации.

Как показывают различия по когнитивно-поведенческим и совладающим стратегиям, обучающиеся первого курса с высоким уровнем толерантности к неопределенности более адаптивны в новых условиях, склонны к адекватной оценке своей личности и ее возможностей в неясных или двусмысленных ситуациях; стараются больше полагаться на себя и свои ресурсы, продумывая образ желаемой цели и возможных действий на пути ее достижения, а также анализируют последствия и препятствия; проявляют активность в сложной жизненной ситуации, несмотря на неясность условий; пытаются принять оптимальное решение по поводу данной проблемы и не склонны к поиску социальной поддержки.

Обучающиеся со средним уровнем толерантности к неопределенности также могут продумывать ход будущих действий, но чаще ориентированы на плохой исход и нередко корректируют поставленные цели в сторону уменьшения их сложности. Может изменяться их отношение к своим ресурсам, которые они будут склонны экономить. В неопределенных ситуациях они будут ориентироваться не столько на себя, сколько на других более удачливых студентов, верить в то, что не на все можно повлиять, и тем самым не стремиться самостоятельно разрешать проблемную неопределенную ситуацию. Могут обращаться за помощью к другим людям или не признавать существование проблемы.

Первокурсники с низким уровнем толерантности к неопределенности часто ориентированы на худшие результаты, тревожны, боятся предпринимать какие-либо действия. Склонны отрицать существование трудной или неопределенной ситуации, поскольку не ощущают в себе ресурсы для совладания с ней. Нередко обращаются за помощью к другим людям, проявляют пассивность и дистанцируются от сложной проблемы.

Выводы

1. В результате проведенного исследования выделены три группы испытуемых — обучающихся

первого курса: лица с высоким уровнем толерантности к неопределенности, лица со средним уровнем толерантности к неопределенности и лица с низким уровнем толерантности к неопределенности.

2. Выявлены значимые различия в особенностях когнитивно-поведенческих и совладающих стратегий испытуемых с высоким, средним и низким уровнем толерантности к неопределенности. Больше половины выборки составляют лица со средним уровнем толерантности к неопределенности, тогда как лица с высоким уровнем толерантности к неопределенности — 18%, а лица с низким уровнем толерантности к неопределенности — 35%.

3. Обучающиеся первого курса с высоким уровнем толерантности к неопределенности в трудной жизненной ситуации проявляют активные действия, направленные на понимание новых условий учебной деятельности, прогнозируют образ будущего результата, мысленно выстраивая последовательность возможных действий. Пытаются адекватно оценить свои ресурсы и разрешить многозначные и неопределенные ситуации.

4. Первокурсники со средним уровнем толерантности к неопределенности стараются продумывать образ будущих действий, но склонны ориентироваться на негативный результат, что отрицательно влияет на их активность и самостоятельность в новых трудных жизненных условиях.

5. Респонденты с низким уровнем толерантности к неопределенности в трудных жизненных условиях проявляют низкую активность, дистанцируются от разрешения возникающих проблем, склонны к поиску социальной поддержки и избеганию неясных неопределенных условий обучения.

6. Незначительная часть обучающихся первого курса медицинского вуза для преодоления трудностей, связанных с новыми условиями обучения, прибегают к использованию конструктивных преобразующих стратегий. Большинство обучающихся испытывают затруднения, оказавшись в неопределенной нетипичной ситуации, требующей значительных физических и психологических ресурсов, что отрицательно влияет на их уровень учебных притязаний и успешность обучения.

Область применения и перспективы. Данные, полученные в исследовании, можно учитывать для организации психолого-педагогического сопровождения обучающихся в период адаптации на первом курсе. Обозначена проблема готовности обучающихся к преодолению новых условий жизнедеятельности. В дальнейшем предполагается провести исследование уровня нервно-психической напряженности обучающихся первого курса медицинского вуза и определение влияния этого состояния на выбор копинг-стратегий.

Список источников / References

1. Киреева Т. И. Проблемы адаптации студентов первого курса университета // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 10(224). С. 527–532.
2. Корнилова Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 89–100.
3. Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 5. С. 5–13.
4. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality*. 1949. Vol. 18. № 1. Pp. 108–143.
5. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 4. С. 31–42.
6. Лобачевский И. А. Феноменология толерантности к неопределенности // Живая психология. 2023. Т. 10, № 4. С. 53–58.
7. Злобина М. В., Краснорядцева О. М. Многомерность психологических характеристик феномена «толерантность» / интолерантность к неопределенности // Системная психология и социология. 2023. № 3(47). С. 32–44.
8. Морозов А. А. 70 лет диагностики толерантности к неопределенности: проблемы и перспективы // Весці БДПУ. Серія 1. 2023. № 2. С. 71–74.
9. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Психодиагностика толерантности личности. М., 2008. 172 с.
10. Павлова Е. В., Чупряева Н. П. Толерантность к неопределенности как предиктор готовности студентов к цифровизации образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/37PSMN320.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).
11. Лазюк И. В., Белоглазова Ю. А. Когнитивные стили и толерантность к неопределенности как факторы адаптации студентов к обучению в вузе // *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2020. Т. 9, № 4(33). С. 343–348.
12. Merenluoto K., Lehtinen E. Number concept and conceptual change: Towards a systemic model of the processes of change. *Learning and Instruction*. 2004. Vol. 14. No. 5. Pp. 519–534.
13. Furnham A. A content, correlational and factor-analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires. *Personality and Individual Differences*. 1994. No. 16. Pp. 403–410.
14. Hartmann F. The effects of tolerance for ambiguity and uncertainty on the appropriateness of accounting performance measures. *Abacus*. 2005. Vol. 41. No. 3. Pp. 241–264.
15. Елизарова Е. Б. Взаимосвязь защитных механизмов и копинг-стратегий // Перспективы науки. 2020. № 3(126). С. 153–155.
16. Човдырова Г. С., Пяткина О. А. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 1(84). С. 41–47.
17. Eley D. S., Leung J. K., Campbell N. E., Cloninger C. R. Tolerance of ambiguity, perfectionism and resilience are associated with personality profiles of medical students oriented to rural practice. *Medical Teacher*. 2017. Vol. 39. Pp. 512–519.
18. Касымова Г. К. Интегративная модель преодоления стресса студента и преподавателя: коррекция отношений в образовательном, профессиональном и личностном взаимодействии // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2019. № 3. С. 169–179.
19. Долгова В. И., Кондратьева О. А., Маслова П. М. Исследование взаимосвязи толерантности к неопределенности и копинг-стратегий у студентов факультета психологии // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 6. С. 240–271.

Поступила 01.11.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 30.08.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общая педагогика. Теория и методика профессионального образования, обучения и воспитания

General pedagogy. Theory and methods of professional education, learning and upbringing

Обзорная статья

УДК 378 © Ульянова И. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-440-449

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга. Часть 2. Киноклуб

Ирина Валентиновна Ульянова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики¹, академик Российской академии естествознания, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования; iva2958@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8603-0213>

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12, Россия

Реферат. Введение. Вторая часть статьи «Служебно-профессиональное воспитание курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга» обращена к кинематографии как полифункциональному виду искусства, комплексно воздействующему на репрезентативные системы зрителя. Цель — конкретизация организационно-зрительских проблем, с которыми сталкиваются курсанты в условиях групповых просмотров кинопроизведений, и форм, методов их преодоления при содействии субъектов воспитания. Обобщение опыта формирования у обучающихся зрительской культуры в условиях организованного досуга. **Материалы и методы.** Теоретический анализ научных источников по проблеме исследования. Карты наблюдения за поведением курсантов в период кинопросмотров и пострефлексивных бесед. **Результаты и обсуждение.** Разработан опросник кинопедагогических компетенций. Доказана необходимость отказа от стихийных, спорадически организованных кинопросмотров в образовательной среде. Подчеркивается роль инициативной группы среди субъектов воспитания в выборе высокохудожественного киноматериала, в поэтапном сопровождении обучающихся-кинозрителей. **Выводы.** Факт изначально низкого уровня зрительской культуры значительной части обучающихся требует системного, целесообразного содействия им со стороны субъектов воспитания, акцента на содержательные аспекты кинопроизведений, соблюдения этических норм поведения, возможного обращения к образам киногероев в последующих процессах обучения, профессионализации.

Ключевые слова: образовательная организация МВД России, организованный досуг, курсанты, воспитательная работа, киноискусство, киноклуб, пострефлексивная беседа, дискуссия, метод примера

Для цитирования: Ульянова И. В. Служебно-профессиональное воспитание курсантов образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга. Часть 2. Киноклуб // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 440–449. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-440-449>

Review Article

UDC 378 © Ulianova I. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-440-449

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Service and Professional Education of Cadets of Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in conditions of Organized Leisure. Part 2. Cinema Club

Irina V. Ulianova, Doctor of Science (in Pedagogy), Professor, Professor at the chair of Pedagogy¹, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, corresponding member of International Teacher's Training Academy of Science; iva2958@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8603-0213>

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 12, Academician Volgin st., Moscow, 117997, Russia

Abstract. Introduction. Article 2 from the cycle «Service and Professional Education of Cadets and Trainees of Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in conditions of Organized Leisure» focuses on cinematography as a mul-

tifunctional type of art, which has a comprehensive impact on the representative systems of a viewer. The goal is to specify the organization and viewer problems that students face in group watching of films, and the forms, methods of overcoming them with the help of the subjects of education. The paper summarizes the experience of forming a viewer culture in conditions of organized leisure. **Materials and Methods.** The author used theoretical analysis of scientific sources on the problem of the research and maps of observation of the cadets' behavior when watching a movie and during post-reflexive conversations. **Results and Discussion.** A questionnaire of film pedagogical competences was developed. It has been proven that it is necessary to avoid sporadically organized movie watching in the educational environment. The role of the initiative group among educational entities in choosing high-artistic film material, in the gradual support of film-viewer students is emphasized. **Conclusions.** The revealed fact of initially low level of a viewer's culture of a significant part of students requires systematic, appropriate assistance from educational subjects, attention to the content aspects of films, observance of ethical norms of behavior, possible appeal to the images of film characters in subsequent processes of training, professionalization.

Keywords: educational organization of the Russian Ministry of Internal Affairs, organized leisure, cadets, educational work, cinematography, cinema club, post-reflexive conversation, discussion, example method

Citation: Ulianova I. V. Service and Professional Education of Cadets of Educational Organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs in conditions of Organized Leisure. Part 2. Cinema Club. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 440–449 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-440-449>

Основные положения

1. Киноискусство — уникальное явление культуры, обладающее не только значительным эстетическим, информационным, но и педагогическим (учебным, воспитательным, профессионально ориентированным, развивающим) потенциалом. В связи с этим существует острая необходимость в его реализации в системе служебно-профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций МВД России.

2. В условиях навязывания современному российскому обществу сомнительных кинообразцов кич-культуры как коммерческих проектов, как примеров самого низкопробного уровня поведения, постмодернистской философии жизни, «киношума», манипулирования российской молодежи крайне сложно ориентироваться в широком разнообразии кинопродукции, отбирать высокохудожественные произведения, содействующие духовному развитию.

3. Знакомство курсантов с художественными и документальными фильмами отечественных режиссеров в значительной мере укрепляет их нравственное самосознание, содействует в конкретизации моральной позиции, постижении диалектики жизни на основе оценивания киноперсонажей как положительных и отрицательных героев, понимании нормативности отношений в традиционном обществе, в профессиональной сфере. У зрителя, особенно молодого, на основе кинопримеров возможно формирование гражданско-патриотической позиции, понимание собственных переживаний. В процессе киносеанса зритель проживает в определенной мере ситуацию социального закалывания как возможность гипотетического нахождения в сложных жизненных обстоятельствах, овладения целесообразными моделями поведения.

4. Для формирования у курсантов зрительской культуры, развития критического мышления необходимо их фасилитативное сопровождение со стороны субъектов воспитания, владеющих основами кинопедагогики (форма киноклуба определяется как наиболее продуктивная). Зрительская культура связана

с наличием навыков теоретических обобщений, эмоциональной отзывчивости, интериоризации гуманистической, профессионально значимой информации, участия в пострефлексивных беседах и дискуссиях по содержанию конкретного кинофильма, написания эссе по его следам, способностью конкретизировать главную идею фильма, запомнить характеристики главных героев, осмысливать важность для себя их позитивных и негативных поступков, соблюдать поведенческий этикет в кинозале.

5. Определена необходимость совершенствования диагностического материала в области кинопедагогики.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Полифункциональность кинематографических произведений позволяет широко использовать киноискусство в образовательном процессе, включая образовательные организации МВД России. С психологической точки зрения киноискусство оказывает непосредственное и одновременное влияние на бессознательное, подсознательное, сознательное в психике человека, т. е. охватывает его целиком [1]. Нами принимается во внимание интенсивное развитие в цивилизованном обществе медиаконтента (телевидение, пресса, радио, кинематограф, видео, интернет и т. д.), однако в связи с его полимодальностью статья ограничена вопросами кинопедагогики как воспитания и обучения курсантов образовательных организаций МВД России при помощи произведений киноискусства в условиях киноклуба.

Кинопроизведения (художественные, документальные фильмы) способны оказывать беспрецедентное воздействие на познавательную сферу зрителя: его внимание, память, воображение, мышление (логическое, образное) обращены к социальным потребностям человека, его морально-нравственной сфере, базовым ценностям, целеполаганию, раскрывают личностные особенности положительных и отрицательных персонажей, выступающих примером или антипри-

мером для подражания. В процессе кинопросмотра происходят идентификация зрителя с тем или иным персонажем или, напротив, отказ от конкретной поведенческой модели, содействуя тем самым укреплению собственной Я-концепции [2; 3].

Функции киноискусства исследователями определяются по-разному, но непротиворечиво [4; 5]. Назовем ведущие из них:

- информационно-познавательная (популяризация знаний и распространение информации);
- эстетическая (культивирование прекрасного);
- воспитательно-обучающая (трансляция системы ценностей, содействие в формировании личностных качеств, социально-поведенческих норм, ознакомление с проблемами отношений, профессионального выбора и пр.);
- коммуникативная (содействие людям в общении, в обсуждении кинообразов, актуальной проблематики);
- идеологическая (возможность пропагандировать ведущие идеи общества: гражданственность, патриотизм и т. д.);
- социальная (создание и поддержание коллективной идентичности, формирование сознания людей как ресурса самосохранения общества);
- психотерапевтическая (возможность получения зрителями нового опыта, объективации тревоги, страхов, переживания катарсиса, поддержки в проживании травматического опыта);
- релаксационная (удовлетворение потребности человека в психологической разрядке, отвлечение от перегрузок);
- профилактическая (предупреждение асоциального поведения);
- методическая (способ развития эстетического вкуса, введение зрителя в содержание конкретной профессиональной деятельности и пр.).

В целом есть смысл говорить о функциональной комплексированности кинопроизведения, ибо оно одновременно обращено к различным семантическим сферам личности.

Е. Н. Савельева отмечает: «В качестве особого механизма реализации коммуникативного потенциала выступают попытки привести в соответствие систему художественных образов и действующую модель социокультурной реальности». Принимая во внимание «жизнеподобие данного культурного мира», исследователь делает акцент на «сюжетной конструкции и характере визуально-пластического решения „фильмической“ реальности», где важно ее соответствие «представлению зрителя о том, что есть „правда жизни“ на экране» [6, с. 136]. Благодаря этому у зрителя усиливается потребность осмыслить увиденное, периодически возвращаться к нему, делиться своими мыслями и переживаниями с окружающими. На основе

данного посыла особого подхода заслуживает выбор высокохудожественных кинофильмов для группового просмотра и их последующего обсуждения.

З. С. Малобицкая в диссертационном исследовании ввела в педагогический лексикон понятие «нравственное кинообразование», подчеркнув, что «изображение и осуждение зла в фильме направляется на формирование у юного зрителя: а) правильной оценки аморальной сущности зла; б) умения видеть его под любой маской; в) противоборствующей личной позиции по отношению к злу — как в интеллектуальной установке, так и в поведении» [7, с. 16]. Ю. Н. Усов разработал и апробировал систему кинообразования школьников, он указал, что «использование метода общения на основе киноискусства позволяет учащимся через мир ценностей этических, культурных, социальных освоить нравственный и гражданский опыт, уточнить свои жизненные позиции, отношение к труду и обществу» [8].

Именно в данном контексте в нашей стране в советский период осуществлялось поэтапное оформление *кинопедагогики*, обращенной к жизни, нравственному становлению подрастающего поколения, молодежи. В. Ю. Пивненко отмечает: «В „школьных фильмах“ 1970-х годов отражены две особенности общественного и педагогического сознания эпохи: интерес к нравственной проблематике и интерес к проблемам соотношения интеллектуального, рационального, „научного“ и эмоционального, „гуманитарного“ взглядов на мир» [9].

История отечественной кинопедагогики на государственном уровне берет свое начало в 20-е гг. прошлого века благодаря организационно-просветительской деятельности Н. К. Крупской, А. В. Луначарского («Кино может бесконечно развернуть горизонт школы») и др. (И. В. Чельшева [10], Л. А. Иванова [11], А. В. Федоров [12] и др.). И если сначала это были отдельные коллективные просмотры кинокартин, эпизодические киноуроки, то постепенно данное направление ширилось и стабилизировалось (с учетом бурного развития кинематографии и системы образования). Уникальными стали режиссерское движение «детско-юношеское кино» (1970–80-е гг.), государственный запрос на выпуск кинофильмов, посвященных деятельности правоохранительных органов, и т. п.

В 1960-е гг. в стране начали появляться стационарные (с официальным членством, дискуссионными площадками, любительскими киностудиями) студенческие кино клубы (Москва, Ленинград, Новосибирск и др.), а также школьные кино клубы, эволюционировавшие с течением времени до уровня городских, региональных объединений, экспериментальных площадок (С. Н. Пензин, Ю. Н. Усов и др.). Однако данное педагогическое направление, при его беспрецедентном

учебно-воспитательном ресурсе, до сегодняшнего дня не обрело официального статуса в федеральном масштабе, несмотря на систематическое проведение Международного форума «Кинопедагогика» и в его рамках VII Всероссийского конкурса «Лучший кинопедагог». Уникальным явлением при этом выступают программы «Аксиология кинопедагогике» в Московском педагогическом государственном университете, программа магистратуры «Медиапсихология и медиаобразование» в Таганрогском институте имени А. П. Чехова (филиал РГЭУ (РГЭУ)). В указанных образовательных организациях развиваются киношкола, киноклуб.

Тем не менее сегодня кинопроизведения широко используются в системе высшего профессионального образования по инициативе отдельных преподавателей. Так, О. В. Ситникова говорит о кинофильмах «с социально-педагогическим содержанием в качестве инструментария информационных технологий с целью формирования у педагогов общей культуры личности и отношения к будущей профессии». Автор отмечает влияние данного метода на «личностный эстетический опыт конкретного субъекта», «ретроспективный подход в ознакомлении молодежи с классическими художественными произведениями прошлого», его возможность «обеспечить дотеоретический уровень научного познания в педагогике» [13, с. 25].

В постсоветский период (1991–2022) аналитические выводы о педагогическом потенциале российской кинопродукции долгое время были связаны с критикой чрезмерной идеологизации искусства советского периода без объективной оценки его морально-нравственного, гуманистического потенциала. Данный исторический период во многом связан с тотальной либерализацией самой образовательной системы страны, что было обусловлено изменением политического строя, нацеленностью на рыночные отношения, культ потребления, в целом на пренебрежение к гуманистическим ценностям [14]. Весьма красноречив в этом случае пример сериала «Бригада» (реж. А. Сидоров, 2002).

Постмодернистские идеи отражаются в специфичных формах, жанрах кинопродукции, это ремейки, ситкомы, телесериалы часто с искусственным микшированием жанров (флешбек, флешфорвард, драмеди). Российской молодежи крайне сложно ориентироваться в широком кинематографическом разнообразии, отбирать высокохудожественные произведения, содействующие духовному развитию.

Следует учесть, что в современном, постиндустриальном обществе ведущий критерий оценивания кинематографических произведений — полученная в денежном эквиваленте прибыль, часто не отражающая художественной ценности кинофильма. При

этом «киношум» (по аналогии с информационным «шумом») как переизбыток кинопотока препятствует критичному и вдумчивому отношению к идейной стороне кинопроизведения.

Многие современные исследователи все активнее выражают тревогу по поводу дегуманизации современной кинематографии, которая широко доступна зрителям любого возраста (реальное соблюдение возрастных ограничений¹ осуществляется весьма условно, слабо контролируется) и в значительной мере наносит моральный, нравственный, психологический ущерб личности, искажая ее представления о традиционной культуре, этике, нормативной лексике и пр. [15]. Уже в 2001 г. Н. Ф. Хилько писала, что «в подростково-юношеской среде продолжает расти прагматизм, отчужденность от культуры, идеалов нравственности, красоты и созидания. Дегуманизация сознания, девальвация нравственно-эстетических ценностей, бездуховность стали характерными чертами молодежной среды» [16, с. 5]. Не случайно в Таганрогском университете А. В. Федоровым и его соратниками уже в первое десятилетие XXI в. была разработана и внедрена в практику Программа учебного курса для педагогических вузов «Насилие на экране и реабилитационные возможности медиаобразования» [17].

Столь же очевидны и факты манипулирования сознанием зрителя (как действий со скрытыми намерениями). О. А. Карлова указывает на то, что «визуальное мышление, пришедшее к человечеству с главным искусством масс-кино, — это мышление допонятийное, напрямую работающее с эмоциональными образами. Оно характеризуется неаналитичным и нецелостным восприятием мира и порождает, по определению Тоффлера, новый тип культуры — культуру „клиповую“. Клип буквально — отсечение, вырезка, отрывок, нарезка, череда коротких, связанных между собой только по времени и месту явлений или событий...». Это мышление, во многом уступающее вербальному: оно фрагментарно и прерывисто, упрощенно и поверхностно... На гуманистическое и философское содержание эпохи, как правило, чутко реагирует только подлинно талантливое авторское кино. Большая часть всемирного кинематографа в любой его национальной ипостаси страдает слепым преклонением перед „звездностью“ и погоней за кассовыми сборами» [18].

Является фиксируемым прецедентом и переизбыток кинопродукции на отечественных телеканалах с начала 2000-х гг., что выражается в следующем. Художественные и документальные кинофильмы транслируются как минимум на 20 федеральных телеканалах, на обязательных общедоступных региональных, муниципальных, городских и на закрытых каналах (которые исчисляются десятками). В данных услови-

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ях зритель далеко не всегда избирателен и действует целенаправленно; нередко срабатывает фактор случайности, сиюминутности или, напротив, бесконтрольных и затяжных кинопросмотров (формируется киномания). Для подростков, юношества подобные досуговые условия преимущественно деструктивны, ибо далеко не всегда молодежь может услышать авторитетное мнение относительно того или иного кинофильма, у многих отсутствует положительный опыт вдумчивого, критичного анализа кинопроизведения.

Художественные кинофильмы, по замечанию А. С. Якобидзе-Гитмана, допускают и тотальную мифологизацию исторических фигур, конкретных исторических событий, бытовой жизни, способную исказить представления зрителей о подлинной реальности [19]. Исследователь настаивает на необходимости различать конкретную жизнь и ее перекодирование на кинематографический язык, правомерно ссылаясь на мнения Аристотеля: «Поэт и историк различаются тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть»; «Поэзия философичнее и серьезнее истории — ибо поэзия больше говорит об общем, история о единичном». Исходя из данного посыла, кинопедагогам следует обучать зрителей грамотному, эстетически обоснованному кинопросмотру, учитывая художественную позицию режиссера, сценариста и других участников кинопроекта, а также формированию собственной точки зрения.

Обращение к содержанию отечественных художественных фильмов, посвященных сотрудникам милиции, полиции, выявляет различные режиссерские мнения об их деятельности. В советский период, несмотря на различные характеристики киноперсонажей, связанных с органами внутренних дел, в кинофильмах всегда был тот образ, который выступал как носитель лучших качеств профессионала, как идеал. Например, кинофильмы «Рожденные революцией» (реж. Г. Кохан, 1977), «Место встречи изменить нельзя» (реж. С. Говорухин, 1979) и пр. и в современную эпоху вызывают не только глубокий интерес у зрителей, но и уважение к защитникам правопорядка. Тогда как в постсоветский период образ представителей органов внутренних дел в кинематографе нередко дискредитируется.

Нельзя обойти стороной и вопрос о зрительской культуре современного юношества, которая в целом отличается низким уровнем этичности (разговоры, пользование гаджетом, реплики во время кинопросмотров), слабой концентрацией внимания на сюжете кинопроизведения, сложностями в понимании режиссерской идеи, в обобщении собственных частных выводов.

Кардинальное изменение идеологической направленности политики Российской Федерации² дало возможность ученым — апологетам гуманистической доктрины объективировать роль гуманистической педагогики в целом и гуманистической кинопедагогики в частности на уровне системы образования, культурно-исторического пространства страны. Тем не менее, учитывая своего рода «зараженность» многих современных школьников и студентов сомнительными образцами кич-культуры, одномоментно переориентировать их сознание на высокодуховное, идейно ориентированное искусство невозможно.

Цель — разработка и апробация методики служебно-профессионального воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга (киноклуба).

Теоретические предпосылки, состояние и степень разработанности проблемы. Методика служебно-профессионального воспитания курсантов образовательных организаций МВД России в условиях организованного досуга посредством кинопроизведений дает возможность субъектам воспитания целенаправленно содействовать обучающимся в развитии их потребностно-мотивационной, эмоционально-волевой, когнитивной, коммуникативной, деятельности, экзистенциальной / смысловой сфер, формировать нравственные, гражданские, профессиональные качества личности.

В условиях группового просмотра кинопроизведений реализуются такие методы воспитания, как эмоциональное заражение, подражание, внушение, убеждение, пример, нравственное наставление / поучение / замечание, рекомендация / совет. В пострефлексивных беседах по содержанию, проблематике кинофильмов, включающих элементы полилога, дискуссии, открывается ресурс для совершенствования у курсантов и слушателей критического мышления, речевых навыков, устойчивой нравственной позиции. Самостоятельная аналитическая работа курсантов продуктивна в формате эссе.

Особо следует подчеркнуть возможность просмотра курсантами кинофильма в условиях киноклуба без его многократного прерывания рекламой, которое разрушает целостность восприятия сюжетной линии, провоцирует появление клипового мышления. В связи с этим обозначим еще одну характеристику клипового мышления — «это процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 ; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [20].

Киноклуб в системе образования — групповая форма воспитания обучающихся на основе художественных и документальных фильмов, включающая в себя информационно-подготовительный, процессуальный, рефлексивный этапы. Вместе с тем это форма организованного досуга обучающихся, субъектов воспитания, способствующая формированию общих взглядов, мировоззренческих позиций. Киноклуб весьма традиционная форма и для учебной, и для воспитательной работы в условиях общего среднего, высшего образования. С точки зрения О. А. Баранова, «киноклуб предусматривает систему формирования художественных вкусов своих членов, предполагает высокий уровень подготовки, их умения творчески самостоятельно мыслить. В его составе нет пассивных наблюдателей» [21, с. 44]. На основе этого достигаются ближние и дальние цели медиапедагогики. «Ближайшая — помощь эстетическому восприятию кинопроизведений. Конечная — формирование всесторонне развитой личности с помощью киноискусства» [21, с. 46].

В монографии Е. В. Мурюкиной на основе опыта отечественных кинопедагогов (О. А. Баранова, Е. А. Бондаренко, С. Н. Пензина, Г. А. Поличко, Г. Ю. Франко и др.), обобщения достижений научной школы А. В. Федорова описываются программы киноклубов для студентов, школьников с учетом их возрастных особенностей. Показано, что тематическое содержание киноклуба может быть обращено к изучению основ экранной культуры, в начальной школе — к сказкам А. Роу, детским фильмам, снятым по мотивам литературных произведений; эстетически ориентированные занятия киноклуба для подростков, юношества связаны с патриотической, военной, нравственной тематикой, вопросами первой любви, самоопределения, конкретизации жизненных перспектив с последующим выполнением творческих работ (сочинениями); к анализу зрителями-студентами мультипликационных фильмов и их педагогической направленности, обсуждению кинопроизведений, посвященных героизму русского народа; изучению творчества известных кинорежиссеров и пр. [22].

На основе многолетних теоретико-практических изысканий Ю. Н. Усов уточнил процессы, в которые вовлекается зритель во время кинопросмотра: «1) восприятие динамически развивающихся зрительных образов; 2) сохранение в памяти уже прошедших на экране звукопластических мотивов, элементов звукозрительного образа; 3) предвосхищение того, что еще появится на экране. Но интенсивность такого процесса возможна при условии, если зритель обладает определенными навыками киновосприятия, соответствующими трем вышеназванным моментам:

1) навыки анализа и синтеза, 2) острота реакции на поток зрительных образов (наличие зрительной памяти), 3) умение преодолеть в себе стереотипность восприятия, творческая активность, раскованность при встрече с фильмом» [23, с. 60]. Данные навыки ученый назвал «аудиовизуальной грамотностью».

В «Основах экранной культуры» Ю. Н. Усов представил алгоритм постижения зрителем экранной реальности:

1. Созерцание экранной реальности.
2. Выявление в ней смысловых частей киноповествования (кадры, эпизоды, события, сцены).
3. Синтез смысловых частей в образном обобщении, в названии конкретной темы.
4. Осмысление ассоциативных связей, многоплановости киноповествования.
5. Определение своего отношения к увиденному на экране [24].

В настоящее время в системе высшего образования киноклубы функционируют преимущественно в контексте профиля профессиональной подготовки студентов, прежде всего педагогов, психологов, благодаря чему сопрягаются учебные и воспитательные задачи образования студентов, курсантов, а киноматериал выступает в качестве прообраза профессиональной действительности. Примерами могут служить Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский институт психоанализа [25]. Однако валидный диагностический материал, способный обосновать эффективность воспитательных ресурсов киноклуба, пока не объективирован. В научных источниках превалирует информация преимущественно психологического содержания, связанная, в частности, со структурой жанровых предпочтений молодежной аудитории; выявлением связей между кинопредпочтениями и социально-демографическими, индивидуально-психологическими характеристиками личности [26] и пр.

В научных исследованиях, посвященных изучению и проектированию организованного досуга курсантов образовательных организаций МВД России, киноклуб не фигурирует в качестве актуальной формы воспитания. В основном он только указывается как вариант культурно-досуговой деятельности наряду с гостинными, кружками, конкурсами и др. [27]. В целом научно-исследовательский приоритет в организации досугового времени курсантов пока отдается мероприятиям физкультурно-спортивной направленности [28; 29].

Своего рода исключением в данной сфере выступает статья В. В. Коврова и О. А. Якуриной, в которой киноклуб обозначен средством организации социально-педагогической деятельности с курсантами, представлен первичный методический арсенал

соответствующей воспитательной работы. Однако последующее развитие в трудах исследователей кинопедагогика не получила [30].

Материалы и методы

Изучение эффективности киноклуба как организованной формы досуга курсантов Института психологии служебной деятельности, служебно-профессионального воспитания системно осуществлялось в течение одного (2024/25) учебного года. Выборка составила 160 обучающихся 1–4 курсов, возраст респондентов — от 18 до 22 лет. Комплексное методическое сопровождение данного направления только начинается. Вместе с тем разработаны и апробированы следующие диагностические методики (опросники, оценочные листы, карта наблюдений, эссе): «Оценка качества условий для проведения встреч курсантов в киноклубе», «Какой я кинозритель?», «Готовность к кинодискуссиям», «Знания в сфере отечественного кинематографа» (опросник кинопедагогических компетенций), Карта наблюдений за поведением курсантов в период кинопросмотров и пострефлексивных бесед, эссе по результатам просмотра документального фильма.

Результаты и обсуждение

Этапность развития киноклуба. В связи с наблюдаемыми проблемами курсантов (пилотный проект) в сфере зрительской культуры (в данном случае имеются в виду: 1) готовность к внимательному, сосредоточенному восприятию киноматериала; 2) соблюдение поведенческого этикета), а также методической неразработанностью самого мероприятия была зафиксирована необходимая этапность развития киноклуба. Выделены четыре этапа: первый (вводный) — организационный; второй (основной) — активное развитие; третий (заключительный) — аналитико-оценочный (фиксация итогов, проблем, их изучение); четвертый — реновационный (модернизация, усовершенствование проекта с опорой на позитивные традиции).

Первый этап развития киноклуба — **организационный**. Он изначально обладает стимулирующе-адаптационной функцией. Как показала практика, на него следует отвести два учебных года, содействуя инкультурации обучающихся. Именно данный период прошел апробацию и описан в статье.

В процессе реализации первого этапа киноклуба:

- обеспечиваются комфортные условия встреч курсантов в киноклубе;

- формируется программа развития киноклуба, включая диагностический инструментарий;

- проводится методический семинар для субъектов воспитания (командный и профессорско-преподавательский состав, руководство Института);

- составляется план киновстреч, определяется их тематика;

- уточняются текущие проблемы курсантов-зрителей, связанные с кинематографическими знания-

ми, навыками когнитивной, эмоционально-волевой деятельности, поведенческой культурой;

- разрабатываются информационные карты («Правила поведения в кинозале высококультурного зрителя», «Правила участия в пострефлексивных беседах, дискуссиях»);

- осуществляются пробные кинопросмотры.

В итоге были получены следующие результаты:

1. Ресурсное обеспечение групповых кинопросмотров в Институте психологии служебной деятельности высокого уровня (комфортный кинозал, обеспеченный современной видеотехникой, удобной мебелью; при отсутствии одного параметра — будет средний уровень, двух — низкий).

2. Программа развития киноклуба, включая диагностический инструментарий, — частичная готовность, осуществляется уточнение ряда параметров.

3. В начале учебного года проведен методический семинар для субъектов воспитания (командный и профессорско-преподавательский состав, руководство Института): информирование, обсуждение предложений, принятие общих правил.

4. Оформлен План киновстреч, определена их тематика. Встречи в киноклубе системные и плановые, распределены в расписании по датам, по курсам. Цикличность просмотров заключается в том, что каждый курс (это два учебных взвода в количестве 40–50 человек) один раз в два месяца приглашается на киносеанс. Первое занятие с каждой группой проводится с кратким информационным выступлением ведущего: подчеркивается роль киноискусства в развитии личности, общества, профессионализации, раскрывается его специфика; рассказывается, как планируется работа киноклуба, объясняются структура встреч, правила этикета. Название кинофильма не анонсируется, чтобы создать ситуации позитивных ожиданий, зрительских открытий. Тематический модуль художественных и документальных кинофильмов (табл.) отражен в Плане работы киноклуба, где отмечены ведущие виды воспитания курсантов.

Включенное наблюдение за поведением курсантов и их зрительской активности, кинознаниями позволило сделать следующие выводы:

- в начале учебного года многие курсанты испытывали затруднения в саморегуляции, концентрации внимания на сюжетной линии, кинособытиях (40%), к концу учебного года их количество уменьшилось (20%); вместе с тем обучающиеся стали более отзывчивыми на уровне эмоциональных реакций, сопереживаний киногероям;

- в течение всего учебного года курсанты транслировали низкий уровень эрудиции в области отечественного киноискусства, что выражалось в незнании отечественных режиссеров мирового уровня (С. Бондарчука, М. Ромма, А. Тарковского, Г. Дане-

лии), ведущих артистов (Н. Бурляева, Т. Дорониной, Н. Сазоновой и др.); положительной динамики нет, выявлена необходимость оформлять стендовые информационные справки, например: «Режиссер Х является автором следующих известных кинофильмов», «Актер Х снимался в следующих известных кинофильмах», «Рекомендуем посмотреть и обсудить...»; информировать курсантов об экранизации известных литературных произведений, о кинофильмах служебно-профессиональной направленности;

— к концу учебного года курсанты стали более четко и убедительно обосновывать свои высказывания, мнения по поводу кинопроблем, однако пока динамика в этом плане невысока.

Ограниченные возможности статьи не позволяют представить все разработанные диагностические, раз-

Таблица. Тематический модуль художественных и документальных кинофильмов
(Table. Thematic feature and documentary film module)

Название кинофильма	Ведущие виды воспитания
Сентябрь	
«Инспектор ГАИ» (реж. Э. Уразбаев, 1982)	профессиональное
«Вор» (реж. П. Чухрай, 1997)	профессиональное
Октябрь	
«Ко мне, Мухтар!» (реж. С. Туманов, 1964)	профессиональное
«Внимание! Всем постамам...» (реж. И. Вознесенский, 1985)	профессиональное
Ноябрь	
«Иваново детство» (реж. А. Тарковский, 1962)	патриотическое
«Был месяц май» (реж. М. Хуциев, 1970)	патриотическое
Декабрь	
«Крик тишины» (реж. В. Потапов, 2019)	патриотическое
«Иван Макарович» (реж. И. Добролюбов, 1968)	патриотическое
Январь	
«Волчок» (реж. В. Сигарев, 2009)	нравственное
«Женщины» (реж. П. Любимов, 1965)	нравственное
Февраль	
«Осенний марафон» (реж. Г. Данелия, 1979)	нравственное
«Дневник директора школы» (реж. Б. Фрумин, 1975)	нравственное
Март	
«Сережа» (реж. И. Таланкин, Г. Данелия, 1960)	эмоциональное, семейное
«Мачеха» (реж. О. Бондарев, 1973)	эмоциональное, семейное
Апрель	
«Пацаны» (реж. Д. Асанова, 1983)	профилактическое
«Уроки французского» (реж. Е. Ташков, 1978)	профилактическое
Май	
«Обыкновенный фашизм» (реж. М. Ромм, 1965)	патриотическое
«Офицеры» (реж. В. Рогов, 1971)	патриотическое
Июнь	
«Праведник» (реж. С. Урсуляк, 2023)	национально-интернациональное
«Добровольцы» (реж. Ю. Егоров, 1958)	национально-интернациональное
Июль	
«Легенда № 17» (реж. Н. Лебедев, 2013)	физическое
«Родина» (реж. К. Статский, 2025)	физическое

вивающие методики. Тем не менее приведем **базовые вопросы для пострефлексивной беседы:**

1. О чем кинофильм? Какова его тема?
2. Какие проблемы, вопросы затронуты в кинофильме?
3. Какой исторический период представлен?
4. Главные персонажи?
5. Как развивается сюжет? Наиболее запомнившиеся эпизоды, фрагменты. Почему?
6. Какие символы присутствуют в кинофильме? Что они подразумевают?
7. Какова главная идея кинопроизведения? С чем хотел обратиться кинорежиссер к зрителям?
8. Что кинофильм открыл нового? Важного? Чем удивил?
9. Чем обогатил кинофильм в личностном плане?
10. Чем обогатил кинофильм в профессиональном плане? В служебном?

В связи с вышесказанным следует подчеркнуть правомерность фиксации второй ступени адаптационного периода, собственно адаптационной (это второй учебный год), когда у большинства курсантов появится потребность участвовать в групповых обсуждениях, дискуссиях, концентрировать внимание не только на психологических характеристиках киноперсонажей, но и на служебных, профессиональных, а также анализировать собственные переживания, умозаключения. В данном случае в деятельности педагогов-организаторов особую значимость приобретают принципы системности, пролонгированности, культуросообразности.

Вместе с тем выявлено, что на уровне письменных работ обучающимся намного легче высказывать собственное мнение относительно социальных, политических проблем. В частности, групповой просмотр документального фильма М. Ромма «Обыкновенный фашизм» укрепил у курсантов чувства гражданственности, патриотизма, сострадания, ответственности, что они подчеркнули в своих эссе.

Первичный опыт глубоко осознанного просмотра предлагаемых кинофильмов в рамках киноклуба привел значительную часть курсантов-зрителей (70%) к заключению об уникальной ценности прикосновения к киноискусству именно в групповом формате (это было выявлено благодаря итоговым рефлексивным беседам).

Важным ресурсом участия курсантов Института психологии служебной деятельности в работе киноклуба стала возможность экстраполяции уже известного киноматериала в контекст учебных занятий (лекций, семинаров).

Выводы

Киноискусство — уникальное педагогическое средство воспитания и обучения подрастающего поколения (школьников, студентов, курсантов), благодаря которому возможны актуализация самосознания

личности, развитие всех ее сфер, сплочение как отдельной учебной группы, так и нации в целом. Вместе с тем кинопроизведения максимально легко и быстро способны нанести серьезный ущерб и отдельному человеку, и обществу, если их содержание не ориентировано на традиционные ценности. Выраженная дуальность обозначенного феномена — своего рода сигнал современному педагогическому сообществу: необходима оперативная и системная деятельность в сфере гуманистического воспитания школьников, студентов, курсантов, конкретизация социальных норм и требований при актуализации экзистенциальных вопросов бытия, в том числе посредством кинопроизведений и их обсуждения. При этом очевидна необходимость кинообразования педагогического корпуса страны, связанного со всеми ступенями образования.

Особое место киноискусство занимает в процессе воспитания и обучения курсантов образовательных организаций силовых ведомств, включая МВД России, когда мировоззренческие идеи служения, долга, самоотверженности воспринимаются обучающимися посредством значимых художественных образов, выступающих в качестве примера, морально-нравственного идеала.

Практика показала, что опыт курсантов в аналитическом подходе к кинопроизведениям весьма скромный, в их школах кинопросмотры были ситуативны, кино клубы отсутствовали (в нашей выборке). В связи с этим у значительной части курсантов-зрителей недостаточно сформирован эстетический вкус, слабы

знания в области жанровой стилистики киноматериала, истории отечественной кинематографии и пр. Следовательно, начало работы кино клуба необходимо разделить на ознакомительно-адаптационный, а далее — сущностно-адаптационный периоды, вовлекая курсантов в осмысленный кинопросмотр, развивая эмоциональную отзывчивость, критическое мышление, аналитические способности, интерес к служебно-профессиональной деятельности.

Доказана максимальная эффективность именно группового просмотра кинофильмов (до 50 чел.) в присутствии субъектов воспитания, благодаря чему в кинозале создается атмосфера общего сопереживания, наблюдается эмоциональное единение, повышается концентрация внимания, укрепляется связь поколений. Особую значимость после просмотров приобретают рефлексивные беседы, дискуссионные ситуации, написание эссе.

Экстраполяция содержания изученных фильмов в последующем в учебные занятия в качестве целесообразных иллюстраций, примеров позволяет расширить диапазон актуальных профессиональных ситуаций, способов решения личностных, служебных проблем курсантов.

Область применения и перспективы. Выбор совета клуба, передача организационных полномочий обучающимся, создание фильмотеки факультета, оформление методических пособий, содействующих служебно-профессиональному воспитанию курсантов. Совершенствование диагностического инструментария.

Список источников / References

1. Пасечник А. С., Жислина Д. В., Карпова М. А., Демарин В. А. Влияние киноиндустрии на сознание человека // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 5. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/05/82236> (дата обращения: 18.03.2025).
2. Сарбаст Ибрахим Расол. Современное искусство и законы психологии восприятия // Кронос. 2019. № 3(17). С. 24–29.
3. Аюпова (Абдрахманова) Р. О. Формирование визуальной культуры у молодежи в условиях дополнительного художественного образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/47PDMN521.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).
4. Ситникова О. В. Кинопедагогика как средство художественного метода в педагогическом образовании : метод. пособие для педагогов. СПб., 2020. 46 с.
5. Захарова Е. И., Карабанова О. А. Кинотерапия: современный взгляд на возможности применения // Национальный психологический журнал. 2018. № 2(30). С. 57–65.
6. Савельева Е. Н. Традиционные и инновационные аспекты коммуникативного потенциала киноискусства // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2(19). С. 129–136.
7. Малобицкая З. С. Киноискусство как средство нравственно-эстетического воспитания учащихся старших классов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Алма-Ата, 1979. 23 с.
8. Усов Ю. Н. Кинообразование как средство эстетического воспитания и художественного развития школьников : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1988. 362 с.
9. Пивненко В. Ю. Фильмы о старшеклассниках как отражение тенденций советского воспитания 1970-х годов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 1. С. 206–208.
10. Чельшева И. В. Теория и история российского медиаобразования. Таганрог, 2006. 206 с.
11. Иванова Л. А. Линия кинообразования в педагогике России (конец XIX — XX вв.) // Magister Dixit. 2012. № 2. С. 73–93.
12. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. Таганрог, 2004. 340 с.
13. Ситникова О. В. Кинопедагогика как средство художественного метода в педагогическом образовании // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 4. С. 125–142.
14. Ульянова И. В. Педагогика XXI века : монография. М., 2017. 295 с.
15. Вострикова Е. Ю., Спутницкая Н. Ю. 40 лет насилия: мониторинг кинопериодики // Телекинет. 2018. № 3(4). С. 36–72.

16. Хилько Н. Ф. Экранная культура: медиасистемы и технологии. Омск, 2003. 104 с.
17. Федоров А. В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог, 2004. 418 с.
18. Карлова О. А. Человек экрана: архитектура грез и шаблоны будущего. URL: <http://gornovosti.ru/tema/interview/chelovek-ekrana-arkhitektura-grez-i-shablonybudushchego444445546.htm> (дата обращения: 14.02.2025).
19. Якобидзе-Гитман А. С. История как «предмет подражания»: сталинская эпоха в постсоветском кино : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009. 25 с.
20. Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде. Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf/> (дата обращения: 25.03.2025).
21. Баранов О. А. Медиаобразование в школе и вузе. Тверь, 2002. 87 с.
22. Мурюкина Е. В. Эстетические традиции медиаобразования в современных киноклубах для школьников и студентов : монография / под ред. канд. пед. наук, доц. И. В. Чельшевой. Таганрог, 2014. 200 с.
23. Усов Ю. Н. Методика использования киноискусства в идейно-эстетическом воспитании учащихся 8–10 классов. Таллин, 1980. 125 с.
24. Усов Ю. Н. Основы экранной культуры. Программа и методические рекомендации. М., 1993. 88 с.
25. Казакова Л. П., Данилов С. И. Возможности психологического киноклуба в подготовке курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» // Человеческий капитал. 2021. № 4(148). С. 181–191.
26. Кубрак Т. А., Гребенищикова Т. А., Павлова Н. Д. Психологический портрет современного кинозрителя: структура и связи кинопредпочтений // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10, № 4. С. 5–19.
27. Романюк О. Н. Значение культурно-досуговой деятельности образовательных учреждений системы МВД России в формировании необходимых профессиональных компетенций будущих сотрудников // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 2. С. 111–116.
28. Гаджиев М. А. Изучение социально-педагогических особенностей формирования досуга курсантов вузов МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60. С. 79–81.
29. Сиротинина Р. Л. Физическая культура как средство воспитания духовно-нравственных качеств современной молодежи // Орловский государственный институт культуры как фундаментальный центр сохранения и развития отечественной культуры : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2017. 450 с.
30. Ковров В. В., Якурина О. А. Воспитательная работа с курсантами образовательных организаций МВД России средствами организации социально-педагогической деятельности киноклуба // Воспитание и обучение: теория, методика и практика : мат-лы XI междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 372–385.

Поступила 05.05.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Научно-теоретическая статья

УДК 378 © Нефедова Л. К., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-450-458

5.8.7. Методология и технология профессионального образования; 5.7.8. Философская антропология и философия культуры

Ценностные смыслы духовной культуры в основании культурных практик

Людмила Константиновна Нефедова, доктор философских наук, профессор, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой философии¹, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Философия образования и философия в образовании»; konstans50@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0005-3940-4488>

¹ Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, ул. Партизанская, 4 А, Россия

Реферат. Введение. Цель — осмысление философских оснований духовной культуры, прояснение ее статуса в контексте понимания культуры в целом, раскрытие диалектики ее ценностных смыслов. **Материалы, результаты и обсуждение.** Смыслы духовной культуры в основании культурных практик — это принципиальный философский теоретический вопрос, предполагающий обращение к теоретическим разработкам по онтологии и антропологии культуры. Однако актуализация в отечественной культуре задач духовного воспитания и образования не позволяет оставаться исключительно в сфере теоретического дискурса, поэтому теоретические прояснения направлены на конструирование образовательных практик, адекватных рассматриваемому предмету — духовной культуре. **Выводы.** Осмысление и выявление философских оснований духовной культуры в культурных практиках — ответ на вызов времени, требующий обращения к духовному опыту отечественной культуры в его теоретическом и прагматическом аспектах в прояснении философских оснований этого опыта, для его сохранения, передачи, в разработке среднесрочной и долгосрочной стратегии развития образования РФ на период до 2036 г. с перспективой до 2040 г.

Ключевые слова: духовная культура, философские основания, ценностные смыслы, культурные практики

Благодарности. Статья подготовлена в рамках междисциплинарной научной лаборатории ОмГПУ «Философия образования и философия в образовании». Выражаю глубокую благодарность научному отделу университета, коллегам — историкам и психологам за поддержку и участие в работе научной лаборатории «Философия образования и философия в образовании».

Для цитирования: Нефедова Л. К. Ценностные смыслы духовной культуры в основании культурных практик // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 450–458. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-450-458>

Scientific and Theoretical Article

UDC 378 © Nefedova L. K., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-450-458

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education; 5.7.8. Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture

Value Meanings of Spiritual Culture as the basis for Cultural Practices

Lyudmila K. Nefedova, Doctor of Science (in Philosophy), Professor, Candidate of Science (in Pedagogy), deputy-head of the chair of Philosophy¹, head of Science and Research Laboratory «Philosophy of Education and Philosophy in Education»; konstans50@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0005-3940-4488>

¹ Omsk State Pedagogical University, 4 A, Partizanskaya st., Omsk, 644099, Russia

Abstract. Introduction. The aim is to comprehend the philosophical foundations of spiritual culture, to clarify its status in the context of understanding culture as a whole, to reveal the dialectics of its value meanings. **Materials, Results and Discussion.** The meanings of spiritual culture in the basis of cultural practices constitute a fundamental philosophical theoretical question, which implies a reference to theoretical developments on ontology and anthropology of culture. However, the actualization of tasks of spiritual education and education in the domestic culture does not allow us to remain exclusively in the sphere of theoretical discourse, so theoretical clarifications are aimed at constructing educational practices, appropriate to the subject under consideration — spiritual culture. **Conclusions.** Comprehension and identification of philosophical bases of spiritual culture in cultural practices is a response to the challenge of time, requiring recourse to the spiritual experience of domestic culture in its theoretical and pragmatic aspects in elucidating the philosophical bases of this experience, for its preservation, transmission, elaboration in the development of a medium- and long-term strategy for the development of education in the Russian Federation up to 2036, with a perspective until 2040.

Keywords: spiritual culture, philosophical bases, meanings, cultural practices

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of interdisciplinary scientific laboratory of Omsk State Pedagogical University «Philosophy of Education and Philosophy in Education». We extend our deepest gratitude to the scientific department of the university, as well as our colleagues – historians and psychologists, for their invaluable support and participation in the work of scientific laboratory «Philosophy of Education and Philosophy in Education».

Citation: Nefedova L. K. Value Meanings of Spiritual Culture as the basis for Cultural Practices. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 450–458 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-450-458>

Основные положения

1. Раскрытие ценностных смыслов духовной культуры предполагает прежде всего прояснение философских оснований в понимании духовной культуры. Отсюда вытекает необходимость прояснения самой дефиниции духовной культуры, ее места в культуре в целом.

2. Онтологический статус духовной культуры определяется ее целостным единством с материальной культурой, при том что культура едина в ее раздвоенности на материальный и духовный модусы бытия.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Уже более двух десятилетий вузовская подготовка специалистов по социально-гуманитарному направлению (философии, конфликтологии, истории, правоведению, религиоведению, культурологии и т. д.) содержит дисциплины, предполагающие раскрытие смыслов культуры, акцентируя ее духовные формы. При этом понятие «духовная культура» все чаще непосредственно включается в название учебных дисциплин в вузах России¹. Показательно в этом плане достаточно широкое использование в течение двух последних десятилетий самого понятия духовной культуры в научных статьях, монографиях, а также в учебниках, словарях, учебных материалах в интернете, адресованных студентам и старшеклассникам. Как правило, феномены духовной культуры представлены сферами искусства и религии. Безусловно, обращение к искусству и религии позволяет наглядно раскрывать ценностные смыслы аспекта духовности культуры, а также актуализировать культурные практики освоения самих феноменов искусства и религии, подводить обучающихся не только к их пониманию как духовных формообразований, но и к непосредственной интеграции ценностных смыслов искусства и религии в сами социокультурные практики вхождения человека в культуру и социум.

В связи с этим методология настоящей статьи предусматривает как подчеркнута теоретическую рефлексию категориальных смыслов духовной культуры, так и образовательно-воспитательный отечественный опыт, явно и имплицитно нами учитываемый. Например, опыт включения в школьное и вузовское образование предмета мировой художественной культуры (далее — МХК) по программе Л. М. Предтеченской. Предложенная система была открыта для развития, модификаций и привлекла к творчеству педагогов разных специальностей: историков, филологов, музыкантов, преподавателей изобразительного

искусства и иностранных языков, создававших свои модели приобщения к духовной культуре на основе искусства. Разрабатывались инварианты программы МХК с доминированием либо истории, либо отдельного вида искусства: музыки, изобразительного искусства, литературы. Создавались авторские методики, апробировавшие идеи содружества разных видов искусства. В Омской области на рубеже XX–XXI вв. авторские программы по МХК были разработаны кандидатом педагогических наук преподавателем музыки ОмГПУ Н. А. Зубачевской, учителями Г. Л. Риф, И. В. Солодовниковой, Я. В. Сунцовой. Этот опыт был широко представлен в педагогическом сообществе Омска, применяется он и в настоящее время. В основу материала и метода положена также и вузовская практика включения в подготовку учителей социально-гуманитарного цикла культурологии, а также и разработка направлений подготовки специалистов по истории и теории культуры, по религиоведению, по философии культуры и философской антропологии. В целом отечественное образование располагает основательной теоретической, научно-методической базой, опытом, накопленным и осмысленным тысячами педагогов, приобщавших учащихся на всех уровнях образования от детского сада и начальной школы до вуза к основам духовной культуры. Предмет МХК в настоящее время в школах не ведется. Однако теория и практика преподавания разных видов искусства на уроках МХК в 70–90-е гг. прошлого века и в нулевые годы XXI в. находит сегодня продолжение в проектах внеучебной деятельности — региональных и всероссийских олимпиадах по искусству. Теоретическая рефлексия культуры в целом и рефлексия ряда культурных форм, опыт работы на разных образовательных уровнях и его методическое осмысление — все это представляет бесценное наследие философии культуры и истории отечественного образования. Однако использование этого наследия не может быть механическим, но требует учета современных социокультурных условий, а также углубления философской аргументации в ответе на известные в российском образовании классические вопросы: «Чему учить? Как учить? Почему так, а не иначе?» Отсюда вытекает вопрос о необходимости прояснения философских оснований формирования представлений, знаний, понимания духовной культуры в образовательных практиках.

Целостный подход к образованию человека, заявленный научной лабораторией ОмГПУ «Философия образования и философия в образовании», теорети-

¹ См., напр.: Курс «Духовная культура России». URL: <https://sibsport.ru/universitet/podrazdeleniya-universiteta/fakultety-universiteta/fakultet-zaochnogo-i-distantionnogo-obucheniya/materialy-fakulteta-zaochnogo-obucheniya/dukhovnaya-kultura-rossii> (дата обращения: 15.06.2024); Курс «Духовные ценности российского народа». URL: <https://www.yaklass.ru/p/obshchestvoznanie/10-klasse/bogatstvo-dukhovnoi-kultury-7137110/sovremennaya-kultura-7196320/re-638d2ab2-681d-486e-bc5b-924e88673309> (дата обращения: 15.06.2024).

чески и практически разрабатываемый уже в течение двух лет в межпредметном и межфакультетском проекте кафедрой философии университета, имеет целью формирование духовной сферы обучающихся — будущих педагогов, а через них и их будущих учеников.

Необходимость осмысления философских оснований пронизывает и стягивает воедино всю проблематику лаборатории: культуру и антропологию детства, культурный конфликт, антропологический профиль региона, социокультурную норму, эстетическое воспитание, смыслы русской философии и целый ряд вытекающих отсюда аспектов, представленных участниками лаборатории в организационной и методической работе как со студентами, так и с педагогами специального профессионального образования, ведущими философские и социокультурные дисциплины.

Цель — осмысление философских оснований духовной культуры, прояснение ее статуса в контексте понимания культуры в целом, раскрытие диалектики ее ценностных смыслов.

Материалы, результаты и обсуждение

Воспитательно-образовательные возможности духовной культуры и ее статуса. Вычленение двух феноменов культуры в качестве представителей ее духовной сферы является механическим, ограничивает полноту понимания смысла духовной культуры, ее онтологического статуса, следовательно, в целом не способствует раскрытию методологических и воспитательно-образовательных возможностей духовной культуры. В поле зрения здесь не попадает понимание предмета духовной культуры как таковой и ее места в культуре в целом, тогда как современные практики социализации и инкультурации все более настоятельно требуют опоры на методологические возможности предмета обучения, в нашем случае — на методологический потенциал духовной культуры. Это обуславливает необходимость осмысления философского статуса духовной культуры как предмета обучения, что прежде всего означает теоретическое философское конструирование понятия «духовная культура», чтобы в свою очередь определиться с философским пониманием ее ценностных смыслов и их раскрытием в культурных практиках. Это нужно не просто для того, чтобы помочь обучающимся ознакомиться с наличием феноменов духовной культуры, с духовными ценностями и смыслами, но и для чтобы знание и понимание обрело подлинную мировоззренческую значимость. Термины «духовная культура», «ценности», «смыслы» широко используются в современных социокультурных дискурсах, тем не менее их трактовка бывает неоднозначной, а осмысление образовательных практик приобщения к духовной культуре также пред-

полагает уточнение. Особая потребность в рефлексии определений духовной культуры обусловлена местом культуры в философском осмыслении универсума, ибо культура — одна из четырех базовых форм бытия, наряду с природой, человеком и обществом, следовательно, философское обращение к культуре строится на категориальных смыслах бытия и познания, а именно на онтологии и гносеологии.

Сегодня, в первой четверти XXI в., уточнение онтологического статуса духовной культуры в отечественной философии культуры и в практике образования связано и с тем, что категория духовности вышла из тени, в которой пребывала в дискурсе советской материалистической философии, перестала подвергаться принудительной редукции и уже более двух десятилетий нуждается в продолжении осмысления своей специфики, в преодолении границ религиозного и художественно-эстетического понимания. Не лишним будет обращение к так называемому основному вопросу философии о первичности материи и духа, в рефлексии которого в истории отечественной философии также имеет место некая непроясненность. В советское время в вузовских курсах по истории зарубежной философии (Декарт, Спиноза, Беркли, Гегель и т. д.) благополучно пребывали категории материальной и духовной субстанции, абсолютного, объективного и субъективного духа, будучи допущены в академический отечественный дискурс с рядом оговорок, подчеркивающих, что «диалектический материализм не сводит духовное к простой сумме ощущений и отвергает представление о нем, как о чем-то существующем независимо от материи»². Заметим, что в приведенном определении имеют значение, во-первых, признание онтологического статуса духа, во-вторых, указание на связь категорий духа и материи, что имплицитно содержит интенцию к обнаружению связи и с производными от них аспектами материального и духовного по отношению к различным феноменам бытия, в том числе и к культурным формам.

Существенный вклад в понимание духовной культуры внесла русская религиозная философия, вернувшаяся в отечественный дискурс в конце XX в. с концепциями смысла небесной истории Н. А. Бердяева, общего дела возвращения к жизни дедов и прадедов Н. Ф. Федорова, человеческого всеединства С. В. Соловьева, культуры как культа в творчестве П. А. Флоренского. Русская философия разработала антропоцентристские и историософские концепции духовной культуры от рефлексии ее отдельных форм до глобальной философской мировоззренческой картины мира, представленной П. Флоренским как «Столп и утверждение истины»³. Осмысление категории духа

² Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. М., 1972. С. 125.

³ Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 2003. 640 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhenie-istiny/ (дата обращения: 15.06.2024).

в русской философии осуществлялось в сфере онтологии и философии религии как продолжение рефлексии основного вопроса философии. Отечественная философская антропология транслирует понимание человека через корреляты животного и человеческого [1], природного и культурного, телесного и духовного в нем, с невозможностью провести четкую разграничительную линию между указанными полюсами. Развитие философской антропологии, осмысление отношений «мир и человек», несводимость человеческого бытия к материально-телесному, уникальность и незавершенность человека — все это вело к имплицитному и явному признанию трансцендентного начала человеческого бытия в светской, а точнее, материалистической философии [2]. Признание способности человека к трансцендированию в философской антропологии, понимание его как тела, души и духа [3] не решало в полной мере загадку человека, наличия в нем не только целостности, полноты, но и незавершенности; не только природного, данного, устойчивого, но и культурно изменчивого. Пребывание человека в природно-антропо-социокультурном континууме, будучи пребыванием не только в пространстве, но и во времени, которое являлось ограничителем его как живого существа, также не облегчало культурно-образовательной задачи приобщения к духовной культуре. Из сказанного выше вытекает, что философские основания духовной культуры не сводятся исключительно к формам самой культуры, но также и к человеку как субъекту культуры: ее создателю, хранителю и потребителю в его отношении не только к культуре, но и к себе самому и к миру в целом.

Разумеется, обращение к искусству и религии в сферах общего, специального и высшего образования способствует раскрытию их как форм общественного сознания, исполненных ценностных смыслов, раскрывающих природные основания человека в его отношении к миру и к себе самому, к своему месту в мире, ибо религия и искусство — результат деятельности человеческого сознания (разума, воли, мышления, эмоций, чувственного и интеллектуального опыта). Однако частный характер привязки категории духовности к конкретным культурно-социальным формам обедняет и упрощает универсальный смысл категории духовности как инструмента в раскрытии отношения человека к миру и к себе самому. В свою очередь назначение искусства и религии быть духовными сферами при игнорировании таких форм общественного сознания, как наука, мораль, право, вызывает недоумение, ибо здесь налицо купирование смыслов духовности, которая объективирована во всех культурных формах. Возникает необходимость прояснения понимания феномена «духовная культура».

Определение и прояснение понимания феномена «духовная культура». Выход за границы понимания духовной культуры как узко дисциплинарного абриса искусства и религии в образовательном обиходе возможен через рефлексии ее определений, что находится в сфере философской логики и лежит в основе конструирования понимания модуса духовного бытия культуры, иначе говоря, аспекта духовности культуры как целого. Во времена Декарта и Спинозы здесь следовало бы обратиться к понятию субстанции как основы всего сущего. В стремлении обнаружить этот модус рассмотрим одно из определений с образовательного сайта интернета в целях выявления в нем сущностных характеристик духовной культуры. «Духовная культура — область человеческой деятельности, охватывающая различные стороны духовной жизни человека и общества, а также система знаний и мировоззренческих идей, присущих конкретному культурно-историческому единству или человечеству в целом»⁴.

В дефиниции актуализирован деятельностный подход к пониманию духовной культуры и представлены четыре компонента ее структуры: деятельность, жизнь, знания и мировоззренческие идеи. Эти компоненты — суть, определяющая понятие духовной культуры, и по правилам логики они должны указывать если не на сущностные характеристики, то на существенные признаки определяемого предмета. Однако, обозначая духовную культуру как деятельность, «охватывающую различные стороны духовной жизни человека и общества», определение не фиксирует ни специфику духовной деятельности, ни особенности духовной жизни. (Заметим, что понятия «жизнь» и «деятельность» не дифференцированы.) В прояснении нуждается и то, в каких отношениях с деятельностью и сторонами духовной жизни находится «система знаний и мировоззренческих идей».

Ничего не имея против определения культуры с позиций деятельностно-жизненно-знаниевого подхода, вынуждены заметить, что оно вполне применимо и к понятию материальной культуры, следовательно, не выявляет специфику культуры духовной и не определяет ее.

Для выявления сущностных характеристик духовной культуры необходимо дифференцировать ее от целого ряда иных культурных форм, охватываемых понятием «культура». Любая типология культуры строится на дифференциации одного типа культуры от иных, подчас близких, и на выявлении сущностных характеристик, свойственных определяемому типу. Так, этническая, народная, национальная культура дифференцирована на основе типа носителя — социальной группы; культура научная и художественная —

⁴ Учебник Maximum Education. URL: <https://maximumtest.ru/uchebnik/10-klass/obshchestvoznaniye/dukhovnaya-kultura-obshchestva> (дата обращения: 17.02.2024).

на основе формы деятельности; культура Востока и Запада — на основе территориальной принадлежности и т. д. Соответственно, поиск необходимых оснований для осмысления духовной культуры следует проводить в истоках понимания культуры как формы бытия в пространстве и времени с учетом субъекта культуры, что, в свою очередь, актуализирует дух и материю как бытийные субстанции.

Иными словами, в основание определения духовной культуры целесообразно полагать антитезу духа и материи, оппозицию духовных и материальных аспектов бытия. Данное основание позволяет выявить сущностные характеристики аспектов материального и духовного в конструировании понимания культуры, в глубинных истоках взаимодействия человека и универсума в модусах материи и духа, лежащих в основании культуротворчества. Так, полагаем, определение духовной культуры должно дифференцировать духовный модус от материального модуса в бытии культуры в целом.

Итак, игнорирование способа (модуса) бытия в рассматриваемом определении при, казалось бы, вполне убедительном деятельностном подходе к определению культуры с привлечением частичного синонима «жизнь» (допуск в пользу авторов определения) не приводит к выявлению сущностных характеристик феномена духовной культуры. Все четыре компонента структуры духовной культуры — деятельность, жизнь, знания и мировоззренческие идеи — являются общими для материальной и духовной культуры и требуют пояснения с позиций духовного и материального модусов, поскольку представлены в культуре как духовной, так и материальной, характеризуя культуру в целом как деятельность, жизнетворчество, создание и накопление культурных практик и знаний в материально-символических объектах. Однако здесь вполне может возникнуть вопрос: возможно ли отделить в бытии культуры духовное от материального? Нет ли здесь скрытой провокации или неразрешимого парадокса?

Рассмотрение культуры как результата человеческой деятельности в противоположность природе и одновременно как сферы социальной жизни людей [4, с. 102], соотношенной с культурным воспроизводством, проектированием, творческими практиками и созданием символических благ (искусства, науки, образования), потребовало разведения понимания культуры на материальную и духовную, где материальная рассматривается с позиций деятельности, а духовная — с позиций форм общественного сознания. Это, впрочем, не исключает материальных аспектов любой формы общественного сознания, таких как деятельность, формы социальной организации, продукты деятельности. Квалификация морали, права, транслирующих не только социальную, но и культур-

ную нормы, также предполагает указание и на материальный, и на духовный аспекты. В науке также есть материальный, предметно-вещный и институциональный аспекты, независимо от деления на науки о духе и науки о природе. В целом формы общественного сознания (религия, наука, искусство, право, мораль) представляют собой сложные комплексы, включающие не только аспекты сознания: знание, веру, убеждения, идеи, чувства, эмоции, но и формы деятельности, а также формы организации данной деятельности — социальные институты, способствующие сохранению и развитию результатов деятельности. Иными словами, любое духовное формообразование имеет вполне материальные стороны.

Недостаточность определений понятия духовной культуры — результат нигилистического отношения к категории духовности, исторически сложившийся и утверждавшийся в отечественной (и не только) философии на протяжении ряда десятилетий. Дело и в том, что в отечественной культуре «основной вопрос философии» казался безапелляционно решенным в пользу материи, а дух был оставлен в истории идеалистических учений Античности, Средних веков, в началах Нового времени и в немецкой классической философии — эпохах, еще не располагавших в полной мере ни данными естественно-научного знания, ни сложившимися развитыми дискурсами частного гуманитарного знания. И в том, что понятия духа и духовности несколько десятилетий упорно подвергались явной и имплицитной редукции, рискуя превратиться в понятия пустышек, лишенные содержания, или оставались в сфере религиозной философии. Однако дискурс духовности сохранился в русской религиозной философии, вернувшейся в отечественную культуру в конце XX в., а также и в неспецифических формах русского философствования — искусстве. Русская литература, русское изобразительное искусство, русская музыка, а вкупе с ними и отечественное искусствоведение бережно сохраняли категорию духа, духовности в явных и имплицитных формах рефлексии философско-антропологической проблематики.

Философское осмысление человека в искусстве в частности и в социально-гуманитарном знании в целом было невозможно без обращения к троичной христианской модели человека — тело, душа, дух, принятой в философской антропологии, наряду с двоичной биосоциальной моделью: тело — психика. Троичная модель с включением духа имплицитно угадывалась и в советской художественной культуре, обнаружившей ипостась героя в объективной повседневности человеческого труда, творчества, служения Родине и народу. Духовность подвига в военной прозе, земледельческого труда, преодоления послевоенной разрухи — все это нашло отражение в отечественном искусстве 1960–70-х гг. Искусство обратилось к семей-

ным кланам тружеников, к быту войны, окопной правде — к повседневности. Дух и духовность мыслились как совесть, патриотизм, воля человека. Имплицитная подмена категории духовности была объективирована в дискурсе идеала [5].

В осмыслении онтологического статуса духовности культуры основой может являться позиция М. С. Кагана и его последователей в понимании культуры как формы бытия, наряду с природой, социумом и человеком. Она представлена как самим ученым в учебных пособиях и монографиях, адресованных студентам и аспирантам [6], так и в живом исследовательском потоке XXI в. как «подсистема бытия», в качестве «вне природной и анти природной сферы как специфического аспекта сверхъестественного бытия, диалектически взаимосвязанного с социальным и человеческим его аспектами» [4, с. 47], в ее раздвоенности на материальную и духовную культуру. «Если под материальной культурой понимается предметно-физический мир, связанный с деятельностью человека (средства труда, жилище, одежда, обработанные руками человека природные вещества и объекты), то в качестве духовной культуры выступают те явления, которые имеют отношение к сознанию, интеллектуальным, а также эмоционально-психологическим процессам — языку, обычаям и нравам, верованиям, знаниям, искусству» [7, с. 50]. Как видим, речь идет о раздвоенности культуры, а не о ее разделении на материальную и духовную.

Остановимся на данном понимании и обратимся к месту духовного аспекта культуры в контексте основных форм бытия, понимая культуру как ее «самобытие» [4, с. 124]. Подчеркиваем, что деление культуры на материальную и духовную во многом является условным, поскольку ни одна материальная практика не может обойтись без участия сознания, включающего знание, веру, разум, волю, эмоции, эстетические чувства, ценностные смыслы и т. д. «Отделение способов опредмечивания плодов духовной активности человека от его материально-практических действий было длительным — многосоттысячелетним! — историческим процессом» [4, с. 178]. Таким образом, нецелесообразно абстрагировать духовную культуру от культуры как целостной единой формы бытия, образовавшейся как результат антропосоциокультурогенеза и пребывающей во взаимодействии с такими формами бытия, как *природа — человек — социум*. Любую культуру создает человек в корреляте со своими природными задатками, потребностями, целями сохранения себя как вида, поиском своего места в мире в целом и в конкретном пространственно-временном континууме в частности. Прямое противопоставление материальной и духовной культуры методологически несостоятельно. Во-первых, нельзя сводить духовную культуру к удовольствию, она — духовная

пища, столь же необходимая, как хлеб. Во-вторых, она имеет предметно-вещное бытие: даже артефакты, причисляемые к сонму сакральных предметов духовной религиозной культуры, существуют для человека как результат его деятельности в пространстве, времени и движении, т. е. так или иначе имеют не только сакрально-символическое богодуховенное бытие, но и вполне материальное в форме иконы, храма, книги, музыкального звучания, повторяемого ритуала или обычая. Материальное и духовное в любой культурной форме находятся во взаимной связи и взаимодействии. Так, характеристики звукоизвлечения, такие как форте и пиано, стаккато и легато, в музыке представляют собой культурный материально-технический продукт, способ объективации категории движения, отражение аудиального аспекта мира и интеллектуалистических, эмоционально-эстетических смыслов. Собственно, любой музыкальный текст, от народного трезвучия до симфонических контрапунктов и полифоний, будучи примером взаимосвязи техне и пойнсиса, является репрезентацией единства и взаимосвязи материального и духовного начал культуры.

Духовное начало культуры пронизывает ее материальное содержание. Само понимание культуры как процесса возделывания — наследования — сохранения, практически читаемое в истории как отечественной, так и любой культуры в заповедях, заветах, летописных сводах, завещаниях наследникам, — это через века проросшая трансляция задачи сохранения духовной культуры — функциональной структуры сакрального ядра культуры. Даже в принудительной десакрализации ядра культуры в обществе потребления режимами, переписывающими историю, стремящимися уничтожить историческую память, имеет место симулякр сакрального — символическое потребление. Здесь, даже при утрате смысло-ценностного ядра, суть культуры в ее материально-духовной двойственности явно и имплицитно стремится к самосохранению и репродукции сакрального духовного начала. Духовный аспект имеет интенцию *быть* даже в современной «культуре отмены», субъекты которой утратили гуманистические ценностные смыслы и глубину исторической памяти. Псевдодуховность в «культуре отмены» — постмодернистский симулякр — подобие без образца, а в худшем случае это инфернальные человеконенавистнические идеологии, в то время как подлинное бытие культуры всегда одухотворено идеалом, образцом, ценностными смыслами блага, истины, разума, воли, любви.

Итак, онтологический статус духовной культуры определяется ее целостным единством с материальной культурой, при том что культура едина в ее раздвоенности на материальный и духовный модусы бытия. Онтологический статус духовной культуры позволяет сделать шаг в сторону ее ценностных смыслов [8, с. 34–39]. «Смысл — это общая соотнесенность и связь нахо-

дящихся в понимаемой ситуации явлений»⁵. Будучи соотнесенностью и связью явлений, смысл являет себя через ценность как «духовное формообразование», «абсолют человеческого бытия»⁶. Понимание ценностей и смыслов, как видим, непосредственно связано с пониманием духовной культуры.

Будучи ограниченными рамками статьи, отметим, что аксиологический дискурс достаточно развит в философии и включает множество интересных для образовательных практик идей. Остановимся на методологически принципиальных позициях, которые могут быть представлены как философские основания приобщения обучающихся к духовной культуре. Рассмотрим далее рефлексию ценностных смыслов на основе указанных выше историко-философских академических источников.

История понимания ценностных смыслов восходит к учению о благе в Античности (Сократ, Сенека). Благо древними мудрецами полагалось даже выше истины. Благо явно и имплицитно определяет понимание и ранжир ценностей; в истории культуры выделено два типа ценностей: ценности, связанные с потребностями людей, и ценности надмирные как проявление трансцендентного начала, как над-мирское образование. Ценности — это принципы человеческого поведения, связанные с императивами и максимами. Ценности плюральны. Плюральность ценности представлена в обществе потребления и акцентирует право на идентификацию и самоактуализацию личности, индивида, конкретного человека и социальных групп разного уровня. Диалектика ценностей предполагает их переоценку в транзитивные периоды культуры и социума.

Наиболее значимым во всем перечисленном мы полагаем трансцендентный аспект ценностных смыслов духовной культуры: надмирность, универсальные принципы истины, блага, добра, красоты, гармонии. С позиций религиозной веры можно говорить о богодуховенном начале вечных надмирных ценностей, но можно подойти к их осмыслению с позиций философской антропологии, например Л. Фейербаха, трактующего сущность религии как объективацию сущности человека, как экстраполяцию интенций человека к воплощению своего человеческого идеала [9, с. 30, 41]. В любом случае понимание ценностей и сами ценности — результат не только чувственного опыта и вывода из него рациональных смыслов, что определяет принципы и формы деятельности, поведения и отношения, но и процесс интуитивного познания истины, добра и красоты и форм их идеализации в сознании человечества, т. е. духовных формообразований. Эти формы архивированы в опыте рода, составляют са-

кральное ядро культуры, представляются элементами культурного кода, явно и имплицитно определяющими культурную идентичность той или иной социокультурной общности.

Выводы

1. Уточним положение о взаимодействии материального и духовного начал культуры о ее единстве, целостности и двойственности. Целостность и двойственность культуры в синхронном плане так или иначе предполагают в ней оппозицию духовного и материального аспектов. Оппозиция всегда указывает на взаимосвязь, тождество и различие взаимосвязанных сторон и на целостность оппозиционной модели. Так, будучи взаимосвязанными, духовное и материальное начала культуры являют целостность бытия культуры, тождество и различие духовного и материального начал в различных сферах культуры: в практиках возделывания культуры как второй природы, в получении и архивировании знаний, в разработке идей, проектов и их внедрении, в сохранении культурных артефактов. При этом обнаруживается парадокс трансцендентности материального и утилитарности духовных культурных объектов. Так, сакрально-символический статус обретают конкретные предметно-вещные объекты, имеющие подчас известную конкретную рукотворную историю своего происхождения. Это иконы, храмы, картины, тексты книг и музыкальных произведений. Таковы, например, Владимирская Божья Матерь, увезенная Андреем Боголюбским из Вышгорода в Ростово-Владимирские земли, ставшая сакральным символом витального центра формирования русской государственности; Московский Кремль, на протяжении своей истории ни разу не взятый врагом с боем. В материальном бытии, в пространстве и времени, будучи кем-то созданным, пребывает великое множество артефактов, знаний, идей, практик. Выступая, безусловно, объектами духовной культуры, все это множество являет мастерство своего создателя, раскрывает смыслы, которыми руководствовались создатели данных артефактов, продолжает транслировать ценностные смыслы культуры вопреки пространству и историческому времени, меняя смыслы настоящего, влияя на будущее. Раскрытие смыслов древних преданий и писаний, а также хрестоматийно известного материала через его перечитывание, переосмысление позволяет обнаружить себя не только в настоящем суетном времени, но наследником и хранителем сокровищ духовной культуры.

Понимание онтологического единства материального и духовного аспектов культуры дает возможность оптимального раскрытия общего, единичного

⁵ *Всемирная энциклопедия: Философия XX век*. М., 2002. С. 710–711.

⁶ *Новейший философский словарь* / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина ; под общ. ред. А. П. Яременко. Изд. 3-е. Ростов н/Д, 2008. С. 614–616.

и особенного в понимании духовной культуры как ипостаси культуры в целом. Философское обоснование формирования культурных образовательных практик способствует обновлению содержания духовного воспитания, его расширению и углублению.

2. Проведенная рефлексия вывела нас на модель диалектики культурных форм от синкретизма к трансцендентности, а затем к синергии. Это предмет отдельного теоретического изыскания автора настоящей статьи, здесь мы обозначили лишь некоторые основные ступени диалектики духовного аспекта в бытии культуры.

Так, в истоках культурных практик имеет место синкретизм культурных форм, создаваемых человеком как субъектом культуры. Феномен синкретизма, т. е. слитности, нерасчлененности форм, зафиксирован в архаических феноменах культуры, в рефлексии истоков искусства. Например, единство видов искусства в религиозном ритуале неизменно от древнейших времен до настоящего времени. Слово, танец, музыка, различные виды изобразительного искусства вкуче представляют содержание и форму ритуала, который в чистом виде является сакральной (духовной) практикой. Синкретизм имеет место в формах современного искусства, требующего коллективного участия: театр, кино, цирк. Архетипический синкретизм предметно-вещного и символического начал в истоках культуры выражается во взаимопроникновении и взаимодействии различных культурных практик: религиозных ритуально-обрядовых, трудовых, художественных, военных, воспитательных.

Синкретизм есть точка сборки коммуникационных интенций, энергийный механизм трансляции и приема содержания в коммуникации субъекта и трансцендентного начала. Данный механизм действует в режиме: вызов — ответ. При этом вызов — обращение субъекта к трансцендентному — предполагает получение им ответа и помощи в различных ее формах: намеках, подсказках, откровениях. В свою очередь возникает интенция субъекта культуры к трансцендентному, внеположенному, выходящему за пределы его (субъекта) изначальной данности.

Отсюда возникает следующая фаза — трансцендентности культуры. Создается сама культура как «вторая» природа», обретая свое трансцендентное бытие. Трансцендентность культуры определяется субъектностью человека, выходом его за пределы себя в своей деятельности в стремлении к идеалу разума, воли, любви, что так или иначе накладывает отпечаток

и на сферы культуры, явно и имплицитно репрезентирующих данные трансцендентные смыслы разума, воли, любви [9, с. 30–41]. На определенном уровне развития культурных практик происходило их размежевание, осуществлялась специализация, осваивались связи «человек — мир — трансцендентное начало».

Рефлексия творчества появилась в истоках философии. Здесь во все времена было множество загадок. В опыте творчества нащупывались пространства творческих состояний, наиболее продуктивные техники пребывания человека в них (вдохновение, измененные состояния сознания, экстаз), их развитие. Человек-творец улавливал синергийные точки, способствующие созданию шедевра (хорошей работы в переводе с французского языка), чувствовал себя не только сотворенным, но и творцом, соработником Богу. Субъект культуры искал формы своего соработничества с внеположенным. Здесь имела место креативная инноватика как в сфере техне, так и в сфере пойнэсиса. Инноватика бросала вызов технологически сложившимся процессам культуротворчества, погружала в сумерки утративших силу богов, приближала смену исторических эпох, прорываясь к трансцендентному в шедеврах искусства, религиозных откровениях, научных открытиях, опережая время. Все это способствовало накоплению духовного трансцендентного потенциала культуры. Соединение в усилиях культуротворчества двуединой биологической животной и человеческой культурной трансцендентной природы человека определяет возможность его соработничества с трансцендентным началом в культурных практиках. По сути, речь идет о метафизике культуры, ее трансцендентности.

Бытие природы, культуры, человека, общества — всех данных четырех форм бытия становится явным в бытии духовной культуры как катализатора деятельностных социокультурных процессов и фиксатора их результатов. Духовная культура определяет глубину исторической памяти, силу витальных тенденций человечества, ценностные смыслы его существования. Духовная культура не часть, но смысл культуры как второй природы, созданной человечеством.

Область применения и перспективы. Дальнейшее прояснение философского статуса духовной культуры будет продолжено в академических дискурсах: культурологическом, философском и психолого-педагогическом и подведет участников образовательного процесса к пониманию сущностных характеристик феноменов духовной культуры в аспекте понимания культуры как целостной формы бытия.

Список источников / References

1. Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Человеческое и животное в человеке. Омск, 1995. 184 с.
 2. Морозов А. А. В поисках человеческого в человеке (К 70-летию со дня рождения Сергея Федоровича Денисова) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 1. С. 72–78.
 3. Бряник Н. В. Философское пространство Д. В. Пивоварова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 4(37). С. 33–37.
 4. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. 416 с.
 5. Немцев М. Ю. Философия в СССР как предмет и тема истории философии // Идеи и идеалы. 2010. № 4(6). С. 2–18.
 6. Каган М. С. Человек в теории культуры. Избранные труды : учеб. пособие для вузов. М., 2018. 195 с.
 7. Скворцов В. Н. К вопросу об определении понятия «духовная культура» // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 1, № 3. С. 47–54.
 8. Нефедова Л. К. Вербализация философско-антропологических смыслов религиозно-художественной целостности // Гуманитарные исследования. 2023. № 2. С. 34–39.
 9. Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные произведения : в 2 т. М., 1955. Т. 2. 942 с.
- Поступила 17.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

Научно-практическая статья

УДК 37.035.6:172.15 © Петров А. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-459-467

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Традиционные российские духовно-нравственные ценности: разговор в блиц-формате с сотрудниками ОВД

Александр Викторович Петров, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии¹; petrov.av.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8897-3066>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. В настоящее время традиционные российские духовно-нравственные ценности позиционируются как мировоззренческая и аксиологическая основа общероссийской гражданской идентичности. Ценностно-целевая модель, лежащая в основании этой концепции, претендует на то, чтобы стать альтернативой ценностям неолиберального глобализма и быть фундаментом для общероссийской гражданской идентичности. **Материалы, результаты и обсуждение.** Концепция традиционных российских духовно-нравственных ценностей является важной частью политико-воспитательной работы с личным составом ОВД, реализуемой в различных формах, в том числе в формате единого дня государственно-правового информирования. Изложение концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей предполагает их дифференциацию, подчеркивание связи с традиционной для русской религиозной и культурной идентичностью, а также с исторической памятью. Особое внимание необходимо уделять проблеме имплементации традиционных ценностей в общественное сознание и возможным способам ее решения. **Выводы.** Концепция традиционных ценностей способна оказать влияние на формирование государственно-патриотического мировоззрения сотрудников ОВД в том случае, если при работе с личным составом будет показана ее тесная связь с ценностями службы, а также сделан акцент на важности личного отношения к ее ценностным императивам.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, традиционные ценности, воспитательная работа в органах внутренних дел, сотрудники

Для цитирования: Петров А. В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности: разговор в блиц-формате с сотрудниками ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30. № 4(103). С. 459–467. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-459-467>

Scientific and Practical Article

UDC 37.035.6:172.15 © Petrov A. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-459-467

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Conversation in a Blitz Format with Law Enforcement Officers

Alexandr V. Petrov, Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy and Political Studies¹; petrov.av.phd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8897-3066>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. Traditional Russian spiritual and moral values are positioned as the worldview and axiological basis of all-Russian civic identity. The value-based model underlying this concept claims to be an alternative to the values of neo-liberal globalism and a foundation for all-Russian civic identity. **Materials, Results and Discussion.** The concept of traditional Russian spiritual and moral values is an important part of political-educational work with the personnel of the Ministry of Internal Affairs, carried out in various forms, including one in the format of a single day of state and legal information. The presentation of the concept of traditional Russian spiritual and moral values implies their differentiation, emphasis on the connection with traditional Russian religious and cultural identity, as well as with historical memory. **Conclusions.** The concept of traditional values is able to influence the formation of a state-patriotic worldview of the personnel of the Ministry of Internal Affairs, if its close connection with the values of the service is shown when working with the personnel. Special attention should be paid to the problem of the implementation of traditional values in public consciousness and possible ways to solve it.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, traditional values, educational work in law enforcement bodies, officers

Citation: Petrov A. V. Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Conversation in a Blitz Format with Law Enforcement Officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 459–467 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-459-467>

Основные положения

1. Решение проблемы эффективной трансляции концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует поиска соответствующих форматов, позволяющих делать это доходчиво и убедительно, учитывая специфику воспринимающей аудитории.

2. Раскрытие концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей следует производить, выстраивая смысловые связи между перечнем традиционных ценностей и такими понятиями, как идентичность, суверенитет, а также с религиозно-культурной традицией в ее проекциях в область культуры повседневности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. С момента, когда традиционные ценности получили патронат со стороны Российского государства, связанная с ними проблематика прочно вошла в список самых востребованных тем у гуманитариев всех предметных направлений. С 2022 г. количество одних только журнальных статей этой тематики, индексируемых в РИНЦ, уже перевалило за 200, не считая еще более многочисленных публикаций по материалам конференций. Традиционные для российской идентичности ценности стали актуальной исследовательской проблемой по ряду причин, среди которых: 1) пробелы в идеологической работе государственных культурно-просветительских и политических институтов, на протяжении всего постсоветского времени не предлагавших обществу последовательных и цельных ценностно-целевых моделей; 2) недостаточность консьюмеризма для того, чтобы стать мировоззренческой опорой в период кризиса, охватившего современный мир; 3) необходимость предложить обществу аксиологические установки, способные быть альтернативой ценностям глобализированной культуры.

Изложенные в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — указ Президента № 809)¹ аксиологические установки призваны заполнить эти пробелы, стать альтернативой консьюмеризму и сделаться опорой российской гражданской идентичности. Относительная новизна этой аксиологии сама по себе составляет проблему педагогического свойства, связанную с тем, что необходимо определить, в каких формах и в каком ключе следует преподносить тему традиционных ценностей той или иной аудитории. При грамотной «подсветке» традиционные ценности будут устойчиво ассоциироваться с культурной идентичностью и ее исторической уникальностью; с логической стройностью и нравственной

привлекательностью консерватизма, широко использующего бинарные оппозиции (мужчина — женщина, добро — зло, друг — враг и т. п.); с социальным престижем традиционной семьи и соответствующей ей моделью отношений между поколениями. Установление этих ассоциаций, как в целом реализация социальной и культурной политики в духе традиционализма, требует комплексного подхода, и только в этом случае можно рассчитывать на успешное решение проблемы имплементации традиционных ценностей в общественное сознание. Усилия нужны и от педагогического сообщества, которому надлежит решить общую задачу, обусловленную обозначенной выше проблемой: как в зависимости от бюджета времени и особенностей аудитории говорить о традиционных ценностях так, чтобы этот разговор был эффективен, а не превратился в начетничество? Эта проблема принимает вид частной задачи, когда условия ее решения ограничены временем (20–30 мин.), а аудитория, привлеченная к знакомству с традиционными ценностями, состоит из сотрудников правоохранительных органов. Именно таков формат занятий, проводимых с личным составом в рамках единого дня государственно-правового информирования. В этих узких рамках лектору предстоит быстро, наглядно и доходчиво раскрыть весьма сложную тему. Автору приходилось брать на себя данную роль; дальнейшее изложение познакомит читателя с концепцией таких занятий и опытом ее реализации.

Теоретические предпосылки и степень разработанности проблемы. Появление документа всероссийского значения, описывающего российские духовно-нравственные ценности, разъясняющего их содержание и транслирующего их важность, давно назрело и наконец-то состоялось. Это важно по следующим причинам: 1) государственная воля структурировала дискурс вокруг традиционалистической аксиологии, существовавший задолго до этого, и избавила любого, кто приступал бы к нему, от необходимости всякий раз самостоятельно конструировать актуальный перечень традиционных ценностей; 2) указ Президента № 809 в условиях продолжающейся гибридной конфронтации с неолиберальным глобализмом предложил российскому обществу альтернативную систему ценностных координат, в отсутствие которой серьезная претензия на то, чтобы оспорить сложившийся после окончания холодной войны миропорядок, была бы невозможна; 3) нельзя выстроить концепт суверенной страны-цивилизации без обеспечения его суверенным набором ценностей.

Аксиологический дискурс имеет давнюю историю и специфический облик в разных предметных областях. Своеобразен он и в той части, которая касается

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Здесь и далее доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

проблемы трансляции ценностей, их передачи в процессе воспитания. На концептуальном уровне этот дискурс представлен взглядами следующих авторов. В. И. Брагинский и В. С. Семенов указывали, что ценности не являются абстракциями, они всегда связаны конкретным культурно-историческим контекстом. На этой идее основывается тезис о том, что ценности, свойственные конкретной культуре, специфичны и не следует универсализировать их так, как это делает европоцентризм по отношению к ценностям европейской культуры. В этой оптике культурная традиция и связанные с ней практики выглядят как процесс понимания интерпретации ценностей [1]. Таким образом, ценности приобретают экзистенциальный характер, оказываясь непосредственно связанными с личным опытом и жизненным выбором человека. В этом моменте взгляды авторов сближаются с точкой зрения М. М. Бахтина, отстаивавшего идею диалогичности сознания и производную от нее идею диалогичности ценностей. В его понимании аксиологический дискурс является тем полифоническим пространством, в котором ценности существуют как единицы смысла, требующие от личности ответственного выбора в пользу некоторых из них. Из полифоничности следует идея интересубъективности ценностей, поскольку они рождаются в диалоге, а диалог невозможен без Я и Другого [2]. В коммуникативно-прагматическом ключе рассматривает ценности Г. Л. Тульчинский. С его точки зрения, ценности представляют собой смысловые конструкции, употребляющиеся в качестве инструмента управления и коммуникации между социальными акторами и становящиеся при этом плюралистичными и релятивными. Г. Л. Тульчинский понимает личную аксиологию как конструкт, обусловленный выбором некоторых ценностей из всего их разнообразия, предлагаемого культурой, и этот выбор оценивается им как экзистенциальный и в связи с этим весьма ответственный и значимый, что делает его чрезвычайно ценным в культурной атмосфере постмодерна [3].

Если подвергнуть анализу современный российский дискурс именно о традиционных ценностях, то в нем можно выделить несколько смысловых доминант. Рассмотрим их, расположив по порядку возрастания внимания к частному и снижения внимания к общему, т. е. двигаясь от концептуального к прикладному. На общем, концептуальном уровне обычно говорится о том, чем специфичны российские традиционные духовно-нравственные ценности, какой аксиологической модели они противопоставлены (И. В. Гончаров называет в качестве таковой неолиберальную идеологию [4, с. 64]). В концепции традиционных ценностей Е. А. Пушкарев и Д. С. Злыденко

видят воплощение процесса поиска политической элитой идей и целей, способных объединить российское общество, сформировав общее для «монархистов, социалистов и либералов» патриотическое ядро [5, с. 37]. А. А. Морозов замечает проблемный характер концепции традиционных ценностей, связанный с возможностью их разнообразной трактовки, в значительной мере зависящей от идеологического контекста, а также с тем, что этос этих ценностей еще находится в процессе становления [6, с. 405].

Если спуститься с высоты теоретических обобщений, то мы обнаружим множество материалов, направленных на решение проблемы применения концепции традиционных ценностей в образовательном и воспитательном процессе и в общем, и в частном виде как проблемы ведомственного образования. На общем уровне С. Г. Галаганов обнаруживает противоположность между когнитивной моделью, лежащей в настоящее время в основе российского образования, и традиционными установками отечественной педагогики, соответствующей концепции российских традиционных ценностей [7, с. 29]. Для преодоления этого затруднения Н. Л. Худякова предлагает выстраивать правильные отношения между целями воспитания и ценностной сферой [8, с. 99], а Н. В. Ходякова выдвигает рамочную модель патриотического воспитания [9, с. 118–119].

На уровне ведомственного образования тема традиционных ценностей звучала еще до того, как стала педагогическим мейнстримом, причем в системе МВД традиционные для нее ценности задолго до указа Президента № 809 были определены в виде текста присяги сотрудника органов внутренних дел. По мнению В. В. Неганова, К. С. Щелокова и А. А. Васечко, связь нравственного сознания принимающего Присягу и ценностей, декларированных в ней, способна стать фундаментом высокого профессионализма и добросовестной службы [10, с. 312]. Важный шаг к актуализации связи принятых в российском обществе нравственных принципов и ценностей с этическими требованиями, предъявляемыми к сотрудникам ОВД, был сделан с появлением Кодекса этики и служебного поведения сотрудников ОВД РФ². Основные этические требования предписывают сотруднику рассматривать защиту жизни, здоровья, прав, свобод, чести, личного достоинства и законных интересов граждан как высшую нравственную цель его служебной деятельности; признавать приоритет государственных и служебных интересов над личными; служить примером исполнения законов и требований служебной дисциплины; быть мужественным и решительным перед лицом опасности; способствовать межнациональному

² Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460.

согласию; вести себя достойно и вежливо, вызывать уважение граждан к ОВД; быть нетерпимым к проявлениям коррупции. Теперь, когда широкой общественности представлена концепция традиционных ценностей, предлагаемая в качестве основания для общероссийской гражданской идентичности, внимание исследователей сосредоточивается на отдельных ценностях из общего списка традиционных. Например, М. А. Косарева делает акцент на семейных ценностях в воспитательной работе с курсантами вузов системы МВД России [11, с. 77].

Материалы, результаты и обсуждение

Место традиционных российских духовно-нравственных ценностей в морально-психологическом обеспечении деятельности ОВД. В настоящее время действует Положение о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности ОВД РФ³, согласно которому морально-психологическое обеспечение деятельности ОВД РФ осуществляется с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности (п. 2.5). Одной из основных целей морально-психологического обеспечения объявлено закрепление в сознании сотрудников традиционных российских духовно-нравственных ценностей, общероссийской гражданской идентичности (п. 3.2). Важным элементом морально-психологического обеспечения является политико-воспитательная работа с личным составом (п. 4.1). К числу задач, решаемых политико-воспитательной работой, относится формирование у сотрудников государственно-правового мировоззрения, чувств патриотизма и личной ответственности за судьбу Отечества, знания и уважения его истории и культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 21.1). Одной из форм политико-воспитательной работы является единый день государственно-правового информирования (далее — ЕДГПИ) (п. 44). Такой форме проведения занятий наиболее релевантен метод убеждения, предполагающий разностороннее воздействие на разум, чувства и волю сотрудника в целях формирования твердой, глубоко осмысленной и эмоционально пере-

житой точки зрения по обсуждаемому вопросу, формирования у него требуемых качеств и установок (п. 22).

Тематика мероприятий единых дней государственно-правового информирования разрабатывается Главным управлением по работе с личным составом МВД России, распоряжением которого для проведения занятий в системе ЕДГПИ с личным составом территориальных органов МВД России утвержден состав лекторской группы с примерной тематикой выступлений⁴. В рамках работы лекторской группы до личного состава доводится тема, сформулированная следующим образом: «Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей как один из приоритетов государственной политики Российской Федерации». Дидактическая рамка, в которую автор, действующий в составе лекторской группы от Омской академии МВД России, старался «вписаться» при подготовке к занятиям по этой теме, весьма тесна, поскольку ограничивает лектора и во времени, и в глубине изложения материала. Она с неизбежностью заставляет жертвовать некоторыми подробностями, важными для разговора о традиционных ценностях в академическом формате, однако если обращаться к ним в формате ЕДГПИ, то слушатель окажется перегружен подробностями, ценными для ученого, но утомительными для человека, мало или совсем незнакомого с этим дискурсом. Поэтому при разработке содержательной части занятия автор ради лаконичности и простоты изложения был вынужден пожертвовать многим достойным упоминания, и сделал это не потому, что счел что-то маловажным и несущественным. Такой подход оправдал себя, поскольку материал, организованный в соответствии с ним, был с успехом апробирован на четырех научно-практических форумах⁵.

Формат одиночного занятия, тем более ограниченного во времени, поскольку речь идет не об академической лекции, а о непродолжительной эпизодической встрече, предъявляет ряд жестких требований к структурированию материала и способу его подачи. Их можно сформулировать так: 1) демонстрация актуальности

³ Положение о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 27 августа 2024 г. № 500.

⁴ Распоряжение МВД России от 21 сентября 2023 г. № 1/11159 «О лекторской группе»; распоряжение МВД России от 30 марта 2024 г. № 1/3779 «О лекторской группе».

⁵ Апробация прошла в рамках работы следующих научно-практических форумов: научно-практического круглого стола «Духовно-нравственные ценности в противодействии идеологии экстремизма в молодежной среде» (1 декабря 2023 г., организаторы — Омская академия МВД России, Омская митрополия Русской православной церкви Московского Патриархата); всероссийской научно-методической конференции «Формирование личности сотрудника органов внутренних дел: роль профессиональной этики и социально-гуманитарных дисциплин» (13 декабря 2023 г., организатор — Омская академия МВД России); всероссийского научно-методического семинара «Формирование гражданственности в процессе изучения дисциплин „История России“, „Основы российской государственности“ в образовательных организациях МВД России» (21 июня 2024 г., организатор — Омская академия МВД России); научно-практического круглого стола «Современные социальные риски, безопасность и развитие молодежи» (10 декабря 2024 г., организаторы — Омская академия МВД России, Омская митрополия Русской православной церкви Московского Патриархата).

темы; 2) простота формулировок и, насколько это возможно, их лаконичность; 3) наглядность и живость подачи, разнообразие и доходчивость аргументации. Кроме того, немаловажно не только показать актуальность темы, но и подчеркнуть ее проблемный характер, «столкнуть» теоретическую концепцию с реальностью и донести, что общественно и лично значимый итог этого «столкновения» зависит от каждого из нас. Это позволит организовать рациональное и эмоциональное вовлечение слушателей в тему. Проблематизация побуждает лично отнестись к материалу; это не позволит сложиться впечатлению о нем как о чем-то постороннем, лично их никак не касающемся. В соответствии с этим подходом автор предлагает следующий порядок подачи информации при проведении занятия по теме «Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей как один из приоритетов государственной политики Российской Федерации».

Последовательность репрезентации традиционных российских духовно-нравственных ценностей в блиц-формате

1. Для того чтобы подчеркнуть актуальность темы традиционных ценностей и развеять возможный скепсис слушателей по этому поводу (естественный для взрослого человека, к которому подступают с разговором, на первый взгляд обещающим морализаторство в духе стихотворения В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?»), важно сделать акцент на том, что сами по себе традиционные ценности совсем не новодел, пущенный в жизнь административной волей, а закономерное проявление давно начавшихся объективных социально-исторических процессов. Для этого следует сказать, что поражение СССР в холодной войне привело к разрушению биполярного мира, в том числе системы коллективной безопасности, связанной с этой геополитической моделью, после чего мировой данностью стала глобальная гегемония США. Будучи главным бенефициаром современного миропорядка, США поддерживают его всеми доступными средствами, не стесняясь самых жестких мер в отношении конкурентов, претендующих на то, чтобы оспорить эту гегемонию, не исключая и военной агрессии. Поскольку примеры, иллюстрирующие этот тезис, весьма многочисленны, но требуют от слушателя знания истории и географии, чтобы быть правильно понятыми, в качестве альтернативы можно привести высказывание М. Помпео в бытность его директором ЦРУ о том, что США уникальная, исключительная страна, Россия же — уникальная, но не исключительная⁶. Эти слова весьма наглядно иллюстрируют миро-

воззренческие основания американского гегемонизма и показывают, что наш геополитический оппонент считает в полной мере субъектным только себя самого. Более того, такая модель международных отношений несправедлива, прежде всего, в отношении тех стран, которые обладают субъектностью (политической, экономической, культурной и т. д.). Даже будучи поддерживаемой силой оружия и экономическим сдерживанием, она не может оставаться незыблемой. Однако, для того чтобы манифестировать эту субъектность, мало обладать суверенной властью, вооруженной силой и развитой экономикой; важна также и культурная самобытность, т. е. то, что является специфическим признаком цивилизации и всегда отличало каждую из них от всех прочих [12, с. 113–114]. Оспаривать американский гегемонизм так, чтобы эта претензия не оказалась покушением с негодными средствами, можно только имея альтернативный взгляд на миропорядок и убедительную репрезентацию собственной культурно-исторической идентичности как вовне, так и внутри собственных границ. Показать, что это намерение возникло в Российском государстве не после начала специальной военной операции, а значительно раньше, можно цитатами из речи Президента России В. В. Путина, произнесенной во время Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г.: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна», «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»⁷. Стоит заметить, что многополярный мир, независимость внешней политики и прочие стратегические ориентиры, которые сейчас ставит перед собой Россия, должны быть подкреплены суверенной аксиологией, т. е. таким набором ценностей, который был бы альтернативой тому, что предлагает миру неолиберальный глобализм. Подобные ценности найдут отклик в душах подавляющего большинства людей безотносительно их идентичности, поскольку они витальны (защищают право на жизнь) и консервативны (поддерживают сложившиеся паттерны социального взаимодействия). Весьма важно и то, что они релевантны христианским ценностям как базовым ценностям той группы цивилизации, к которой исторически принадлежит Россия. Проще говоря, эти ценности являются и универсальными, и христианскими. Это позволяет России не только солидаризироваться с общечеловеческими представлениями о нормальности, но и претендовать на роль «настоящей, старой Европы», благополучного и ре-

⁶ «Америка — уникальная и исключительная страна»: кандидат в госсекретари Помпео ответил на вопросы сенаторов. URL: <https://russian.rt.com/world/video/503028-pompeo-otvetil-na-voprosy-senatorov> (дата обращения: 20.02.2025).

⁷ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 20.02.2025).

спектабельного образца государственности, культуры и науки в глазах стран Глобального Юга в условиях, когда значительная часть географической Европы отказывается от своей христианской идентичности и политической субъектности, ослабляя притягательность следования европейским ценностям и подражания европейскому образу жизни. Кроме того, акцент на универсальных и христианских ценностях актуализирует доминанту русской культуры и как культуры государствообразующего народа России, и как культуры общемирового значения, т. е. русской не только в этническом, но и в цивилизационном смысле.

2. Поскольку актуальные для нашего времени общественно-политические задачи, над решением которых трудится Россия, возникли отнюдь не в недавнем прошлом, для неподготовленной аудитории будет полезно в общих выражениях охарактеризовать процесс формирования понятийной матрицы, охватывающий связанные с ними аксиологические аспекты российской идентичности. Поэтому нельзя не упомянуть Н. Я. Данилевского, создателя цивилизационного подхода, не только убедительно обосновавшего культурно-историческую особость России, но и наметившего путь, по которому ей следует двигаться для достижения успеха в конкуренции с другими цивилизациями. Следует назвать также И. А. Ильина, чей творческий путь невозможно представить вне темы России, ее судеб и испытаний, с которыми уже случилось и еще предстоит столкнуться. Из современных авторов, много внимания уделяющих проблеме противостояния российской и западной цивилизаций, а также роли ценностей в этом процессе, можно упомянуть И. Р. Шафаревича, А. Г. Дугина и Е. С. Холмогорова. Несмотря на то что некоторые взгляды А. Г. Дугина при поверхностном знакомстве могут показаться экстравагантными, а позиция Е. С. Холмогорова — часто позиция эмоционально и остро пишущего публициста, а не академического ученого, первый является видным интеллектуалом, много занимающимся проблемой отношений между цивилизациями, вступавшим в публичные дебаты с А. Бернаром-Леви, одним из активных идеологов неоллиберального глобализма, а второй — талантливым писателем, чье творчество заслуживает внимания с точки зрения пользы для популяризации исторических знаний.

3. Далее логика повествования требует перейти к демонстрации смыслового ядра всего занятия — определения понятия традиционных ценностей. Согласно указу Президента № 809 традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное

проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Для того чтобы они не выглядели монолитным массивом (и в этой монолитности трудно воспринимаемыми), их полезно дифференцировать, разделив на универсальные и суверенные, т. е. общие для всех людей безотносительно культурной идентичности (а), а также правильное понимание которых возможно в контексте российской цивилизации, т. е. релевантные российской культурно-исторической специфике (б). В свою очередь, суверенные ценности можно разделить на индивидуальные (б1) (ими руководствуются в личной жизни, и их реализация происходит преимущественно в пределах ближайшего окружения человека) и коллективные (б2) (они реализуются «в миру», определяя общественно значимую манифестацию личной идентичности). Отнесем к универсальным ценностям (а) жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, гуманизм, справедливость; к суверенным индивидуальным (б1) — высокие нравственные идеалы, милосердие, приоритет духовного над материальным, крепкую семью, взаимопомощь и взаимоуважение; к суверенным коллективным (б2) — коллективизм, патриотизм, созидательный труд, единство народов России, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческую память и преемственность поколений.

4. Очень важно отметить роль традиционных для России религий в деле формирования традиционных ценностей. В указе Президента № 809 утверждается, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православии». Признание этого факта соответствует истории России, состоявшейся как православная цивилизация. В секулярной культуре религиозная идентичность долгое время оставалась недооцененной, однако ее значение в деле определения специфики конкретных цивилизаций было актуализировано С. Хантингтоном, утверждавшим, что именно религия составляет основу цивилизационной идентичности и для России такой религией является православие [13, с. 227–234].

Далее следует обратиться к понятию ценностей культурно-исторических. Определение культурных ценностей закреплено в Основах законодательства Российской Федерации о культуре⁸. В обобщенном виде культурные ценности можно определить как нравственные и этические идеалы, нормы и образцы поведения, национальные традиции и обычаи, составляющие важную часть российской идентичности. В процессе разговора о них полезно сделать акцент на исторической памяти как форме коллективной памяти об общем для всех членов общества прошлом. С ее помощью происходит преобразование сведений о прошлом в средство оценивания настоящего; так обретаются ценностные ориентиры как для отдельной личности, так и для общества в целом. Необходимость этого акцента обусловлена простым, но неопровержимым тезисом — без исторической памяти народ превращается в толпу; у народа есть будущее, у толпы — нет. История способна подкрепить его множеством примеров; в наши дни проблема сохранения исторической памяти особенно актуальна, поскольку ее искажение открывает окно возможностей для фальсификации истории и реабилитации нацизма.

5. Никак нельзя ограничиться одним лишь констатированием важности концепции российских традиционных духовно-нравственных ценностей, поскольку они представляют собой аксиологический проект, которому современное российское общество еще далеко не соответствует. Дело каждого небезучастного гражданина — соотнести себя и эту аксиологию, иначе она рискует быть понята как пропагандистский симулякр. Чтобы работа по этому соотнесению была продуктивной, нужно обратить внимание слушателей на проблему имплементации традиционных ценностей в общественное сознание. Первый ее аспект связан со снижением интеллектуального и культурного уровня общества, следствием чего является угнетение социальной восприимчивости к сложным культурно-идеологическим конструктам. Это обусловлено разными причинами: цифровизацией жизни и гиперинформацией, закрепляющей клиповую модель мышления; превращением гуманитарного образования в малоценную услугу, получение которой отнюдь не гарантирует ее продуктивной конвертации в жизненный успех и личное счастье; девальвацией знаний на фоне привычки опираться на сведения, почерпнутые из интернета и воспринимаемые некритично. Второй аспект связан с деформацией исторической памяти и неопределенным представлением об истории России, характерным для массового сознания. Обстоятельство обусловлено не только обычным невежеством — в глубине своей оно связано с неоднократным разрывом исторической преемственности в результате

социальных потрясений XX в. Этот разрыв пагубно сказался на родовой памяти во многих семьях, когда по политическим мотивам или из соображений безопасности предавалась забвению память о социальном происхождении родственников, их судьбе в советский период и т. п. Социальные эксперименты советского времени по разрушению русской идентичности в пользу идентичности советской «новой исторической общности» и манера преподавания истории, когда дореволюционная, и особенно допетровская, Россия описывались как ни на что не способное «сонное царство», привели к отрицанию культурно-исторической преемственности между Древней Русью, Московским царством, Российской империей, Советским Союзом и современной Россией. Третий аспект проблемы обусловлен атомизацией современного российского общества и снижением значения религиозной идентичности на фоне иных форм идентичности (этнической, профессиональной и т. д.). Эти явления есть результат урбанизации и модернизации культуры, а также секуляризации общественных отношений, форсированных в XX в. через революционные метаморфозы и государственный атеизм. Четвертый аспект, ценностно-целевой, связан с преобладанием в российском обществе индивидуалистических ценностных установок над коллективистскими, что выступает прямым следствием капиталистической организации экономики, а также социальной реакцией на советский опыт воспитания коллективизма (заявленный тезис о преобладании одного над другим справедлив для подавляющего большинства регионов, где проводился соответствующий мониторинг в рамках исследования ценностных детерминант социальной напряженности в российских регионах [14, с. 380]). Стоит заметить, что коллективизм как социальная ценность в постсоветское время сохранялся по большей части в пределах тех институтов и профессий, функционирование которых связано преимущественно с коллективными, а не индивидуальными усилиями и осуществляется под жестким контролем корпоративной культуры (армия и органы внутренних дел — яркие тому примеры). В современных условиях акцентирование ценности коллективизма свидетельствует о желании государства найти дополнительную внутреннюю опору для лоялизма в общественном сознании — желании, которое весьма слабо проявляло себя в период роста благосостояния в 2000-х и видимого принятия Западом российских политических и бизнес-элит в качестве равноправных партнеров. Остается надеяться, что коллективизм как ценность (равно как и вообще концепция традиционных ценностей) не только не отойдет на периферию общественно-государственной аксиологии по мере стабилизации международной обстановки и разрядки

⁸ Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утв. Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-1.

напряженности, но и сможет стать тем основанием, на котором только и могут существовать солидаристские отношения между государством, национальным бизнесом и обществом в том виде, как столетие назад их теоретизировал Г. К. Гинс [15], а в наши дни описывает В. Д. Зорькин [16].

6. После обозначения препятствий, стоящих на пути имплементации традиционных ценностей в общественное сознание, следует сформулировать возможные шаги, которые помогут преодолеть их и вместе с тем были бы посильны большинству в той или иной степени:

— шагом, доступным каждому, будет реконструкция своей семейной истории на доступную генеалогическую глубину. Знание о социальном происхождении своих предков, их месте жительства и роде занятий, позиционирование себя в генеалогической структуре рода позитивно подкрепляет чувство идентичности, ясно показывает тот этнокультурный фундамент, на котором основывают свое существование ныне живущие поколения, что как нельзя лучше способствует осознанию и укреплению исторической памяти. Большим подспорьем в любительских генеалогических исследованиях является все возрастающая цифровизация архивных сведений;

— более сложным шагом будет приобщение к традиционной народной культуре через религиозные праздники, связанные с ними ритуальные и духовные практики, национальную кухню и национальный костюм. Понимание религиозного смысла ритуалов, часто воспринимаемых как автономный фольклорный обычай (например, купания в проруби на Крещение, крашение яиц и христосование на Пасху), способно пробудить в современном человеке, сложившемся как личность в условиях секулярной культуры, интерес к религиозной традиции, а вместе с этим интерес к тому образу человека, его жизни и нравственности, который проповедуется этой традицией. Реставрация религиозного компонента индивидуального сознания благоприятно скажется и на самооценке, поскольку восстановит связь с традицией, и на правосознании, поскольку совесть как внутренняя судящая способность приобретет авторитетный образец. Национальная кухня в современных условиях, когда, с одной стороны, происходит апроприация региональных кулинарных традиций (например, пельмени или пицца уже утратили тесную связь со своей культурной почвой), а с другой — наступает вредный для здоровья фастфуд, способна не только помочь укрепить чувство идентичности через обращение к традиционной кулинарии, но и восстановить полезные пищевые привычки. Национальный костюм дает своему обладателю возможность манифестировать идентичность в повседневности; разумеется, речь идет о тех его вариантах, которые вписываются

в современность, например о русской косоворотке, которая в современном исполнении способна с успехом составить конкуренцию сорочке;

— шагом в интеллектуальной области, на который способны только мотивированные энтузиасты, будет повышение образовательного уровня через чтение научно-публицистических работ, посвященных исторической и культурно-цивилизационной тематике (работы названных выше авторов могут быть с успехом для этого использованы). Это действительно трудный, требовательный с точки зрения и затрачиваемых сил, и времени шаг, однако же именно он способен сформировать правильную и достоверную теоретическую модель макро- и микроистории, сделать прошлое, настоящее и будущее континуумом, выстроить непротиворечивые отношения между личной, профессиональной и общественной аксиологией.

Подытоживая опыт проведения занятий, автор позволит себе напомнить, что формат академической лекции очевидным образом отличается от блиц-формата единого дня государственно-правового информирования концептуальной глубиной, широтой взгляда и иллюстративным разнообразием, поскольку последний требует большей наглядности и лаконичности. Поэтому в нем совершенно незаменимы яркие цитаты и запоминающиеся образы, живописные иллюстрации и наглядные схемы. В общем, то, что В. В. Маяковский называл «шершавым языком плаката». Без некоторого, даже небольшого навыка владения им разговор о традиционных ценностях рискует ничем не выделиться в служебной рутине, хотя они никак не заслуживают того, чтобы быть обесцененными скучной подачей.

Выводы

Концепция российских традиционных духовно-нравственных ценностей способна стать основанием для развития чувства патриотизма и гражданственности, формирования духовно-нравственного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути России, а также для формирования ценностных оснований мировоззрения и гражданской идентичности. Эта аксиологическая модель конкретизирует чувства гражданственности и патриотизма, поскольку дает возможность соотносить аксиологические константы с актуальным политико-культурным контекстом и давать ему правильную оценку. Удастся ли им состояться в этом качестве, покажет время. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что в них заложен большой потенциал, развитие которого благотворно скажется на гармонизации социальных отношений, укрепит чувство национального достоинства, а также общественную и индивидуальную нравственность. Особое значение это имеет для правоохранительных органов ввиду той ответственной функции, которую общество возложило на них. Для сотрудника ОВД это тем более

важно, потому что такие императивы службы, как уважительное отношение к людям, обществу и праву, добросовестное выполнение служебных обязанностей, находятся в непосредственной связи с общегражданской идентичностью, формирование которой непосредственно связано с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Область применения и перспективы. Современная аксиологическая теория видит в ценностях многомерные феномены, формирующиеся в процессе диалога между субъектами — носителями культуры. Предложенный в статье подход к проведению занятий с личным составом ОВД соответствует этой концепции, поскольку позволяет показать традиционные российские духовно-нравственные ценности как ди-

намичный социокультурный феномен, в котором традиционализм адаптирован к реалиям современного общества. Предложенный подход позволяет раскрыть в традиционной аксиологии экзистенциальный аспект, когда традиционные ценности позиционируются в качестве основы для идентичности, посредством опоры на которую становятся возможными персонализация этих ценностей, их личностное осмысление. Кроме того, следование предложенной модели дает возможность раскрыть традиционные российские духовно-нравственные ценности с точки зрения их прагматического потенциала, поскольку позволяет связать воедино аксиологию традиционализма в современной интерпретации, витальные ценности безопасности и ценности правоохранительной деятельности.

Список источников / Reference

1. Брагинский В. И., Семенов В. С. Введение. Проблемы традиций, неотрадиционности и традиционализма в литературах Востока // Художественные традиции литератур Востока и современность: ранние формы традиционализма / отв. ред. В. И. Брагинский, Е. П. Челышев. М., 1985. С. 3–22.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М., 2002. 800 с.
3. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология: новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002. 677 с.
4. Гончаров И. В. Генезис традиционных ценностей в условиях неолиберальной демократии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 62–66.
5. Пушкарев Е. А., Злыденко Д. С. Политико-правовая трансформация традиционных ценностей современного российского общества // Философия права. 2022. № 3(102). С. 33–37.
6. Морозов А. А. Традиционность и религиозность в жизненном мире современной молодежи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4(95). С. 401–406.
7. Галаганова С. Г. Когнитивная модель российского образования в контексте традиционных ценностей // Педагогика & Психология. Теория и практика. 2022. № 2(40). С. 29–32.
8. Худякова Н. Л. Традиционные ценности как основа воспитания в современном быстроменяющемся обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4(474). С. 91–101.
9. Ходякова Н. В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание // Академическая мысль. 2023. № 1(22). С. 116–120.
10. Неганов В. В., Щелоков К. С., Васечко А. А. Духовно-нравственное воспитание в контексте традиционных христианских ценностей как базовый критерий формирования положительного имиджа сотрудника полиции // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40). С. 311–312.
11. Косарева М. А. Формирование традиционных семейных ценностей у курсантов вузов МВД России // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 4(25). С. 73–80.
12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2011. 816 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2023. 640 с.
14. Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // Политическая экспертиза. 2022. Т. 18, № 4. С. 362–391.
15. Гинс Г. К. На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму. Харбин, 1930. 210 с.
16. Зоркин В. Д. Право России: Альтернативы и риски в условиях глобального кризиса. URL: <https://rg.ru/2022/06/29/pravo-rossii-alternativy-i-riski-v-usloviiah-globalnogo-krizisa.html> (дата обращения: 20.02.2025).

Поступила 22.02.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Научно-теоретическая статья

УДК 378 © Веретенникова А. Е., Дежнева В. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-468-473

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Ценностные ориентации и мотивационная направленность иностранных обучающихся при изучении русского языка как иностранного

Анна Евгеньевна Веретенникова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков¹; newannver@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6451-3305>

Виктория Викторовна Дежнева, старший преподаватель кафедры иностранных языков¹; dezhneva72@bk.ru

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Цель — выявление и анализ ценностно-мотивационной ориентации иностранных обучающихся русскому языку как иностранному в качестве субъектов коммуникации. **Материалы и методы.** Анкетирование; педагогический анализ материалов личных дел и биографий; педагогически ориентированная беседа; педагогические тесты (письменное тематическое сочинение; ранжирование ценностей). В исследовании приняли участие иностранные слушатели из состава национальных сил полиции стран Африки, проходившие обучение в Омской академии МВД России по дополнительной общеобразовательной программе на очной форме обучения в 2023/24 и 2024/25 учебных годах. **Результаты и обсуждение.** Приводятся данные эмпирического исследования. Мотивация рассматривается как процесс психической регуляции конкретной деятельности, а именно изучения русского языка как иностранного. Характеризуются мотивы, проявляющиеся в виде формы деятельности и совокупной системы процессов побуждения. **Выводы.** Выявлены особенности социокультурных факторов конкретной национальной группы обучающихся русскому языку как иностранному и учета их в образовательном процессе и при подготовке учебных материалов.

Ключевые слова: ценности, мотивация, русский язык как иностранный, модель субъекта коммуникации, социолингвистика, учебная деятельность, психическая регуляция

Для цитирования: Веретенникова А. Е., Дежнева В. В. Ценностные ориентации и мотивационная направленность иностранных обучающихся при изучении русского языка как иностранного // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 468–473. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-468-473>

Scientific and Theoretical Article

UDC 378 © Veretennikova A. E., Dezhneva V. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-468-473

5.8.2. Theory and Methods of Teaching and Upbringing (by areas and levels of education)

Value Orientations and Motivation of Foreign Students Learning Russian as a Foreign Language

Anna E. Veretennikova, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Foreign Languages¹; newannver@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6451-3305>

Viktoria V. Dezhneva, senior lecturer at the chair of Foreign Languages¹; dezhneva72@bk.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The goal is to identify and analyze the value-motivational core of foreign learners of Russian as a foreign language being the subjects of communication. **Materials and Methods.** Questionnaire; pedagogical analysis of personal records and biographies; pedagogically oriented conversation; pedagogical tests (written thematic essay; ranking of values). The study involved foreign students from the national police forces of African countries, who were trained at the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs according to additional general education program (day department) in 2023/24 and 2024/25 academic years. **Results and Discussion.** The data of the empirical research are presented. Motivation is considered as the process of mental regulation of a particular activity, namely learning Russian as a foreign language. Motives are characterized, manifested in the form of activity and a collective system of motivation processes. **Conclusions.** The peculiarities of sociocultural factors of a particular national group of learners of Russian as a foreign language were identified and taken into account in the educational process and in the preparation of teaching materials.

Keywords: values, motivation, Russian as a foreign language, model of the subject of communication, sociolinguistics, learning activity, mental regulation

Citation: Veretennikova A. E., Dezhneva V. V. Value Orientations and Motivation of Foreign Students Learning Russian as a Foreign Language. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 468–473 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-468-473>

Основные положения

1. При обучении иностранных слушателей русскому языку как иностранному необходимо рассматривать их как субъектов коммуникации, включающих в себя внутреннюю подсистему личности и ее внешнее проявление.

2. Изучение ценностно-мотивационного ядра иностранных обучающихся русскому языку как иностранному в качестве субъектов коммуникации является актуальной задачей на современном этапе. Анализ ценностно-мотивационного блока внутренней системы субъекта коммуникации, его результаты будут способствовать эффективности преподавания русского языка как иностранного в группах иностранных обучающихся.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность исследования объясняется новыми аспектами в образовательной деятельности отечественных вузов — расширением набора образовательных программ, предлагаемых иностранным обучающимся. Как отмечается в источниках, за последние 5 лет количество студентов-иностранцев в России увеличилось на 16%, и страна заняла шестое место в мире по количеству зарубежных студентов¹. По данным Минобрнауки России, в 2024 г. из всех студентов, обучающихся в России, 7,6% (355 000 человек) прибыли из других стран².

Отметим, что для большинства вузов системы МВД России такая учебно-воспитательная деятельность не представляет новшества.

В Омской академии МВД России обучение иностранных слушателей осуществляется не первый год, и до недавнего времени кандидатами на обучение были граждане тех стран, где русский язык преподавался в средней школе и в вузах. В связи с этим претенденты подвергались вступительному испытанию по русскому языку в виде тестирования. При условии получения удовлетворительных результатов они зачислялись для обучения и получения степени «специалист» или на другие ступени образования. С 2023/24 учебного года состав иностранных обучающихся был расширен за счет представителей африканских государств, что свидетельствует о возрастающем интересе к российскому профессиональному образованию. Мы считаем, чтобы процесс обучения стал более привлекательным и эффективным, необходимо адаптировать его к психолого-педагогическим особенностям зарубежных обучающихся.

Поскольку процесс преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) в группах африкан-

ских слушателей будет совершенствоваться и дальше, целесообразно изучить особенности данной целевой аудитории. По этой причине исследование может представить научную и практическую значимость как для преподавательского состава, так и для сотрудников, обеспечивающих пребывание и обучение слушателей из Африки в принимающей организации.

Цель — изучение психолого-педагогических особенностей обучающихся из стран Африки и выяснение ценностно-мотивационного ядра иностранных обучающихся русскому языку как иностранному в качестве субъектов коммуникации.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы исследования. Изучение вопросов, связанных с преподаванием русского языка как иностранного, проводится по нескольким направлениям. Наряду с рассмотрением аспектов обучения иностранных студентов РКИ в целях получения ими диплома по гражданской специальности [1; 2], в литературе уделяется внимание и преподаванию РКИ в образовательных организациях военного и правоохранительного профиля, где владение основами данной учебной дисциплины служит необходимым условием освоения специальности [3; 4].

С точки зрения применения различных педагогических подходов в преподавании РКИ рассматриваются системно-языковой, функциональный, социокультурный, личностно-ориентированный и компетентностный подходы [5].

Полагаем, что при изучении психолого-педагогической сферы целесообразно опираться на социокультурный подход в образовании, в соответствии с которым жизненное разнообразие признается отправным моментом для анализа ситуации, выявления образовательных проблем и их решения, что служит основой развития образовательной практики.

Д. А. Абдуазизова придерживается социолингвистического подхода к изучению речевого поведения коммуникантов, в соответствии с которым учет таких факторов социального, культурного, этнического и когнитивного характера, как пол, возраст, семейное положение, социальный статус, уровень образования, профессия, религиозные взгляды, составляет необходимое условие успешной коммуникации [6].

Н. Н. Гладкова рассматривает аспекты формирования вторичной языковой личности военнослужащего как основывающиеся на «ценностях различного типа, выступающих в качестве мотивирующего фактора к изучению русского языка как средству межкультурной коммуникации» [4, с. 145].

Сферой нашего исследования является в широком смысле «языковая личность», а в более узком —

¹ URL: smapse.ru/svezhaya-statistika-inostrannye-studenty-v-rossii-skolko-otkuda-i-chemu-uchatsya/ <https://smapse.ru> Nov.13.2024 (дата обращения: 25.04.2025).

² Обучение в России для иностранцев: Все, что нужно знать. URL: <https://rg.ru/2024/03/12/obuchenie-v-rossii-dlia-inostrancev-vse-cto-nuzhno-znat.html> (дата обращения: 25.04.2025).

«субъект профессиональной коммуникации в сфере правоохранительной деятельности».

Поскольку итоговой целью обучения иностранных слушателей РКИ должно стать их коммуникативное поведение на русском языке, в исследовании мы опирались на ранее разработанную авторскую модель субъекта профессиональной коммуникации [7, с. 69]. Оформляя подобного рода модель, за основу мы взяли теорию коммуникации [8; 9], которая рассматривает участника процесса коммуникации в качестве субъекта; лингвофилософские положения Ю. Хабермаса [10] о различии между языковой компетентностью (знание правил языка и способность формировать предложения в соответствии с ними) и использованием языка; теоретические положения А. Н. Леонтьева о макро-структуре деятельности [11].

Сущность субъекта коммуникации состоит из внутренней подсистемы личности, включающей «мир сознания и подсознания», и ее внешнего проявления «мир коммуникативного поведения» [12, с. 68–70].

Внутреннюю систему представляют ценностно-мотивационный (цели и мотивы, ценности субъекта коммуникации), абилитационный (коммуникационные возможности и коммуникативные способности личности), когнитивный (знания и освоенная информация, потенциально обеспечивающие качество функционирования субъекта коммуникации) и операциональный (коммуникативные навыки личности и ее умения пользоваться когнитивными и прагматическими ресурсами для осуществления коммуникации) компоненты.

Внешняя подсистема коммуникативной личности как проявление внутренней выражается в коммуникативном поведении, которое представляет собой иерархическую систему, составленную из коммуникативных стратегий, коммуникативных тактик, коммуникативных действий.

Основополагающее значение целемотивационного компонента заключается в том, что он является ядром данной модели коммуникативной личности и определяет направленность взаимодействия субъектов коммуникации. Последующие компоненты надстраиваются над внутренними слоями.

Известно, что ценности выступают источником мотивации поведения человека и представляют собой «значимые для личности и общества в целом объекты, равно как и процессы и результаты духовной и материальной деятельности человека». Система ценностных ориентаций выражает внутреннюю основу отношений личности к действительности и проявляется через идеалы, убеждения, интересы, цели личности [13, с. 46].

Из последних работ, в которых затронут вопрос ценностей субъекта коммуникации, можно назвать труд Н. Ф. Алефиренко, где приводятся классификация и типы ценностей [14, с. 9–11], монографию В. В. Воро-

бьева [15], а также материалы исследования ценностной основы формирования вторичной языковой личности иностранного военнослужащего, проведенного Н. Н. Гладковой [4].

Задачи нашего исследования, касающиеся изучения ценностной основы субъекта профессиональной коммуникации, согласуются с задачами исследования Н. Н. Гладковой. Автор предложил для экспресс-диагностики использовать список общечеловеческих ценностей. Выяснилось, что иерархия ценностей изменялась в зависимости от этапа обучения и других факторов, среди которых уровень владения русским языком занимал не последнее место. Были отмечены новые ценности как результат прохождения обучения в военной образовательной организации [4].

Что касается второго элемента, так называемого ядра субъекта коммуникации, — мотивации, то в настоящем исследовании особое значение уделено мотивационной составляющей данного процесса. По вопросам мотивации мы придерживаемся научных воззрений таких ученых, как В. Г. Асеев [16], В. К. Вилюнас [17], А. Н. Леонтьев [11], Е. П. Ильин [18], А. Маслоу [19].

Так, Е. П. Ильин обозначает следующие факторы (условия), способствующие формированию у обучающихся положительного мотива к учению: осознание ближайших и конечных целей обучения; понимание теоретической и практической значимости усваиваемых знаний; эмоциональную форму изложения материала; показ «перспективных линий» в развитии научных понятий; профессиональную направленность учебной деятельности; выбор заданий, создающих проблемные ситуации в структуре учебной деятельности; наличие любознательности и «познавательного психологического климата» в учебной группе [18].

Таким образом, в настоящее время недостаточно эмпирических исследований ценностных ориентаций и мотивационной направленности иностранных обучающихся при изучении русского языка как иностранного в системе правоохранительных органов и в целом их психолого-педагогических особенностей.

Материалы и методы

Для изучения особенностей ценностно-мотивационного блока иностранных слушателей применялись следующие методы: анкетирование; педагогический анализ материалов личных дел и биографий; педагогически ориентированная беседа; педагогические тесты (письменное тематическое сочинение; ранжирование ценностей).

В исследовании приняли участие африканские слушатели из состава национальных сил полиции, проходившие обучение в Омской академии МВД России. Обучение было организовано по дополнительной общеобразовательной программе, обеспечивающей подготовку иностранных граждан к освоению про-

фессиональных образовательных программ на русском языке, с учетом последующего обучения по образовательной программе гуманитарной направленности, на очной форме обучения в 2023/24 и 2024/25 учебных годах. Среди респондентов мужчины составили 85,7% и женщины 14,28%, в возрасте от 23 до 40 лет, с высшим (85,7%) и средним (14,28%) образованием, причем 61,9% участников, кроме родного языка, владели двумя иностранными языками, 38,1% — лишь родным. Большинство из них — представители многодетных семей (61,9%). Родители 23,8% респондентов профессионально связаны с полицией, 28,6% заняты в сфере предпринимательства и 42,8% являются неработающими пенсионерами. Основная масса иностранных слушателей (91%) придерживается взглядов разнообразных религий.

Результаты и обсуждение

Ценностные ориентации при изучении русского языка как иностранного. Целью проведенного анкетирования обучающихся было выявление их ценностных ориентаций, которые в свою очередь влияли на мотивы изучения РКИ. Для этого было предложено ранжировать по степени важности такие общечеловеческие ценности, как приятное времяпрепровождение, отдых; высокое материальное благосостояние; поиск прекрасного и наслаждение им; помощь другим людям и милосердие к ним; любовь; познание нового в мире, природе, человеке; высокий социальный статус и управление людьми; признание и уважение людей и влияние на окружающих; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе; общение; здоровье.

Перечисленные ценности были распределены в три группы: *наиболее важные, важные и менее важные*. Одну и ту же ценность разные опрошенные относили к разным группам.

В группу *наиболее важных ценностей* респонденты включили здоровье (88,23%), общение (70,5%), познание нового в мире, природе, человеке (70,5%), социальную активность для достижения позитивных изменений в обществе (65%), помощь другим людям и милосердие к ним (65%), любовь (59%).

Как *важные ценности* были отмечены приятное времяпрепровождение и отдых (76,5%), высокое материальное благосостояние (53%), высокий социальный статус и управление людьми (53%), поиск прекрасного и наслаждение им (47%).

К *наименее важным ценностям* респонденты отнесли приятное времяпрепровождение (6%), помощь другим людям и милосердие к ним (6%), познание нового (6%), высокий социальный статус (6%).

Как показали результаты анкетирования, приоритет ценностных ориентаций респондентов указывает на их понимание «жизненной перспективы», т. е. системного представления личности о будущем, в структуру которого входит и эмоционально-ценностный

компонент, включающий в себя переживание отношения к будущему и ценностные ориентации.

Поскольку большинство респондентов рассматривают здоровье, общение, познание нового, социальную активность, помощь другим и любовь как наиболее важные жизненные ценности, то предположим, что их личные жизненные перспективы ассоциируются с активной социальной деятельностью, связанной с помощью другим, а именно с правоприменительной деятельностью.

Большее половины опрошенных (53%) отметили в качестве важных ценностей высокий социальный статус и управление людьми, что свидетельствует о планах личностного роста, который даст возможность занять высокое положение в обществе.

Мотивационная направленность иностранных обучающихся. Для выявления мотивационной направленности обучающихся при изучении РКИ было проведено анкетирование. Так, отвечая на первый вопрос «Зачем Вы изучаете русский язык?» (рис. 1), 76,5% респондентов указали, что нравится Россия, ее культура, история; 41,2% — в будущем будут разговаривать на русском языке с коллегами из России; 23,5% — русский язык поможет читать юридическую литературу; 17,6% — планируют читать художественную литературу, а также писать научные работы на русском языке и публиковать их в российских журналах; 11,8% — нацелены на общение на русском языке с друзьями из России; 5,9% — хотели бы развивать дальнейшее сотрудничество с партнерами из РФ.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Зачем Вы изучаете русский язык?»

(Fig. 1. Distribution of answers to the question: «Why are you studying Russian?»)

Ответы на вопрос «Почему изучение русского языка важно для моего развития?» (рис. 2) распределились следующим образом: 64,7% респондентов смогут обучить русскому языку других (коллег в своей стране); 41,2% опрошенных уверены, что дети (родственники) будут гордиться ими; 17,6% хотели бы остаться жить в России (работать, создать семью); 11,8% указали, что «я буду единственным в семье, говорящим на русском

языке», 5,9% набрал такой вариант, как «я смогу приобщиться к богатой и разнообразной культуре».

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Почему изучение русского языка важно для моего развития?»

(Fig. 2. Distribution of answers to the question: «Why is studying Russian important for my development?»)

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какую возможность предоставит мне изучение русского языка?»

(Fig. 3. Distribution of answers to the question: «What opportunity will I get studying Russian?»)

Анализируя ответы, полученные на вопрос «Какую возможность предоставит изучение русского языка?» (рис. 3), можно с уверенностью сказать, что большая часть респондентов (70,6%) изучает русский язык, чтобы поступить в вуз системы МВД России; 58,8% нацелены на получение диплома об образовании; 23,5% связывают изучение русского языка с возможностью получить продвижение по службе на своей Родине; 5,9% мечтают получить премию (награду), изучая русский язык, а также приобрести возмож-

ность пройти обучение в российских университетах, которые являются, по мнению опрошенных, лучшими вузами мира.

Таким образом, результаты исследования показали необходимость выявления особенностей социокультурных факторов конкретной национальной группы обучающихся русскому языку как субъектов коммуникации.

Выводы

1. Ценностная ориентация иностранных обучающихся обозначила их жизненные перспективы как социальную деятельность в сфере «человек — человек». Группу наиболее важных ценностей составили здоровье, общение, познание нового в мире, природе, человеке, социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе, помощь другим людям и милосердие к ним, любовь.

2. Выявленные ценности определили мотивационную направленность обучающихся. Основные мотивы изучения русского языка иностранцами, как показали результаты исследования, предопределяются:

- необходимостью освоения языка для продолжения обучения в России и получения диплома о российском образовании по специальностям, связанным с правоохранительной деятельностью;
- перспективами коммуникации с русскими коллегами и обучения сотрудников русскому языку в родной стране;
- стремлением к глубокому пониманию особенностей культуры и истории России.

3. При разработке учебных материалов следует учитывать ценностные ориентации групп иностранных слушателей и использовать эти данные в качестве мотива к освоению русского как иностранного. Тексты для изучения русского языка также должны учитывать коммуникативные потребности, запросы и познавательные интересы обучающихся.

Область применения и перспективы. Рекомендуется проводить психолого-педагогическое тестирование иностранных обучающихся в целях выявления их ценностно-мотивационных особенностей для обеспечения результативности преподавания русского языка как иностранного. Необходимо продолжить исследование в направлении изучения трудностей формирования и развития иностранных (африканских) слушателей в качестве субъектов коммуникации.

Список источников / References

1. Ключина А. М., Торгашева М. А. Психолого-педагогические особенности процесса адаптации иностранных студентов к условиям обучения в вузе в России // Современное педагогическое образование. 2019. № 1. С. 109–112.
2. Шульгина Н. П., Комарова И. А. Когнитивная модель преподавания лексики как способ реализации инновационных подходов обучения в курсе РКИ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 1. С. 78–89.
3. Массалова А. Э., Дзюба Е. В. Особенности и содержание профессионально ориентированного обучения при изучении русского языка как иностранного в военном вузе инженерного профиля // Педагогическое образование в России. 2018. № 3. С. 56–61.

4. Гладкова Н. Н. Аксиологические основы формирования вторичной языковой личности иностранного военнослужащего // Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы — новое осмысление : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. М., 2024. С. 145–148.
5. Чебурышков А. А. Современные подходы в преподавании русского как иностранного // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2020. № 9. С. 160–165.
6. Абдуазизова Д. А. Социолингвистические, лингвокультурологические и когнитивные аспекты невербальной коммуникации в разных лингвокультурах // Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы — новое осмысление : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. М., 2024. С. 49–54.
7. Веретенникова А. Е. Модель субъекта профессиональной коммуникации в сфере юриспруденции и правоохраны // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 3(34). С. 10–14.
8. Подгурецки Ю. Социальная коммуникация. М., 2006. 160 с.
9. Основы теории коммуникации : учеб. пособие. СПб., 2006. 224 с.
10. Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1981. Bd. 1, 2.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 344 с.
12. Веретенникова А. Е. Коммуникативная культура сотрудников органов внутренних дел : монография. Омск, 2009. 119 с.
13. Левитан К. М. Юридическая педагогика : учебник. М., 2008. 432 с.
14. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М., 2016. 288 с.
15. Воробьев В. В. Лингвокультурология : монография. М., 2008. 336 с.
16. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976. 158 с.
17. Вилюнас В. К. Психология развития мотивации. СПб., 2006. 458 с.
18. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2004. 509 с.
19. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2008. 352 с.

Поступила 21.05.2025; одобрена после рецензирования 22.06.2025; принята к публикации 30.09.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 34.08 © Сумина Е. А., Мишин А. М., Благовещенская М. А., Ревягин А. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-474-479

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Организационный механизм управления карьерой сотрудников органов внутренних дел

Екатерина Анатольевна Сумина, кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами¹; katren-sum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2069-1510>

Андрей Михайлович Мишин, кандидат юридических наук, слушатель 2 факультета (подготовки руководителей (начальников) территориальных органов МВД России)¹; andreym_mishin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-8469-2564>

Мария Александровна Благовещенская, кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами¹; bmatula@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

Александр Валерьевич Ревягин, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и профилактики преступлений²; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

¹ Академия управления МВД России, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Россия

² Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Рассматривается организационный механизм управления карьерой сотрудников органов внутренних дел как ключевой элемент проводимой МВД России работы по сохранению и развитию профессионального кадрового ядра. **Материалы, результаты и обсуждение.** Исследуется процесс карьерного роста, включающий этапы отбора, назначения, ротации, обучения и оценки. Выявляются системные проблемы, препятствующие эффективному функционированию механизма, такие как формализация процедур, дефицит объективности в оценке, ограниченность горизонтального роста. **Выводы.** Были детализированы структурные компоненты механизма управления карьерой сотрудников ОВД. Установлено, что эффективному функционированию механизма управления препятствует ряд барьеров. Предложены меры, позволяющие оптимизировать механизм управления карьерой сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: управление персоналом, карьерный рост, кадровая работа, служебная карьера

Для цитирования: Сумина Е. А., Мишин А. М., Благовещенская М. А., Ревягин А. В. Организационный механизм управления карьерой сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 474–479. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-474-479>

Scientific and Practical Article

UDC 34.08 © Sumina E. A., Mishin A. M., Blagoveshchenskaya M. A., Revyagin A. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-474-479

5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

Organizational Mechanism for Managing the Law Enforcement Officer's Career

Ekaterina A. Sumina, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel¹; katren-sum@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2069-1510>

Andrey M. Mishin, Candidate of Science (in Law), trainee of Faculty No. 2 (of training chief police officers of territorial bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs)¹; andreym_mishin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-8469-2564>

Maria A. Blagoveshchenskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel¹; bmatula@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4395-5514>

Alexandr V. Revyagin, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Criminology and Prevention of Crimes²; rav090@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4523-5890>

¹ Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125171, Russia

² the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The organizational mechanism for managing the law enforcement officer's career is considered as a key element of the work carried out by the Russian Ministry of Internal Affairs to preserve and develop the professional personnel core. **Materials, Results and Discussion.** The career development process is studied, including the selection, appointment, rotation, training and evaluation phases. The authors reveal systemic problems that hinder the effective functioning of the mechanism, such as formalization of procedures, lack of objectivity in evaluation, limited horizontal growth. **Conclusions.** The structural components of the career management mechanism of law enforcement officers are detailed. It is stated that the effective functioning of the management mechanism is hampered by a number of barriers. Measures are proposed to optimize the mechanism of managing law enforcement officer's career.

Keywords: managing the personnel, career growth, work with the personnel, officer's career

Citation: Sumina E. A., Mishin A. M., Blagoveshchenskaya M. A., Revyagin A. V. Organizational Mechanism for Managing the Law Enforcement Officer's Career. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 474–479 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-474-479>

Основные положения

1. Эффективный организационный механизм управления карьерой сотрудников органов внутренних дел является ключевым фактором повышения профессиональной компетентности, мотивации и удержания квалифицированных кадров, что, в свою очередь, напрямую влияет на качество и эффективность выполнения задач, стоящих перед органами внутренних дел.

2. Совершенствование организационного механизма управления карьерой сотрудников органов внутренних дел требует комплексного подхода, включающего адаптацию лучших практик государственного управления, внедрение современных информационных технологий и активное вовлечение руководителей всех уровней в процессы карьерного планирования и развития персонала.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современные вызовы и угрозы безопасности требуют от системы МВД России высочайшего уровня профессионализма, компетентности и мотивации личного состава. В этих условиях эффективное управление карьерой сотрудников становится не просто функцией кадровых подразделений, а стратегическим ресурсом, определяющим качество кадрового потенциала и, как следствие, результативность всей правоохранительной деятельности.

Управление карьерой сотрудников органов внутренних дел является важным элементом проводимой МВД России деятельности, направленным на обеспечение преемственности и укрепление профессионального ядра за счет создания прозрачных и справедливых условий для карьерного роста.

Само содержание управления карьерой предполагает наличие соответствующего организационного механизма. Организационный механизм управления карьерой сотрудников ОВД — это система взаимосвязанных компонентов, методов и процессов, направленных на планомерное развитие профессионального пути сотрудников в соответствии с целями ведомства и индивидуальными возможностями каждого работника.

Цель — выявление системных барьеров, снижающих эффективность механизма управления карьерой сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, а также предложение мер по повышению эффективности управления карьерой сотрудников органов внутренних дел.

Материалы, результаты и обсуждение

Компоненты карьерного роста сотрудников органов внутренних дел. Системный подход к карьерному росту сотрудников органов внутренних дел основывается на реализации определенных принципов (компонентов), что является одним из ключевых факторов их профессионального и личного роста [1, с. 38].

Структура и наполнение этих компонентов во многом зависят от того, как организовано управление карьерой конкретного сотрудника. Опираясь на анализ научной литературы, к основным организационным компонентам можно отнести: 1) установление целей управления карьерой; 2) стимулирование карьерной мотивации; 3) исследование и оценивание карьерных возможностей личного состава; 4) работу с кадровым резервом для продвижения; 5) планирование служебной карьеры; 6) обеспечение прозрачности процесса управления карьерой.

Рассмотрим эти компоненты более подробно.

Установление целей управления карьерой подразумевает четкое формулирование целей, которые ведомство стремится достичь, развивая карьеру своих сотрудников. Цели могут быть связаны с повышением эффективности работы, удержанием ценных кадров, подготовкой руководителей (со стороны подразделений по работе с личным составом), ростом социального статуса (со стороны сотрудников) и т. д. [2, с. 78]. Таким образом, мы можем говорить о двустороннем характере цели управления карьерой.

С позиций подразделений по работе с личным составом процесс управления карьерой преследует такие цели, как оптимальное применение профессиональных навыков сотрудника; оперативное удовлетворение нужд системы ОВД в квалифицированных и компетентных кадрах; формирование действенной мотивации для повышения эффективности деятельности сотрудников; поддержание стабильности кадрового состава, способного накапливать профессиональный опыт и поддерживать традиции ОВД.

В то же время сам сотрудник ОВД также заинтересован в управлении своей карьерой, стремясь к реализации личных целей и планов. К личным целям в управлении карьерой относятся следующие: возможность для самореализации в области управления; продвижение по служебной лестнице и, как результат, достижение высокого должностного статуса и увеличение заработной платы; получение работы, которая в большей степени соответствует профессиональным интересам и предпочтениям сотрудника.

Стимулирование сотрудников к карьерному росту. Стимулирование карьерной мотивации — создание системы, побуждающей сотрудников к карьерному росту, включающей в себя предоставление возможностей для обучения и развития, признание достижений, увеличение заработной платы и расширение полномочий [3, с. 61].

Глубокое понимание мотивационной структуры и умелое применение различных способов стимулирования существенно облегчает управление профессиональным ростом личного состава органов внутренних дел.

Вопросы мотивации карьерного продвижения издавна привлекали пристальное внимание зарубежных

исследователей. Благодаря работам таких ученых, как А. Маслоу, Ч. Барнард, Д. Мак-Грегор и Ф. Герцберг, сформировалось целое направление в теории управления, известное как мотивационное управление, получившее название «бихевиоризм». Основная идея этой теории заключается в представлении о человеческом поведении как совокупности реакций на внешние воздействия.

Карьерная мотивация определяется как внутренними, так и внешними побуждениями должностного, профессионального и личного роста сотрудника. При этом на внутреннее побуждение оказывают влияние динамические черты личности, в частности темперамент, а также интересы и личностные установки. Внешнее побуждение должностного и профессионального роста обеспечивается стимулированием этого процесса со стороны вышестоящих руководителей или подразделений по работе с личным составом. Таким образом, мотивация является одним из важнейших элементов в механизме управления карьерой [4, с. 39].

В ходе проведенного исследования на вопрос о мерах поддержки и мотивации сотрудников 38,4% респондентов указали применение мер поощрения достижений и успехов как важнейшее условие (рис.).

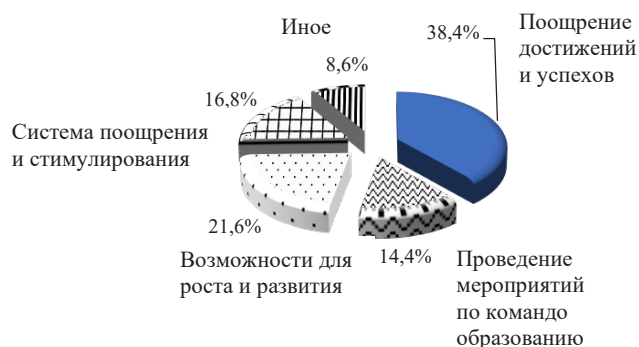

Рис. Меры поддержки и мотивации сотрудников
(Fig. Measures used for officers' support and motivation)

Исследование и оценивание карьерных возможностей личного состава — регулярная оценка профессиональных качеств сотрудников (аттестация, тестирование) позволяет выявлять перспективных работников и сформировать кадровый резерв [5, с. 108]. Основная цель такой оценки — определение соответствия потенциала сотрудника требованиям текущей и будущей деятельности ведомства. Задачи, решаемые в рамках этого процесса, включают выявление сильных и слабых сторон сотрудников, оценку их потенциала для дальнейшего развития, выбор наиболее подходящих карьерных траекторий, разработку индивидуальных планов развития, обеспечение преемственности руководящих кадров.

Важно проводить регулярную оценку профессиональных качеств, навыков и личностных характеристик сотрудников, чтобы выявить их потенциал для продвижения по службе. Традиционные методы оценки личного состава, такие как аттестация и тестирование, используются для выявления сотрудников,

обладающих высоким потенциалом для карьерного роста. Однако они имеют ряд ограничений, в частности субъективность оценки, ориентацию на прошлые достижения и недостаточную фокусировку на будущем потенциале [6, с. 66].

Психологическое тестирование, включающее тесты на интеллект, личностные качества и мотивацию, может быть полезным инструментом для оценки потенциала сотрудника к обучению, адаптации к новым условиям и достижению поставленных целей. Однако необходимо учитывать ограничения психологических тестов, например возможность фальсификации результатов и культурные различия.

Формирование и подготовка кадрового резерва. Работа с кадровым резервом для продвижения — формирование и подготовка кадрового резерва — ключевой элемент системы управления карьерой. Необходимо отбирать перспективных сотрудников и предоставлять им возможности для развития лидерских качеств и управленческих навыков.

Создание резерва кадров — ключевой элемент в общей стратегии управления человеческими ресурсами, который гарантирует результативную работу органов внутренних дел и соответствует стандартам профессионального совершенствования [7, с. 118]. Ключевые направления деятельности в этой сфере: внедрение инновационных подходов, методик и технологий управления всеми аспектами, связанными с резервом кадров, обучением персонала, а также их продвижением по службе; применение принципов и механизмов, обеспечивающих объективную оценку способностей сотрудников органов внутренних дел. Главная проблема, стоящая перед системой подготовки резерва кадров МВД России, — это создание структуры, обуславливающей взаимосвязь, согласованность и непрерывность процессов формирования, обучения и карьерного продвижения сотрудников.

Важным шагом в формировании кадрового резерва является совершенствование системы карьерного консультирования, которая дает возможность каждому сотруднику выстраивать собственную карьеру, опираясь на свои индивидуальные способности, интересы и нужды, а также на потребности службы. Система формирования резерва кадров МВД России базируется на принципах профессионализма и ответственности.

Планирование служебной карьеры — это комплекс мер, направленных на обеспечение профессионального роста, эффективного использования потенциала и повышения мотивации к службе. Этот процесс имеет стратегическое значение для организации, поскольку позволяет формировать высококвалифицированный и преданный кадровый резерв, способный эффективно решать поставленные задачи. В условиях постоянно меняющихся требований к деятельности полиции особенно важно обеспечить систематический подход

к развитию каждого сотрудника, учитывая его индивидуальные особенности, потребности и перспективы, т. е. этот процесс носит индивидуальный характер и требует постоянного взаимодействия руководства и подчиненных. План должен включать конкретные шаги, необходимые для достижения желаемой должности [8, с. 117]. Данный компонент охватывает не просто образовательные программы и тренинги, но и разработку стратегии карьерного развития, согласование функционала с навыками и предпочтениями персонала, обеспечение доступа к непрерывному совершенствованию знаний и умений любого сотрудника. Реализация этого компонента формирует у сотрудников ощущение уверенности в карьерных перспективах, укрепляет их профессиональную мотивацию¹.

Обеспечение прозрачности процесса управления карьерой — все сотрудники должны иметь равный доступ к информации о возможностях карьерного роста и критериях такого продвижения. Это способствует созданию справедливой и прозрачной системы управления карьерой.

Таким образом, системный подход к карьерному росту сотрудников органов внутренних дел основывается на реализации определенных принципов (компонентов), что является одним из ключевых факторов их профессионального и личного роста.

Непрерывное совершенствование профессиональных навыков — важнейший элемент карьерного продвижения сотрудников правоохранительных органов. Необходимость непрерывного процесса обучения диктуется потребностями поддержания общественной безопасности и правопорядка [9, с. 907]. Уделяя особое внимание профессиональному развитию и построению карьеры сотрудников, органы внутренних дел создают благоприятную среду для формирования профессионального самосознания, что, в свою очередь, укрепляет удовлетворенность сотрудников своей деятельностью и увеличивает их результативность. Грамотное планирование карьерного роста стимулирует личностное и профессиональное развитие сотрудников МВД России, оказывая положительное воздействие на функционирование всей правоохранительной системы.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации управление профессиональным ростом личного состава ориентировано на выявление наиболее подходящих путей развития для каждого сотрудника, формирование и реализацию образовательных программ, а также систематическую проверку их компетентности. Ключевой аспект управления карье-

рой заключается в тщательном анализе карьерных устремлений сотрудников в целях их последующего согласования со стратегическими задачами и потребностями ведомства.

Правовое регулирование работы с кадровым резервом закреплено в ст. 78 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Нормы закона устанавливают два уровня кадрового резерва, в зависимости от иерархического построения системы МВД России: первый — федеральный уровень, который предполагает подготовку резервиста на должность высшего начальствующего состава, и второй уровень — подготовку для замещения должностей руководителей (начальников) из числа должностей среднего и старшего начальствующего состава — кадровые резервы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальных органов, подразделений.

Руководитель соответствующего органа внутренних дел уполномочен принимать решение о назначении на должность сотрудника, находящегося в кадровом резерве для продвижения на позиции руководителей среднего и старшего звена. В виде исключения законодательство допускает назначение на руководящие должности лиц, не состоящих в резерве, при отсутствии возможности заполнения вакансии кандидатом из числа резервистов.

При этом п. 3.1 ст. 78 упомянутого закона³ содержит норму императивного характера. В случае отказа резервиста от назначения на предложенную ему вышестоящую должность без уважительных причин он в течение четырех лет лишается возможности своего повторного включения в кадровый резерв и назначения его на вышестоящую должность.

Более детально организационные вопросы работы с кадровым резервом в органах внутренних дел Российской Федерации регламентируются в приказе МВД России от 12 января 2021 г. № 5 «Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений», где урегулирован процесс формирования кадрового резерва, начиная от целей его создания, видов, условий и заканчивая основаниями для исключения из него.

В соответствии со ст. 1 данного приказа целью формирования кадрового резерва является своевременное и качественное комплектование должностей

¹ Управление персоналом : энциклопедия / А. Я. Кибанов, И. А. Баткаева, В. В. Водянова и др. М., 2009. С. 118.

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ к нормативным правовым документам здесь и далее в статье из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 318-ФЗ.

с учетом текущей и перспективной потребности в замещении должностей, причем без учета конкретной должности или профиля деятельности для предполагаемого назначения. В данном случае законодатель предусматривает универсальность подхода к подготовке кадрового резерва.

Руководитель подразделения, а также подразделения по работе с личным составом вправе включить в резерв кадров несколько сотрудников, т. е. число резервистов законом не ограничивается. Разумеется, для включения в резерв кадров кандидат должен соответствовать установленным критериям отбора.

В приказе МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» закреплено, что сотрудники, находящиеся в резерве кадров, должны пройти обучение. При этом профессиональная подготовка сотрудников, зачисленных в резерв кадров, представляет собой дополнительное профессиональное обучение по соответствующим программам переподготовки.

Управление профессиональным ростом личного состава. В исследовании участвовали 208 сотрудников МВД России, среди которых 145 должностных лиц руководящего звена и 63 сотрудника, находящихся в подчинении. Выборка из числа руководителей ОВД распределилась следующим образом: руководители мужского пола — 74%, женского — 26%, возраст — от 35 до 50 лет. Категория подчиненных сотрудников представлена следующим образом: мужского пола — 61%, женского — 39%, возраст — от 20 до 50 лет, стаж службы в органах внутренних дел — от 6 месяцев до 35 лет, что говорит о разнообразии в профессиональном опыте опрашиваемых сотрудников органов внутренних дел.

Результаты изучения детерминанта «важность продвижения по службе» демонстрируют, что подавляющее большинство опрошенных оценивает этот фактор как очень значимый. В частности, 63 участника (39%) считают карьерный рост исключительно важной составляющей, а 90 человек (48%) склонны полагать его достаточно важным в их трудовой деятельности. При этом немногочисленная группа, включающая 40 человек (8,5%), скорее не придает значения продвижению, и для 15 человек (4,5%) он совершенно несущественный. Полученные сведения акцентируют доминирующее восприятие значимости развития профессиональной карьеры.

Анализ карьерных ожиданий персонала демонстрирует, что подавляющее большинство, а именно 153 опрошенных (74,4%), выбирают плавный и последовательный карьерный рост. В то же время 55 человек (25,6%) выразили заинтересованность в более быстром продвижении по службе.

Изучение факторов, затрудняющих профессиональный рост, выявило, что 67 сотрудников (39%) отмечают существование подобных преград, тогда как 141 респондент (61%) заявляет об их отсутствии. Данные результаты акцентируют значимость не только выбора методов карьерного развития, но и понимания возможных сложностей в этом процессе.

Таким образом, выявлен ряд системных барьеров, снижающих эффективность рассматриваемого механизма. Прежде всего к ним относятся:

1. Формализация процедур оценки. Часто аттестация и конкурсные процедуры носят формальный характер, не всегда выявляя реальный потенциал и лидерские качества сотрудника.

2. Дефицит прозрачности и объективности. Отсутствие четких, измеримых и понятных для всех сотрудников критериев продвижения может порождать служебный произвол и коррупционные риски.

3. Слабая развитость горизонтальной карьеры. Система в большей степени ориентирована на вертикальный рост (повышение в должности и звании). Возможности для роста в рамках одной должности через расширение обязанностей, освоение смежных компетенций (горизонтальная карьера) развиты недостаточно, что снижает мотивацию сотрудников.

В нынешних реалиях применение новейших подходов к работе с личным составом в управлении карьерой приобретает особую значимость. Современные средства, обеспечивающие быстрый доступ к актуальной информации о служебной деятельности и индивидуальных достижениях сотрудников, служат фундаментом для более детального изучения их квалификации и профессионального соответствия. Для преодоления выявленных проблем и повышения эффективности управления карьерой мы предлагаем следующие меры:

1. Внедрение современных технологий оценки и развития персонала, такие как использование централизованного тестирования для оценки управленческого и личностного потенциала кандидатов на высшие должности.

2. Формализация и индивидуализация планирования карьеры. Разработка и внедрение индивидуальных планов карьерного развития для перспективных сотрудников и состоящих в кадровом резерве, который должен включать конкретные цели, этапы обучения, сроки и ожидаемые результаты.

3. Стимулирование горизонтальной карьеры. Внедрение системы профессиональных ступеней внутри одной должности, где повышение связано с ростом квалификации, освоением новых навыков и достижением высоких результатов.

4. Повышение прозрачности и гласности кадровых процедур. Широкое информирование личного состава о вакансиях, требованиях к кандидатам и результатах конкурсов через информационные системы.

Выводы

Организационный механизм управления карьерой в органах внутренних дел России представляет собой сложную, нормативно закреплённую систему, играющую ключевую роль в формировании кадрового потенциала ведомства. Однако его текущее состояние характеризуется наличием ряда дисфункций, связанных с формализацией, недостаточной объективностью и ограниченностью карьерных траекторий. Совершенствование данного механизма требует комплексного подхода, ориентированного на внедрение современных методов оценки, развитие системы планирования карьеры и расширение возможностей для горизонтального роста. Реализация предложенных мер позволит создать более гибкую, справедливую и эффективную систему управления карьерой, что в итоге будет способствовать укреплению кадрового состава органов внутренних дел.

Область применения и перспективы.

Деятельность кадровых подразделений органов, организаций МВД России, а также образовательных организаций по управлению карьерой сотрудников должна учитывать специфику организационного механизма управления карьерой сотрудников и современных технологий (HR-технологий, развитие наставничества, стратегическое планирование карьеры), обеспечивающих доступ к актуальной информации о служебной деятельности и индивидуальных достижениях сотрудников ОВД. Это напрямую связано с формированием индивидуальных карьерных траекторий и повышением мотивации персонала. Дальнейшее исследование может быть направлено на разработку метрик для оценки эффективности внедрения новых карьерных моделей, а также исследование психолого-педагогических аспектов формирования лидерских качеств и управленческих компетенций у молодых специалистов.

Список источников / References

1. Петров С. А. Управление карьерой государственных гражданских и муниципальных служащих: теория и практика. М., 2020. 312 с.
2. Сидоров В. Г. Кадровая политика и управление персоналом в органах внутренних дел : монография. М., 2019. 278 с.
3. Современные технологии управления персоналом в правоохранительных органах / под ред. А. В. Колесникова. СПб., 2021. 195 с.
4. Михайлова Т. В., Савченко Е. А. Особенности отношения сотрудников ОВД к карьерному росту в процессе профессионального роста // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 2(5). С. 35–42.
5. Белько И. В., Карабанова О. В. Исследование понятия «карьера» и особенностей управления карьерой // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Экономика. 2023. № 2(36). С. 107–118.
6. Галанин О. А. Организация работы с резервом для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации в свете требований административной реформы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 66–67.
7. Игнатов А. И., Симачкова Н. Н. Понятие карьеры, стратегии деловой карьеры персонала // Экономика. Управление. Право : сб. статей. Екатеринбург, 2022. С. 117–120.
8. Ковалевич М. С., Леонюк Н. А. Успешность карьеры как условие личностной и профессиональной самореализации // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 13, № 3. С. 112–121.
9. Ширяева Т. Ю., Карпова В. А. Деловая карьера и процесс управления карьерой в организации // Теория и практика современной аграрной науки : сб. III национальной (всерос.) науч. конф. с междунар. участием : в 3 т. Новосибирск, 28 февраля 2020 года. Новосибирск, 2020. Т. 3. С. 907–910.

Поступила 18.04.2025; одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Теория и методика спорта, профессиональной физической подготовки и оздоровительной физической культуры

**Theory and methods of sports, professional physical training
and health improving physical culture**

Научно-практическая статья

УДК 796.853.232 © Осипов А. Ю., Гуралев В. М., Дворкин В. М., Клепцова Т. Н., 2025

doi: 10.24412/1999-6241-2025-4103-480-486

5.8.5. Теория и методика спорта

Сравнение использования двух специфичных функциональных тренировок в процессе соревновательной подготовки дзюдоисток-юниорок

Александр Юрьевич Осипов, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры^{1,2};

Ale44132272@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2277-4467>

Владимир Михайлович Гуралев, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки³;

Gural100@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1270-6540>

Владимир Михайлович Дворкин, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки³;

Dvorkin528@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1270-6540>

Татьяна Николаевна Клепцова, доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта⁴;

Tanya-fi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0436-0113>

¹ Сибирский федеральный университет, 660041, Красноярск, пр-кт Свободный, 79, Россия

² Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, 660022, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1, Россия

³ Сибирский юридический институт МВД России, 660131, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, Россия

⁴ Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 660137, Красноярск, пр-кт им. газеты Красноярский рабочий, 31, Россия

Реферат. Введение. В тренировочном процессе борцов дзюдо ученые и специалисты в области боевых искусств рекомендуют использовать потенциал высокоинтенсивных интервальных тренировок. Цель — оценка влияния двух специфичных для борьбы дзюдо высокоинтенсивных интервальных тренировок на уровень специальной работоспособности и соревновательной подготовленности дзюдоисток. **Материалы и методы.** Квалифицированные спортсменки (n=22) приняли участие в 6-недельном учебно-тренировочном сборе, во время которого использовались высокоинтенсивные интервальные тренировки. Для группы 1 (n=11) соотношение интервалов нагрузки и отдыха составляло 20/10 с, для группы 2 (n=11) — 30/10 с. Оценка показателей, характеризующих уровень специальной работоспособности и соревновательной подготовленности спортсменок, проводилась с помощью методов: Special Judo Fitness Test by S. Sterkowicz и Potencial analysis system. **Результаты и обсуждение.** Обнаружены достоверные ($p \leq 0,05$) различия в результатах спортсменок. Показатели дзюдоисток, использовавших высокоинтенсивные интервальные тренировки с соотношением интервалов нагрузки и отдыха 30/10 с, оказались выше. Можно заявить о значимом преимуществе использования данной специфичной высокоинтервальной тренировки в процессе подготовки к соревновательным выступлениям спортсменок-дзюдоисток юниорского возраста. **Выводы.** Результаты позволяют утверждать о более существенном положительном влиянии высокоинтенсивной интервальной тренировки, характеризующейся соотношением временных интервалов нагрузки и отдыха — 30/10 с, на уровень специальной работоспособности и соревновательной подготовленности дзюдоисток-юниорок.

Ключевые слова: спортивные единоборства, женское дзюдо, физическая подготовленность, соревновательная подготовка, интервальные тренировки, Special Judo Fitness Test (SJFT), Potencial analysis system (PotAS)

Для цитирования: Осипов А. Ю., Гуралев В. М., Дворкин В. М., Клепцова Т. Н. Сравнение использования двух специфичных функциональных тренировок в процессе соревновательной подготовки дзюдоисток-юниорок // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. № 4(103). С. 480–486. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-480-486>

Scientific and Practical Article

UDC 796.853.232 © Osipov A. Yu., Guralev V. M., Dvorkin V. M., Kleptsova T. N., 2025

doi: 10.24412/1999-6241-2025-4103-480-486

5.8.5. Theory and Methods of Sports

Comparison of Using Two Specific Functional Training Sessions in the Process of Competitive Training of Women Judo Juniors

Alexandr Yu. Osipov, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Physical Culture^{1,2}; Ale44132272@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2277-4467>

Vladimir M. Guralev, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Physical Training³; Gural100@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1270-6540>

Vladimir M. Dvorkin, Candidate of Science (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Physical Training³; Dvorkin528@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1270-6540>

Tatiana N. Kleptsova, Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Physical Education and Sports⁴; Tanya-fi@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0436-0113>

¹ Siberian Federal University, 79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Russia

² Krasnoyarsk State Medical University named after professor V. F. Voyno-Yasenetsky, 1, Partisan Zhelezniak st., Krasnoyarsk, 660022, Russia

³ Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 20, Rokossovsky st., Krasnoyarsk, 660131, Russia

⁴ Siberian State University of Science and Technology named after academician M. F. Reshetnev, 31, named after newspaper 'Krasnoyarsky Rabochy' pr., Krasnoyarsk, 660137, Russia

Abstract. Introduction. In the judoka's training process, scientists and martial art specialists recommend using the potential of high-intensity interval training sessions. Discussions continue on the most effective forms and structural content of high-intensity interval training sessions in the practice of trained judoka. The objective is to evaluate the impact of two specific for judo high-intensity interval training sessions on the level of special performance and competitive preparation of female judoka. **Materials and Methods.** Qualified female athletes (n=22) participated in a 6-week learning-training practice, during which high-intensity interval training sessions were employed. Group 1 (n=11) used high-intensity interval training sessions with the ratio of load and rest intervals 20/1 sec, group 2 (n=11) — 30/10 sec respectively. Evaluation of indicators characterizing the level of special performance and competitive preparation of sportswomen was carried out via the following methods: Special Judo Fitness Test by S. Sterkowicz and Potential analysis system. **Results and Discussion.** The authors found reliable ($p \leq 0.05$) differences in results of Special Judo Fitness Test by S. Sterkowicz and Potential analysis system, in favor of women judokas who used high-intensity interval training sessions with the ratio of load and rest intervals (30/10 sec). Thus, it is possible to state the significant advantage of using this specific high interval training session in the process of preparation for competitive performances of female judo juniors. **Conclusions.** The results enable the authors to prove a more significant positive influence of the high-intensity interval training session specific for judo (characterized by the ratio of time intervals of load and rest — 30/10 sec) on the level of special working capacity and competitive proficiency of female judo juniors.

Keywords: sport martial arts, women judo, physical proficiency, competitive training, interval training sessions, Special Judo Fitness Test (SJFT), Potential analysis system (PotAS)

Citation: Osipov A. Yu., Guralev V. M., Dvorkin V. M., Kleptsova T. N. Comparison of Using Two Specific Functional Training Sessions in the Process of Competitive Training of Women Judo Juniors. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 480–486 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-480-486>

Основные положения

1. Современное соревновательное дзюдо требует от спортсмена высокого уровня физической и функциональной подготовленности (в частности, высоких характеристик уровня развития взрывной силы и силовой выносливости) для достижения спортивного успеха. Повышение уровня физической и функциональной подготовленности борцов дзюдо обусловлено потенциалом высокоинтенсивных интервальных тренировок.

2. Содержание высокоинтенсивных интервальных тренировок для дзюдоистов юниорского возраста (от 18 до 22 лет), соревнующихся в дзюдо, должно включать оптимальное соотношение интервалов нагрузки и отдыха и определенный двигательный контент (бросковую технику дзюдо).

Введение

Актуальность, значимость, постановка проблемы. Современное дзюдо является высокоинтенсивным и довольно энергозатратным видом контактных единоборств, что обеспечивает динамичность и зрелищность соревновательной борьбы и способствует развитию популярности дзюдо во многих странах мира. Помимо высокого уровня тактико-технической подготовленности, борцы дзюдо должны обладать и высоким уровнем физической и функциональной готовности к конкурентной соревновательной борьбе [1]. Эксперты указывают, что уровень работоспособности, связанный с показателями развития взрывной силы и силовой выносливости спортсменов-единоборцев, является критически важным фактором для достижения спортивного успеха в единоборствах [2].

С 2009 г. международная федерация дзюдо использует систему учета рейтинговых баллов при отборе элитных спортсменов для участия в крупных международных соревнованиях: чемпионаты континентов, чемпионаты мира и олимпийские игры. Чтобы набрать необходимое количество баллов, спортсмены участвуют во многих отборочных соревнованиях (как правило, от 5 до 10 крупных международных турниров) в условиях довольно жесткой конкуренции с соперниками. В связи с этим к уровню физической и функциональной подготовленности спортсменов-дзюдоистов предъявляются повышенные требования [3]. В данных условиях проблемы оптимальной подготовки квалифицированных дзюдоистов к соревновательным выступлениям, в том числе и возможность увеличения уровня специальной работоспособности и физической подготовленности борцов дзюдо к конкурентной соревновательной борьбе, являются в настоящее время актуальными и значимыми для экспертного и научно-спортивного сообщества.

Цель — оценка влияния двух специфичных для борьбы дзюдо высокоинтенсивных интервальных тренировок на уровень специальной работоспособности и соревновательной подготовленности молодых женщин, соревнующихся в дзюдо.

Теоретические предпосылки и степень изученности проблемы. Ученые и эксперты в сфере спорта рекомендуют борцам дзюдо использовать в практике подготовки к соревнованиям методы, соответствующие специфике соревновательных поединков [4–6]. Эксперты выявили, что в соревновательном дзюдо действуют определенные временные интервалы, характеризующие высокую и низкую интенсивность двигательных действий спортсменов (прерывистость), когда интервалы высокой интенсивности двигательных действий сменяются интервалами довольно низкой двигательной интенсивности, во временном соотношении приблизительно как 2/1 или 3/1 (20 или 30 с — энергозатратный «спурт»; 10 с — пауза пассивного отдыха или свободные перемещения) [7]. Современной спортивной науке хорошо известны значимые преимущества использования высокоинтенсивных интервальных тренировок (далее — ВИИТ), в которых интервалы выполнения двигательных действий с максимально высокой интенсивностью сменяются более короткими интервалами выполнения двигательных действий более низкой интенсивности или пассивным отдыхом. Ученые и специалисты в области боевых искусств указывают, что ВИИТ хорошо подходят для развития специальной работоспособности элитных единоборцев, в частности улучшения показателей аэробной и анаэробной выносливости, взрывной силы и скоростно-силовых способностей [5–9].

Несмотря на заявленные преимущества использования ВИИТ в практике предсоревновательной и соревновательной подготовки дзюдоистов, в научной литературе продолжают дискуссии о наиболее эффективных формах и содержании ВИИТ, способных обеспечить значимое преимущество в уровне специальной работоспособности борцов дзюдо. Эксперты дискутируют как о наилучших временных интервалах соотношения нагрузки и отдыха в программах ВИИТ, так и о двигательной структуре ВИИТ, используемых в подготовке дзюдоистов. Предлагаются различные варианты соотношения интервалов нагрузки и отдыха в ВИИТ (10/10 с; 20/10 с; 30/10 с; 40/20 с и т. д.), большое количество двигательных действий: спринты, силовые упражнения с малым весом, характерные для специфики дзюдо двигательные действия (как правило, броски), разные временные периоды использования ВИИТ (от 2 до 8 недель) [7; 10–12].

Существует много научных публикаций, освещающих преимущества использования ВИИТ в практике подготовки квалифицированных дзюдоистов, однако наблюдается недостаток объективных данных о преимуществах использования ВИИТ в процессе повышения уровня специальной работоспособности женщин, соревнующихся в дзюдо, и их влиянии на уровень подготовленности молодых спортсменок-дзюдоисток к конкурентной соревновательной борьбе.

Материалы и методы

Использовались методы обобщения, конкретизации и структурный анализ значимых и актуальных данных, освещающих вопросы повышения уровня специальной работоспособности спортсменов, соревнующихся в дзюдо, с применением средств и методов ВИИТ; опрос участниц исследования; педагогический эксперимент, посвященный оценке влияния определенных ВИИТ на подготовку дзюдоисток к соревновательной борьбе; специфичные для дзюдо методы оценки уровня специальной работоспособности (Special Judo Fitness Test) и соревновательного потенциала (Potencial analysis system); а также методы статистической обработки результатов исследования.

Процедуры поиска, обобщения, конкретизации и структурного анализа актуальной научной информации выполнены с помощью использования поисковых запросов, созданных в крупнейших отечественных и зарубежных порталах хранения научной периодики, предоставляющих свободный и безвозмездный доступ к хранящимся материалам.

Педагогический эксперимент, посвященный оценке влияния двух специфичных для дзюдо ВИИТ на уровень специальной работоспособности и соревновательной подготовленности дзюдоисток, проводился на базе двух спортивных школ г. Красноярск (Академии борьбы имени Д. Г. Миндияшвили и Спортивной школы олимпийского резерва по дзюдо).

Результаты и обсуждение

Разработка программы педагогического эксперимента. Общая продолжительность эксперимента составила 10 недель (1-я и 2-я недели были посвящены отбору участниц исследования и комплектованию групп, утверждению плана эксперимента, согласованию объема физической нагрузки, тестовым испытаниям, позволяющим оценить уровень специальной работоспособности участниц; с 3-й по 8-ю неделю проводился учебно-тренировочный сбор (далее — УТС), в рамках которого применялись ВИИТ; на 9-й неделе эксперимента были осуществлены повторная оценка уровня специальной работоспособности и оценка уровня соревновательной подготовленности спортсменок; на 10-й неделе обрабатывались и анализировались результаты эксперимента).

Критерии отбора участниц:

— возраст участниц не моложе 18 лет и не старше 22 лет, общий стаж тренировочной деятельности в дзюдо не менее 7 лет, стаж соревновательной деятельности не менее 4 лет (включая участие в соревнованиях регионального и национального уровня), спортивная квалификация участниц — кандидаты в мастера спорта (КМС) по дзюдо и самбо, весовая категория до 57 кг и до 63 кг);

— отсутствие заболеваний или травм, ограничивающих возможности полноценного участия в исследовании.

Процедура отбора спортсменок включала короткий опрос и беседу с ними и их тренерами, по итогам которых принималось решение о допуске к участию в исследовании. К эксперименту были допущены 22 молодые спортсменки, которые составили две равные группы. Перед началом УТС все участницы и их тренеры были подробно ознакомлены с планом проведения, целью и задачами исследования, продолжительностью и характером тренировочной нагрузки, спецификой ВИИТ, процедурами тестирования, сбора и оценки полученных результатов. Все спортсменки подписали информированное согласие на участие в исследовании и публикацию полученных данных в изданиях научной периодики.

УТС спортсменок представлял собой специально организованные учебно-тренировочные занятия по дзюдо, направленные на повышение уровня физической, функциональной и тактико-технической подготовленности дзюдоисток-юниорок к соревновательной борьбе. Общий объем учебно-тренировочной нагрузки составлял около 20–22 часов в неделю, общая продолжительность УТС — 6 недель (табл. 1).

Две специфичные для борьбы дзюдо ВИИТ были добавлены в программу утренних тренировок спортсменок по понедельникам, четвергам и субботам.

Структура высокоинтенсивных интервальных тренировок представляла собой выполнение в мак-

Таблица 1. Общая программа учебно-тренировочного сбора
(Table 1. General program of learning training practice)

Дзюдоистки-юниорки	
Понедельник	
УТ*	— разминка (30 мин), Uchikomi* (50–60 мин), ВИИТ (10–11 мин)
ВТ*	— разминка (30 мин), Uchikomi (50–60 мин), игры (20–30 мин)
Вторник	
УТ	— разминка (30 мин), Uchikomi (40–50 мин), игры (20–30 мин)
ВТ	— разминка (40 мин), Randori* (50–60 мин)
Среда	
УТ	— разминка (30 мин), Uchikomi (40–50 мин), игры (20–30 мин)
ВТ	— разминка (30 мин), ОФП* (60 мин)
Четверг	
УТ	— разминка (30 мин), Uchikomi (50–60 мин), ВИИТ (10–11 мин)
ВТ	— разминка (30 мин), Uchikomi (50–60 мин), игры (20–30 мин)
Пятница	
УТ	— разминка (30 мин), Uchikomi (40–50 мин), игры (20–30 мин)
ВТ	— разминка (40 мин), Randori (50 мин)
Суббота	
УТ	— разминка (30 мин), Uchikomi (60 мин), ВИИТ (10–11 мин)
ВТ	— разминка (30 мин), ОФП (60 мин)
Воскресенье	
УТ	— игры (60 мин)

Примечания: УТ — утренняя тренировка; ВТ — вечерняя тренировка; Uchikomi — отработка технических приемов дзюдо; Randori — спарринги; ОФП — общая физическая подготовка.

симально быстром темпе различных бросков дзюдо в течение 12 подходов (6 подходов — пассивный отдых в течение 3 минут — 6 подходов), в каждом подходе спортсменки выполняли определенный бросок:

- 1-й — бросок через спину (Ippon-seoi-nage),
- 2-й — бросок через бедро (Sode-tsurikomi-goshi),
- 3-й — бросок передней подножкой (Tai-otoshi),
- 4-й — бросок задней подножкой (O-soto-gari),
- 5-й — бросок отхватом под обе ноги (O-soto-guruma),
- 6-й — бросок через спину (Ippon-seoi-nage).

Интервалы выполнения бросков чередовались с короткими интервалами пассивного отдыха. Дзюдоистки группы 1 выполняли ВИИТ с соотношением интервалов нагрузки и отдыха 20/10 с, дзюдоистки группы 2 — с соотношением интервалов нагрузки и отдыха 30/10 с. Первые 6 подходов все спортсменки выполняли броски в правую сторону, остальные 6 подходов — в левую сторону. Двигательное содержание и общий объем специфичных ВИИТ для исследуемых спортсменок были разработаны авторами с учетом актуальных научных данных и рекомендаций специалистов [4; 5; 7; 8; 11], позволивших определить оптимальные соотношения интервалов нагрузки и пассивного отдыха в ВИИТ и специфику двигательных действий, подходящих для спортсменок-дзюдоисток.

Процедуры оценки уровня специальной работоспособности участниц исследования выполнены с помощью использования специального фитнес-теста для дзюдо — Special Judo Fitness Test (SJFT) [13], разработанного S. Sterkowicz в 1995 г. и за последние 30 лет ставшего самым популярным методом, способным

достоверно показать уровень готовности спортсменов к специфическим нагрузкам, характерным для высокоинтенсивной, прерывистой и энергозатратной природы борьбы дзюдо. Тест представляет собой выполнение спортсменом бросков через спину (Ipponseoi-nage) двух своих партнеров, которые находятся на расстоянии 3 м от него. Чтобы совершить как можно больше бросков через спину, спортсмен вынужден подбегать к своим партнерам по тесту с максимальной скоростью. Броски осуществляются в течение 3 периодов: первый — 15 с, второй — 30 с, третий — 30 с, с интервалами отдыха между периодами по 10 с.

По окончании последнего периода выполнения бросков тестируемому спортсмену дважды измеряют частоту сердечных сокращений (далее — ЧСС), сразу после нагрузки и через 1 мин пассивного отдыха. Затем по специальной формуле $((ЧСС1+ЧСС2) / \text{количество бросков})$ рассчитывается индекс SJFT. Чем меньше значение индекса SJFT, тем выше уровень работоспособности тестируемого дзюдоиста [14]. Все участницы исследования выполнили SJFT дважды — на 2-й и 9-й неделе исследования. Для повышения уровня достоверности оценки результатов индекса SJFT были использованы нормативные классификационные таблицы результатов SJFT для молодых женщин, соревнующихся в дзюдо (табл. 2).

Таблица 2. Нормативные значения индекса оценки специальной работоспособности (SJFT) для дзюдоисток-юниорок [15]
(Table 2. Standard values of specific performance index (SJFT index) for female judo juniors [15])

Классификация	Индекс SJFT
Отлично / Excellent	≤12,18
Хорошо / Good	12,19–13,71
Нормально / Regular	13,72–16,13
Плохо / Poor	16,14–17,41
Очень плохо / Very poor	≥17,42

Влияние используемых в исследовании специфичных ВИИТ на уровень готовности участниц к конкурентной соревновательной борьбе оценивалось с помощью контрольных поединков, моделирующих условия соревновательной борьбы. Все исследуемые спортсменки приняли участие в четырех контрольных поединках по дзюдо. Участницы вступали в контрольные поединки только со спортсменками своих весовых категорий. Борьба проводилась по действующим правилам IJF (время каждого контрольного поединка составляло 4 мин. чистого времени, при необходимости использовалось дополнительное время). Все поединки обслуживали квалифицированные спортивные судьи (были приглашены 4 специалиста: 2 судьи всероссийской категории и 2 судьи 1-й категории по дзюдо). Дополнительно были организованы видеосъемка и видеозапись всех поединков для объективного решения вероятных спорных ситуаций, связанных с судейскими

решениями. Общая оценка результатов выступлений участниц проводилась на основе принципов системы оценки спортивного потенциала. Данная система позволяет исследователям объективно оценить потенциал соревновательных достижений атлетов, она успешно апробирована для оценки соревновательных достижений борцов дзюдо [16]. Согласно указанным принципам спортсмену за участие в соревнованиях следует начислять рейтинговые баллы. В данном исследовании всем спортсменкам за победу в контрольном поединке начислялось 10 баллов, за участие в контрольном поединке — 5 баллов (за 4 контрольных поединка участницы могли набрать от 20 до 40 баллов).

Математико-статистическая обработка результатов исследования была выполнена с помощью специальной программы для статистической обработки данных — SPSS Statistics 27.0. Необходимые процедуры проверки полученных данных на нормальность, однородность и равенство дисперсий выполнены с помощью критерия Шапиро-Уилка, теста Левена и критерия F-Фишера. Для объективного сравнения данных, характеризующих значения индекса SJFT и PotAS, между исследуемыми группами спортсменок использовались независимые (двухвыборочные) t-тесты. Статистическая значимость результатов была определена на уровне $p \leq 0,05$.

Проверка эффективности экспериментальной программы высокоинтенсивных тренировок. На 2-й неделе исследования прошел первый этап тестирования уровня специальной работоспособности всех участниц. Спортсменки выполнили процедуру SJFT. Обе исследуемые группы показали приемлемый уровень специальной работоспособности (индекс SJFT в диапазоне от 13,72 до 16,13 по нормативным значениям). В группе 1 среднее значение индекса SJFT $14,32 \pm 0,76$, в группе 2 — $14,06 \pm 0,35$ (табл. 3).

Таблица 3. Динамика показателей специальной работоспособности и соревновательной подготовленности исследуемых спортсменок в период учебно-тренировочного сбора
(Table 3. Dynamics of specific performance and competitive proficiency indicators of the female athletes under study during learning training practice)

Дзюдоистки-юниорки (n=22)			
Показатели	Группа 1 (n=11)	Группа 2 (n=11)	p≤
1-й этап, 2-я неделя УТС			
Специальная работоспособность (SJFT)	14,32±0,76	14,06±0,35	0,857
2-й этап, 9-я неделя УТС			
Специальная работоспособность (SJFT)	13,89±0,92	12,76±0,41	0,006*
Соревновательная подготовленность (PotAS)	27,26±7,19	32,74±7,20	0,047*

Примечание. * — достоверность различий $p \leq 0,05$.

По окончании УТС на 9-й неделе исследования был проведен второй этап тестирования, включавший в себя повторную процедуру SJFT и выступление

в контрольных поединках по дзюдо. Оценка результатов SJFT показала наличие достоверных ($p \leq 0,05$) различий в показателях индекса SJFT в пользу спортсменок группы 2, в течение УТС выполнявших ВИИТ с соотношением интервалов нагрузки и отдыха 30/10 с. Среднее значение индекса SJFT у дзюдоисток группы 1 улучшилось до $12,76 \pm 0,41$ (диапазон от 12,19 до 13,71 по нормативным значениям). У спортсменок группы 1, в течение УТС выполнявших ВИИТ с соотношением интервалов нагрузки и отдыха 20/10 с, среднее значение индекса SJFT улучшилось до $13,89 \pm 0,92$, но осталось в диапазоне от 13,72 до 16,13 по нормативным значениям.

Оценка результатов контрольных поединков по дзюдо, выполненная с помощью принципов PotAS, позволила выявить значимые ($p \leq 0,05$) различия в количестве набранных баллов между исследуемыми группами в пользу группы 2.

В среднем спортсменки из группы 2 набрали 32 балла PotAS, а спортсменки из группы 1 — лишь 27 баллов PotAS (табл. 3).

Таким образом, проведенное исследование является одной из немногих научных работ, освещающих вопросы повышения уровня работоспособности и соревновательной подготовленности дзюдоисток юниорского возраста средствами и методами ВИИТ. В научной литературе представлены данные о влиянии различных ВИИТ на показатели физической и соревновательной подготовленности мужчин-дзюдоистов. Некоторые исследователи указывают на отсутствие существенного влияния коротких периодов использования специфичных ВИИТ на определенные показатели физической подготовленности дзюдоистов [10].

Другие исследователи приводят полярные оценки эффективности использования ВИИТ с соотношениями интервалов нагрузки и отдыха 30/10 с или 20/10 с [3; 7]. Результаты исследования позволяют существенно дополнить знания о влиянии специфичных для дзюдо ВИИТ на уровень работоспособности и соревновательной подготовленности молодых женщин юниорского возраста (от 18 до 22 лет), соревнующихся в дзюдо.

Выводы

Результаты исследования позволяют утверждать о существенном положительном влиянии специфичной для борьбы дзюдо высокоинтенсивной интервальной тренировки, характеризующейся соотношением временных интервалов нагрузки и отдыха 30/10 с, на показатели специальной работоспособности и соревновательной подготовленности дзюдоисток-юниорок по сравнению с высокоинтенсивной интервальной тренировкой, имеющей следующее соотношение временных интервалов нагрузки и отдыха — 20/10 с.

Область применения и перспективы. Полученные результаты позволят тренерам более эффективно использовать средства и методы высокоинтенсивных интервальных тренировок в процессе подготовки дзюдоисток юниорского возраста (от 18 до 22 лет) к конкурентной соревновательной борьбе. В ближайшей перспективе планируется провести дополнительные исследования, посвященные оценке влияния различных по своей двигательной структуре и соотношению интервалов нагрузки и отдыха высокоинтенсивных интервальных тренировок на показатели специальной работоспособности и соревновательной подготовленности женщин-дзюдоисток.

Список источников / References

1. Зекрин Ф. Х. Факторная структура физической и функциональной подготовленности дзюдоистов на этапах многолетней спортивной подготовки // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. Т. 12, № 1. С. 61–68.
2. Тарабрина Н. Ю., Бадтиева В. А. Факторы спортивного успеха в единоборствах (обзор литературы) // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24, № 1. С. 135–144.
3. Franchini E., Julio U. F., Panissa V. L. G., Lira F. S., Gerosa-Neto J., Branco B. H. M. High-intensity intermittent training positively affects aerobic and anaerobic performance in judo athletes independently of exercise mode. *Frontiers in Physiology*. 2016. Vol. 7. P. 268.
4. Ouergui I., Delleli S., Chtourou H., Formenti D., Bouhlel E., Ardigò L. P., Franchini E. The role of competition area and training type on physiological responses and perceived exertion in female judo athletes. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No. 6. 3457.
5. Шиян В. В. Специальная выносливость дзюдоистов высокой квалификации и способ ее количественной оценки при подготовке к ответственным соревнованиям // Теория и практика физической культуры. 2022. № 6. С. 3–5.
6. Prokopczyk A., Sokołowski M. Aerobic capacity and restitution efficiency level in relation to the training experience and weekly training volume of male and female judo national team members in the cadet age group (U18) during the preparatory period. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No. 17. 11142.
7. Zhang Z., Xie L., Chen L., Gao C., He J., Lu M., Yang Q., San J., Li D. Effects of different work-to-rest ratios of high-intensity interval training on physical performance and physiological responses in male college judo athletes. *Journal of Exercise Science & Fitness*. 2024. Vol. 22. No. 3. Pp. 245–253.
8. Осинов А. Ю., Гуралев В. М. Использование краткосрочных программ высокоинтенсивных функциональных тренировок в предсоревновательном цикле подготовки боевых самбистов // Вестник спортивной науки. 2023. № 4. С. 11–16.
9. Vasconcelos B. B., Protzen G. V., Galliano L. M., Kirk C., Del Vecchio F. B. Effects of high-intensity interval training in combat sports: A systematic review with meta-analysis. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2020. Vol. 34. No. 3. Pp. 888–900.

10. Magnani Branco B. H., Lopes Silva J. P., Ferreira da Silva Santos J., Ferreira Julio U., Leme Gonçalves Panissa V., Franchini E. Monitoring training during four weeks of three different modes of high-intensity interval training in judo athletes. *Archives of Budo*. 2017. Vol. 13. Pp. 51–62.
11. Osipov A. Y., Guralev V. M., Lyakh V. I., Ratmanskaya T. I., Vapaeva A. V., Kudryavtsev M. D. Investigation of effects of short-term strength training interventions on sport performance in elite male judokas. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 16. № 2. Pp. 274–286.
12. Kamandulis S., Dudėnienė L., Snieckus A., Kniubaite A., Mickevicius M., Lukonaitiene I., Venckunas T., Stasiule L., Stasiulis A. Impact of anaerobic exercise integrated into regular training on experienced judo athletes: running vs. repetitive throws. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2024. Vol. 38. No. 9. Pp. 489–495.
13. Sterkowicz S. Test specjalnej sprawnosci ruchowej w judo. *Antropomotoryka*. 1995. No. 12. Pp. 29–44.
14. Sterkowicz-Przybycień K., Fukuda D. H., Franchini E. Meta-analysis to determine normative values for the special judo fitness test in male athletes: 20+ years of sport-specific data and the lasting legacy of Stanisław Sterkowicz. *Sports*. 2019. Vol. 7. No. 8. 194.
15. Sterkowicz-Przybycień K., Fukuda D. H. Establishing normative data for the special judo fitness test in female athletes using systemic review and meta-analysis. *Journal of Strength and Conditioning Research*. 2014. Vol. 28. No. 12. Pp. 3585–3593.
16. Prieske O., Chaabene H., Gäbler M., Herz M., Helm N., Markov A., Granacher U. Seasonal changes in anthropometry, body composition, and physical fitness and the relationships with sporting success in young sub-elite judo athletes: An exploratory study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No. 19. 7169.

Поступила 05.02.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 30.03.2025.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-теоретическая статья

УДК 340.1; 343.98 © Десятов М. С., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-487-490

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Правосознание судей в системе судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью: проблемы правовой психологии

Михаил Сергеевич Десятов, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника (по учебной работе)¹;
mih_des@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0558-5688>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр-кт Комарова, 7, Россия

Реферат. Введение. Цель — анализ ценностных противоречий и профессиональных деформаций судей в условиях судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью и проблематики формирования их правосознания. **Материалы, результаты и обсуждение.** Обеспечение законности и эффективности оперативно-розыскной деятельности является одним из важнейших направлений судебной практики в условиях современного правового государства. Судебный контроль в этой сфере призван служить гарантией соблюдения конституционных прав граждан при реализации мер, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений. **Выводы.** Роль судей в процессе судебного контроля невозможно переоценить, поскольку именно от их правосознания, включающего правовую идеологию, психологическую устойчивость и профессиональное воспитание, зависят качество принимаемых решений и защита правовой базы общества.

Ключевые слова: правосознание, правовая психология, оперативно-розыскная деятельность, судья, судебный контроль

Для цитирования: Десятов М. С. Правосознание судей в системе судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью: проблемы правовой психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 487–490. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-487-490>

Scientific and Theoretical Article

UDC 340.1; 343.98 © Desyatov M. S., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-487-490

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences; 5.1.4. Criminal Law Sciences

Judges' Legal Consciousness in the System of Judicial Control over Operational Crime Detection Activities: Problems of Legal Psychology

Mikhail S. Desyatov, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, first Deputy-Chief (in Educational activity)¹;
mih_des@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0558-5688>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7, Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. Introduction. The purpose is to analyze the value contradictions and professional deformations of judges in conditions of judicial control over operational crime detection activities and problems of formation of their legal consciousness. **Materials, Results and Discussion.** Ensuring the legality and effectiveness of operational crime detection activities is one of the most significant areas of judicial practice in the modern law-governed state. Judicial control in this area is intended to serve as a guarantee of observation of citizens' constitutional rights when implementing measures aimed at crime prevention and crime solution. **Conclusions.** The role of judges in the process of judicial control cannot be overestimated, because it is their legal consciousness, which includes legal ideology, psychological stability and professional education, that the quality of decisions made and the protection of the legal basis of society depend on.

Keywords: legal consciousness, legal psychology, operational crime detection activities, judge, judicial control

Citation: Desyatov M. S. Judges' Legal Consciousness in the System of Judicial Control over Operational Crime Detection Activities: Problems of Legal Psychology. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 487–490 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2025-4103-487-490>

Основные положения

1. Судья в оперативно-розыскном процессе — фигура уникальная по своему правовому статусу и процессуальным возможностям. Он не занимает ни одной из сторон, что, на первый взгляд, роднит оперативно-розыскной и уголовный процесс. Однако судья невольно вовлечен в негласные процедуры, где, кроме судьи и оперативно-розыскного органа, иные участники процесса отсутствуют, а судья остается один на один с инициатором запроса. Данное обстоятельство предполагает наличие определенных психологических, правовых, тактических, организационных особенностей реализации судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью.

2. Судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью нередко осуществляется в условиях не только негласности, но и дефицита времени и исходной оперативной информации, послужившей основанием для обращения в суд. Это требует от судьи наличия профессиональных знаний в оперативно-розыскной сфере, а также способности к быстрому и точному пониманию сути такого обращения, его обоснованности. Довольно часто судьи занимают крайние позиции: от полного и порой не вполне обоснованного доверия к оперативным подразделениям в целом и конкретным оперативным сотрудникам в частности до абсолютного неприятия оперативно-розыскной информации, воспринимаемой как результат нелегальной деятельности. Подобное отношение просматривается при наличии когнитивных искажений, сопутствующих принятию судебных решений, таких как эвристика доступности, эффект якоря и эффект подтверждения гипотезы.

3. Судья, как и любой правоприменитель, наделенный профессиональным правосознанием, подвержен воздействию различных факторов, влекущих деформацию последнего. Это отражается как в резко негативных проявлениях, так и в позитивных действиях без видимых на то оснований. Здесь важно отметить не воплощение, а причины таких деформаций, среди которых можно выделить конвейерность принимаемых решений, отсутствие фактической самостоятельности при принятии неординарных (нешаблонных) решений, колоссальную загруженность судейского корпуса и ряд других.

4. В целях формирования и развития профессионального правосознания судей, осуществляющих контроль за оперативно-розыскной деятельностью, полезно проводить на регулярной основе ряд мероприятий, направленных на обучение психологическим приемам саморегуляции и стрессоустойчивости в различных ситуациях, повышение уровня правовых знаний в сфере оперативно-розыскной деятельности и др.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Методологической основой исследования вы-

ступают системный подход, позволяющий комплексно анализировать правосознание как элемент института судебной власти, сравнительно-правовой метод для изучения практики санкционирования оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), а также психолого-правовой анализ факторов, влияющих на принятие судебных решений. Как отметил А. Н. Быков, «роль правосознания в юридической практике проявляется через его способность опосредовать применение права, определяя характер и направленность юридических решений» [1], что особо критично в условиях оценки сложных оперативно-тактических комбинаций.

Исходя из этого особое внимание в настоящей работе уделяется проблематике формирования правосознания судей в условиях судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД), анализу ценностных противоречий и профессиональных деформаций, а также психологическим и воспитательным аспектам такой деятельности.

Материалы, результаты и обсуждение

Формы участия судьи в оперативно-розыскном процессе. Участие судьи в оперативно-розыскном процессе сводится фактически к двум основным формам: санкционированию ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, и рассмотрению жалоб в отношении неправомерных действий со стороны органов, осуществляющих ОРД. Оба варианта предполагают погружение судьи не только в предмет обращения, но и в психологический подтекст, сопровождающий судебный контроль. Именно этот аспект требует от судей знания как специфики ОРД, особенно в негласной ее форме, так и индивидуальных особенностей каждого конкретного обстоятельства, послужившего основанием для обращения в суд. Умышленно не станем разделять обозначенные выше формы участия судьи в ОРД, поскольку проанализированные ниже психологические аспекты обладают в определенном смысле универсальностью с незначительными извлечениями.

Первое, на что необходимо обратить внимание, — это специфичность объекта судебной оценки и ее психологические последствия. Принципиальное отличие оценки материалов ОРД от оценки доказательств в судебном заседании заключается в характере предоставляемой информации:

— дефицит информации и гипотетичность. Материалы, представляемые в суд, имеют, как правило, вероятностный характер, что продиктовано самой сутью ОРД. Безусловно, осознание инициатором ходатайства значимости такого решения заставляет его собирать все максимально возможные данные, указывающие на необходимость проведения столь серьезного с точки зрения правовых последствий мероприятия, как, например, обследование жилища или прослушива-

ние телефонных переговоров. Однако вряд ли оперативный сотрудник заранее и стопроцентно уверен в результативности подобного мероприятия, он лишь с высокой долей вероятности полагает о целесообразности его проведения и невозможности получения доказательственной информации иным законным способом. В указанных условиях судья вынужден принимать решение на основе не итогового отчета, а оперативных данных, которые носят вероятностный, фрагментарный и предположительный характер, что формирует уникальную психологическую нагрузку, связанную с необходимостью прогнозирования развития событий и оценки рисков (вероятности совершения преступления, реальности угрозы);

— конфликт между «закрытостью» и принципом состязательности. Материалы ОРД представляются в суд в одностороннем порядке, без участия стороны защиты, что вполне логично, учитывая соблюдение конспирации в оперативно-розыскном процессе. Это исключает элемент непосредственного состязания аргументов, перекрестного допроса, что является мощным психологическим инструментом проверки достоверности в традиционном процессе. Судья лишен этой возможности и должен соблюсти баланс, не отдавая предпочтения крайним позициям: с одной стороны, проявлять повышенный скептицизм, самостоятельно выискивая логические несоответствия, пробелы и признаки потенциальной ангажированности оперативных сотрудников; с другой — исходить из презумпции добросовестности правоохранительных органов, наделенных не только властными полномочиями, но и известной степенью ответственности за неправомерные действия.

Вторым важным аспектом является наличие когнитивных искажений в принятии судебных решений по материалам ОРД:

— эвристика доступности. Судья, регулярно рассматривающий дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, может переоценивать статистическую распространенность таких деяний, что может вести к «перестраховке» и санкционированию ОРМ даже при недостаточно веских аргументах, дабы избежать потенциальной утраты сведений, имеющих доказательственное значение;

— эффект «подтверждения гипотезы». Регулярно общаясь с представителями оперативно-розыскных органов, судья невольно может занять сторону обвинения, в результате чего искать в материалах в первую очередь информацию, подтверждающую выдвинутую версию, и недооценивать данные, которые ей противостоят. В этом ключе развивает мысль Г. Г. Шиханцов, говоря о «косном стереотипе», под которым понимает нежелание и неспособность отдельных судей объективно воспринимать действительность с приоритетом собственного мнения;

— эффект якоря. Факт обоснованности ранее поданных ходатайств о проведении ОРМ, послуживших привлечению заподозренных лиц к уголовной ответственности, может спровоцировать возникновение у судьи иллюзии, что все последующие ходатайства, представленные при схожих обстоятельствах или теми же субъектами, также обоснованны и могут быть удовлетворены [2].

Общим для обозначенных когнитивных искажений является не только положительный для ходатайствующих перед судом оперативно-розыскных органов итог, но и негативное восприятие содержащихся в обращениях сведений. Это может быть продиктовано прошлым опытом судьи, личными неприязненными отношениями с конкретными должностными лицами, предвзятое отношение в целом к оперативно-розыскным органам и пр. [3, с. 145].

Третьим немаловажным аспектом служит проблема профессиональной деформации судей. Постоянная работа с «криминальным» материалом, необходимость оценки рисков и часто формальный, конвейерный характер рассмотрения ходатайств (особенно в крупных судах) могут способствовать профессиональной деформации правосознания судьи. Кроме того, выявлена тревожная тенденция к формализации независимого статуса судьи, что выражается в повсеместной направленности на принятие судебных решений в соответствии со «сложившейся правоприменительной практикой». Фактически речь идет о нивелировании таких понятий, как внутреннее убеждение и независимость судьи, выступающих в настоящее время в качестве декларативного тезиса, закрепленного в Кодексе судейской этики (ст. 8). Осознание этого факта в совокупности с колоссальными физическими и психологическими нагрузками снижает уровень объективной оценки конкретных оперативных материалов с «оглядкой» на ранее принятые аналогичные решения других судов или судей [4, с. 207–208].

В изучаемом аспекте немаловажны и ритуализация рассмотрения обращений, формальное согласие на проведение тех или иных мероприятий или повсеместный отказ в их проведении во избежание возможных нарушений со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, упомянутые психологические и организационные причины требуют комплексного преодоления посредством усиления подготовки судей к противодействию когнитивным искажениям, развития эмоциональной устойчивости и оптимизации нагрузки.

Пути повышения профессионального правосознания судей. В свете сказанного представляется, что психологическая устойчивость судей находится в неразрывной связи с развитием профессионального правосознания судей. Поскольку реализация судебного контроля за ОРД является необходимой гарантией

соблюдения прав и свобод личности, развитие правосознания судей выступает важной составляющей совершенствования оперативно-розыскного процесса в целом. К направлениям повышения уровня профессиональной подготовленности судей к решению поставленных задач можно отнести:

— оптимизацию нагрузки на судей с привлечением цифровых технологий (в том числе возможностей искусственного интеллекта) в части формализованных процедур принятия судебных решений;

— проведение с судьями психологических тренингов по саморегуляции, стрессоустойчивости, нацеленных на выявление психологических проблем, сопутствующих деятельности судей [5, с. 204];

— повышение квалификации судей, вовлеченных в оперативно-розыскной процесс, по вопросам актуальной проблематики осуществления ОРД и др. [6, с. 321].

Стоит признать, что участие судьи в рассмотрении ходатайств со стороны оперативно-розыскных органов и граждан, оспаривающих их решения, является на сегодняшний день незаменимым правовым инструментом обеспечения конституционных прав граждан. Аналогов фактически нет. В то же время загруженность судей, возрастающий поток таких обращений ожидают от судебной системы иного, нежели в настоящее время, подхода к решению вопроса о проведении ОРМ, требующих судебного санкционирования. Судьи не просто ревизоры или контролеры оперативно-розыскного процесса, они его активные участники, что предполагает целенаправленную работу по формированию у них профессионального правосознания

в русле борьбы с преступностью всеми законными средствами и методами.

Выводы

1. Проблематика профессионального правосознания в ОРД в настоящее время фактически является малоизученной, особенно в отношении судейского корпуса, в то время как именно от его представителей зависит значительная доля принимаемых в рамках рассматриваемого процесса решений.

2. Каждый участник оперативно-розыскного процесса обладает собственными особенностями правосознания, что необходимо учитывать при исследовании теоретических и практических аспектов ОРД. Профессиональное усмотрение судьи стоит чуть в стороне, особняком, поскольку требует привилегированного подхода с учетом правового статуса судей и их процессуальных возможностей.

3. Профессиональное правосознание нестатично, оно способно к трансформации, причем как в положительном, так и в негативном русле. Оно требует внимания со стороны носителя, его окружения, прежде всего в лице старших и опытных коллег и наставников.

Область применения и перспективы исследования. Полученные результаты могут быть использованы при проведении научных исследований в области теории оперативно-розыскной деятельности, а также теории государства и права. Учитывая то обстоятельство, что в обозначенной плоскости и направлениях изыскания в настоящее время практически не проводятся, изложенное может получить развитие в работах монографического уровня по проблематике правосознания в оперативно-розыскной сфере.

Список источников / References

1. Быков А. Н. Роль правосознания в юридической практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.
2. Шиханцов Г. Г. Юридическая психология. М., 1998. 240 с.
3. Ибрагимов И. М., Ибрагимова А. И. Совесть и правосознание российского судьи как гарантия обеспечения справедливого отправления правосудия и противодействия коррупции в уголовном судопроизводстве современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 142–148.
4. Меженина Е. В. Применение категорий «усмотрение», «совесть» и «профессиональное правосознание» при принятии решений судьями по уголовным делам // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 207–208.
5. Власова Г. Б., Ханинова Б. Л. Психологические аспекты правил поведения в профессиональной судебной деятельности // Евразийский научный журнал. 2016. № 6. С. 201–204.
6. Липская Е. Ю. Некоторые психологические особенности профессиональной деятельности судьи // Образование и право. 2024. № 6. С. 319–321.

Поступила 02.07.2025; одобрена после рецензирования 23.08.2025; принята к публикации 30.08.2025.

Научно-теоретическая статья

УДК 342.922 © Васильева Н. В., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-491-496

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Концептуальные основы формирования позитивной административной ответственности

Наталья Васильевна Васильева, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин¹; wekna-84mvd@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4383-4249>

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, Россия

Реферат. Введение. Цель — сформулировать основы концепции позитивной административной ответственности с учетом многообразия факторов, влияющих на психологический аспект ответственности, связанный с личностными качествами индивида, такими как чувство долга, совесть, осознание ответственности перед обществом и государством. **Материалы и методы.** Анализ и обобщение нормативных правовых актов, научной литературы, опыт правоприменительной деятельности сотрудников полиции, моделирование практических ситуаций. Методологическую основу исследования составил системный подход, представляющий концепцию позитивной административной ответственности как систему, состоящую из нескольких взаимозависимых компонентов. Такой подход позволяет учесть всю совокупность факторов, влияющих на развитие чувства ответственности у субъектов права. **Результаты и обсуждение.** Современное российское законодательство показывает тенденции к увеличению количества административно наказуемых деяний и усилению санкций. Несмотря на это, практика демонстрирует недостаточную эффективность репрессивных мер, поскольку правонарушители часто продолжают нарушать законы. Для преодоления этой ситуации необходима комплексная работа по формированию позитивной ответственности, включающая образовательную и просветительскую деятельность, направленную на повышение уровня правовой грамотности и сознательного исполнения законов. **Выводы.** Для эффективного функционирования системы позитивной административной ответственности необходимы совместные усилия законодательных органов, правоохранительных структур, судебных инстанций и образовательных учреждений.

Ключевые слова: позитивная ответственность, административная ответственность, профилактика правонарушений, эффективность

Для цитирования: Васильева Н. В. Концептуальные основы формирования позитивной административной ответственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. Т. 30, № 4(103). С. 491–496. <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2025-4103-491-496>

Scientific and Theoretical Article

UDC 342.922 © Vasilieva N. V., 2025

doi: 10. 24412/1999-6241-2025-4103-491-496

5.1.2. Public Law (State and Law) Sciences

Conceptual Basis for Building Positive Administrative Responsibility

Natalia V. Vasilieva, Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of State and Law Sciences¹; wekna-84mvd@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4383-4249>

¹ the North-Western Branch of Lebedev Russian State University of Justice, 5, Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russia

Abstract. Introduction. The objective is to formulate the basis for the concept of positive administrative responsibility with regard to the multiple factors that influence the psychological aspect of responsibility related to the individual's personality qualities, such as the sense of duty, conscience, awareness of responsibility towards society and the state. **Materials and Methods.** The methods employed involve the analysis and synthesis of normative legal acts, scientific literature, police officers' experience in law enforcement, modeling of practical situations. The methodological basis of the study was a system approach, representing the concept of positive administrative responsibility as a system that consists of several interdependent components. This approach takes into account all the factors that influence the development of a sense of responsibility in subjects of law. **Results and Discussion.** Modern Russian legislation shows a tendency to the increase in number of administrative punishable acts and strengthening of sanctions. Despite this, the practice proves insufficient effectiveness of repressive measures, as offenders often continue to violate laws. To overcome this situation, it is necessary to work comprehensively on the formation of positive responsibility, including educational and awareness-raising activities aimed at increasing the level of legal literacy and conscientious observance of laws. **Conclusions.** The effective functioning of the system of positive administrative responsibility requires joint efforts of the legislature, law enforcement agencies, judicial authorities and educational institutions.

Keywords: positive responsibility, administrative responsibility, prevention of offences, effectiveness

Citation: Vasilieva N. V. Conceptual Basis for Building Positive Administrative Responsibility. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2025. Vol. 30. No. 4(103). Pp. 491–496 (In Russ.). <https://doi.org/10. 24412/1999-6241-2025-4103-491-496>

Основные положения

1. Расширение перечня составов административных правонарушений и усиление санкций за уже существующие правонарушения свидетельствуют о стремлении государства более эффективно реагировать посредством наказаний на актуальные социальные проблемы — от защиты окружающей среды и животных до поддержания безопасности дорожного движения и противодействия информационным угрозам.

2. Помимо традиционной репрессивной меры (штрафов и иных административных наказаний), большим потенциалом эффективности обладает позитивная административная ответственность, опирающаяся на формирование правосознания и мотивацию к соблюдению законов.

3. Особое внимание следует уделять изучению механизма мотивации к соблюдению норм права, разработке эффективных форм разъяснительной, просветительской и профилактической работы. Важен акцент на необходимости сотрудничества образовательных учреждений и правоохранительных органов в этом направлении.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. За последние несколько лет мы наблюдаем внесение весьма объемных изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях, в частности введение новых составов правонарушений и ужесточение административной ответственности за введенные ранее правонарушения. Например, появилась ответственность за нарушение требований к содержанию животных и жестокое обращение с ними (ст. ст. 8.52–8.54 КоАП РФ, Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 230-ФЗ)¹, за выброс мусора из машины в неположенном месте (чч. 3.1–3.3 ст. 8.2 КоАП РФ, Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 287-ФЗ), за публичную дискредитацию Вооруженных Сил РФ и содействующих им лиц, организаций и добровольческих формирований (ст. 20.3.3 КоАП РФ, Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 57-ФЗ), за нарушение требований к производству и обороту легкого алкоголя (ст. 14.17.4 КоАП РФ, Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 363-ФЗ), введены новые штрафы для защиты прав потребителей (Федеральный закон от 19 октября 2023 г. № 505-ФЗ)². Ужесточена ответственность за нарушения, связанные с военными обязанностями, воинским учетом и мобилизацией (Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 404-ФЗ), за переход через железнодорожные пути в неположенном месте (ч. 5 ст. 11.1 КоАП РФ, Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 400-ФЗ)³, дополнены

нормы об ответственности за несоблюдение требований к маркировке рекламы (Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 274-ФЗ). И это только малая часть внесенных изменений, процесс продолжается и ожидаются дальнейшие дополнения в КоАП РФ.

Становится очевидным, что негативная (ретроспективная) административная ответственность все же воспринимается законодателем как основной способ воздействия на социум в целях установления правопорядка и состояния законопослушания. Однако системный взгляд на правовой инструментарий указывает на все более нарастающую необходимость использовать и иные способы воздействия, не такого явного и масштабного, но все же оказывающего необходимое положительное влияние на правосознание и правомерное поведение человека и затрагивающего иные стороны его психики и поступков.

В статье 2 Конституция Российской Федерации не только декларирует существование и приоритет прав и свобод, но и фиксирует принцип «связанности» государства правами и свободами: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Аналогично выстраивается и ответственность личности перед государством.

Материалы, результаты и обсуждение

Конструкция юридической ответственности неизменно находится в фокусе юридической науки. Ее многоаспектность и сложность не вызывают сомнений, что, в свою очередь, влечет большое количество исследований, теорий и гипотез относительно ее содержания.

В недавнем прошлом в отечественной юриспруденции доминировало мнение, что юридическая ответственность проявляется исключительно через негативные последствия для лица, которое совершило противоправный поступок. Иными словами, рассматривалась только ее ретроспективная сторона.

В ходе дискуссии, возникшей благодаря возрождению естественно-правовых концепций в начале 1960-х гг., снова поставлен вопрос о наличии, наряду с карательной составляющей, также и воспитывающей, т. е. направленной на воздержание от совершения правонарушений. Силы, проявляющиеся в осознанном и целеустремленном соблюдении требований закона, и представляют собой позитивный аспект юридической ответственности [1, с. 48–49].

Как справедливо подметил В. Г. Смирнов, правовую ответственность нельзя сводить лишь к пробле-

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 230-ФЗ. Здесь и далее в статье доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в статью 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 19 октября 2023 г. № 505-ФЗ.

³ О внесении изменений в статьи 11.1 и 23.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 400-ФЗ.

ме ответственности за совершение правонарушения: в правонарушении она только наиболее рельефно проявляется [2, с. 21]. Утверждение о том, что юридическая ответственность существует прежде всего в своем позитивном выражении, приобретает жизнеспособность, если рассматривать его как особое состояние личности, характеризующее глубоким пониманием интересов общества и государства, принятием действующих правовых установок, активным и добросовестным исполнением своих обязанностей и гражданского долга.

Несмотря на обрушившийся шквал критики на такую позицию, многие видные исследователи поддерживали ее, среди них Б. Т. Базылев [3], В. Н. Кудрявцев [4], Н. И. Матузов [5], Б. Л. Назаров [6], П. Е. Недбайло [7], М. С. Строгович [8], В. А. Тархов [9]. Позитивный аспект юридической ответственности признается не только в отечественной, но и в зарубежной литературе (Н. Werber, Н. Wolf [10], М. Weber [11], Г. Бойчев [12]).

Позитивная юридическая ответственность.

Сторонники позитивной юридической ответственности рассматривают проблему ответственности в широком гуманитарном ракурсе. Социальная ответственность, частью которой является юридическая, представляет собой обязанность субъекта соотносить свое поведение с общественной необходимостью, правильно оценивать свою роль в общественном процессе и выполнять требования, предъявляемые к нему обществом (позитивный аспект ответственности). Если же человек выходит за рамки установленного в обществе поведения, он должен претерпеть моральное осуждение (негативный аспект). На этом основании делается вывод, что юридическая ответственность может существовать не только тогда, когда нарушаются правовые нормы и требуется вмешательство государства для наказания виновных, а в первую очередь как ответственное отношение лица к своим обязанностям и его законопослушное поведение.

Существующие возражения и критика позитивной юридической ответственности основываются и на том, что положительное отношение к обязанности соблюдать закон и осознание такой обязанности не юридические категории [13, с. 16]. Соответственно, не следует их использовать при формулировании юридических понятий. Логичным доводом выступает положение о том, что с точки зрения закона и правоприменительной практики отношение лица к требованиям государства не имеет значения, важны лишь реальные поступки человека. Иными словами, юридически безразлично, каковы мотивы правомерного поведения. По мнению В. В. Мальцева, категории «долг», «убежденность», «обязанность перед обществом» в контексте позитивной юридической ответственности наполнены лишь нравственным содержанием. Определение юридической ответственности «через категории нравственного и морального порядка выводит из ее содержания „правовую сущность“, размывает рамки позитивной ответственности» [14, с. 159–160].

В таком случае возникают вопросы: возможно ли изолировать моральную сферу от юридической и наоборот? Действительно ли они существуют независимо друг от друга, не взаимодействуют, не влияют друг на друга? Действительно ли для правопорядка совсем не имеют значения моральные убеждения, патриотическое воспитание и просто обещание не переходить дорогу на красный сигнал светофора, даже если нет автомобилей?

В настоящее время — время усложнения общественной жизни, законодательства, развития технологий, возникновения новых общественных отношений, в общем, всех влияний постмодерна — системный подход к исследованию и созидательному процессу, в том числе в юриспруденции, может служить серьезным вспомогательным инструментом. И здесь следует сосредоточиться на влиянии и связях между разными способами и механизмами, с помощью которых можно достичь цели или хотя бы приблизиться к ней.

Почему же так важно исследовать позитивную юридическую ответственность? Одно дело, когда совершенное правонарушение вызывает соответствующую реакцию государства с его монополией на принуждение. Но совсем другое дело, когда необходимо предотвращать неправомерное поведение, исследовать механизмы, позволяющие влиять на него, формировать, поддерживать. Безусловно, когда поднимается вопрос о позитивной юридической ответственности, во весь рост встает проблема профилактики совершения правонарушений. Результативная профилактическая деятельность, с одной стороны, позволит существенно снижать расходы и экономить ресурсы государства на содержание всей той правоприменительной деятельности, которая запускается в связи с совершением правонарушения, а с другой — существенно снизит напряжение в обществе в целом и отдельных субъектов в частности в связи с предотвращением того негативного опыта, который они получают, подвергаясь наказанию. И в целом это самым положительным образом скажется на общем состоянии правопорядка.

В контексте нашей темы позитивная административная ответственность приобретает все большую важность и необходимость, потому что именно административные правонарушения составляют значительный объем в общей массе случаев неправомерного поведения. Кроме того, именно административная ответственность охватывает весьма разнообразные и важные сферы общественной и государственной (в смысле реализации полномочий публичной власти) жизнедеятельности.

Итак, под позитивной административной ответственностью предлагается понимать осознанное и добровольное принятие субъектом обязанностей и последствий своих действий в рамках административного законодательства. Это такое состояние, когда не только не нарушаются правовые предписания, но и осуществляется активное участие в жизни общества в целях поддер-

жания порядка и благополучия. Позитивная ответственность связывается с психическим отношением личности к содеянному в настоящем и в будущем, с осознанием долга, совести, моральных обязательств и т. д. [15, с. 53].

В качестве иллюстрации приведем пример на основе ст. 5.59 КоАП РФ, где устанавливается наказание в виде штрафа за нарушение установленного законодательством РФ порядка рассмотрения обращений граждан, объединений граждан, в том числе юридических лиц, должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций. Юридически ответственным в позитивном смысле будет считаться соблюдение правил и порядка рассмотрения обращений граждан уполномоченными на это субъектами, понимание назначения этих правил и порядка, важности осуществления данной функции для защиты прав и законных интересов обратившихся граждан. Иными словами, убежденность в том, что надлежащее и активное исполнение обязанности имеет большое значение для каждого, создает прочную основу правопорядка, уверенность граждан в защищенности и своей значимости для государства.

Следует обратить внимание на то, что, несмотря на наличие многочисленных составов административных правонарушений, влекущих ответственность должностных лиц, существующая нормативно-правовая база практически не устанавливает какой-либо конкретной ответственности субъектов публичной власти по результатам их деятельности, т. е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей. Большинство норм, связанных с ответственностью государства и государственных органов, носят больше декларативный характер [16, с. 479]. Однако важность понимания должностными лицами своей роли в поддержании правопорядка и стремления выполнять свои обязанности добросовестно и эффективно — один из главных факторов результативности деятельности публичной власти. Нередки случаи, когда деятельность должностных лиц осуществляется формально, без должного внимания к деталям. Кроме того, проблема коррупционных проявлений также, на наш взгляд, является следствием неформированной позитивной ответственности.

Формирование ответственного поведения. Большим потенциалом влияния на формирование ответственного поведения субъектов административных правоотношений, безусловно, обладает правоприменительная практика по делам об административных правонарушениях. И это не только применение санкций, но и разъяснительная, превентивная деятельность, а именно:

— реализация проектов, направленных на повышение доступности правовой информации, в том числе решения судов;

— регулярные лекции и семинары в трудовых коллективах, направленные на развитие правовой культуры и правосознания работников;

— организация консультационных центров, предоставляющих возможность гражданам получить профессиональную помощь и советы по вопросам административного права. Консультанты могут объяснить обратившимся их права и обязанности, помочь разобраться в сложных ситуациях и предотвратить возможные конфликты;

— разработка и распространение методических рекомендаций, разъясняющих особенности отдельных сфер общественной жизни, регулируемых административным правом. Обозначение «подводных камней», что может уберечь молодых сотрудников от совершения правонарушений по незнанию и неопытности;

— организация встреч с представителями правоохранительных органов. Во время таких встреч представители полиции, прокуратуры и судов рассказывают о своей работе, отвечают на вопросы граждан и объясняют, как работают правоприменительные органы.

Важно понимать, что субъекты правоотношений не совершают административные правонарушения не только из-за страха наказания. В то же время существует много примеров, когда не единожды подвергшиеся административным наказаниям лица вновь и вновь совершают правонарушения. Необходимо прилагать исследовательские усилия для того, чтобы понять причины такого поведения.

Можно выделить несколько каналов воздействия правоприменительной практики на субъектов административных правоотношений:

— предостережение — объяснение недопустимости совершения и осознание возможных негативных последствий правонарушения. Например, беседа сотрудников полиции с подростками, вступившими в драку, на понятном и соответствующем их возрасту языке. При наличии необходимой психологической подготовки полицейские могут объяснить последствия такого поведения, иные способы решения ситуаций;

— позитивное подкрепление — поощрение законопослушного поведения и активного участия в общественной жизни. Например, премии работникам и сотрудникам, показывающим не просто надлежащее выполнение своих обязанностей, но и их высокую эффективность;

— идентификация с примерами положительного поведения — примеры положительных действий других людей стимулируют подражание. Например, продвижение идеи, что законопослушным быть «модно», правильно не только с точки зрения закона, но и с точки зрения этики.

Выводы

1. Позитивная административная ответственность — это осознанное и добровольное принятие

субъектом обязанностей и последствий своих действий в рамках административного законодательства. Она предполагает внутреннюю готовность лица действовать в соответствии с требованиями законодательства, учитывая потенциальные последствия своих действий или бездействия, причем не из опасения возможного наказания, а вследствие внутреннего убеждения в справедливости и целесообразности правовых норм. Позитивная ответственность характеризуется инициативностью и самостоятельностью в исполнении обязанностей, осознанием своего вклада в поддержание общественного порядка и стабильного функционирования государственного аппарата.

2. Формирование позитивной ответственности представляет собой сложный и многоуровневый процесс, охватывающий различные аспекты и направления воздействия на сознание и поведение субъектов права. Этот процесс включает в себя не только традиционное применение штрафных санкций и иных мер ответственности, но и широкий спектр разъяснительно-профилактических мероприятий, нацеленных на предупреждение правонарушений и укрепление доверия граждан к органам власти.

3. Среди ключевых направлений деятельности можно выделить: разъяснительную работу (меры, способствующие росту правовой грамотности и формированию понимания необходимости следования установленным правилам), предупредительную деятельность (меры по профилактике правонарушений с упором на разъяснение возможных последствий административных нарушений и преимущества законопослушного поведения), обучение и подготовку кадров (меры по развитию программ подготовки специалистов, работающих в об-

ласти администрирования и контроля, обеспечивающих глубокое знание норм административного права и умение применять их на практике).

4. Эффективность процесса формирования позитивной ответственности возможна только при согласованной и целенаправленной деятельности всех заинтересованных сторон: правоохранительных органов, судебных инстанций, научных кругов, образовательных учреждений и общественности. Только совместными усилиями можно создать устойчивый общественный климат, основанный на уважении к праву и готовности исполнять его добровольно и ответственно.

Область применения и перспективы. Данные теоретические исследования могут быть положены в основу мер стимулирования добросовестного поведения субъектов права в широком спектре административных правоотношений, включая регулирование государственной службы, лицензирование предпринимательской деятельности, контроль соблюдения нормативных требований в различных сферах жизни общества. В частности, при разработке правовых механизмов, закрепляющих возможность признания положительных действий и достижения субъектами повышенных стандартов исполнения обязанностей. В перспективе формирование достаточного уровня позитивной административной ответственности повысит уровень доверия между гражданами и государственными структурами, уменьшит коррупционные риски, поспособствует сокращению числа правонарушений за счет формирования культуры законопослушания среди населения, бизнеса, должностных лиц, позволит оптимизировать ресурсы органов исполнительной власти и сосредоточиться на проблемных зонах регулирования.

Список источников / References

1. Джафаров Н. К., Керимов М. К. К вопросу о позитивной юридической ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 48–49.
2. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. 188 с.
3. Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4. С. 40–46.
4. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. 448 с.
5. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 294 с.
6. Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. 311 с.
7. Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения юридических норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 50–62.
8. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 73–75.
9. Тархов В. А. Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. № 2. С. 33–34.
10. Werber H., Wolf H. Strafrechtliche Verantwortlichkeit, System der Kriminalitätsvorbeugung — Bekämpfung und soziales Rechtssystem. Staat und Recht. 1969. № 1. S. 429–437.
11. Weber M. Politik als Beruf. Berlin, 1993. 661 p.
12. Бойчев Г. Санкцията в правната система на Народна Република България. София, 1972. 120 с.
13. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. 385 с.
14. Мальцев В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Правоведение. 2000. № 6. С. 152–169.
15. Ченус А. В. Теория позитивной юридической ответственности. М., 2016. 160 с.
16. Галустян Н. В. Позитивная юридическая ответственность государства перед личностью в современных условиях развития правового государства и гражданского общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 3(74). С. 427–434.

Поступила 24.06.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 30.08.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

- статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;
- индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;
- сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;
- полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;
- аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);
- ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;
- основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

- статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;
- объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;
- иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;
- сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);
- в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в международные научные базы. Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;
- источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;
- самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: **karavaevmvd@mail.ru**. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index).

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала. Публикации в журнале бесплатные.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!